ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

Krasnij Arkiv

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

tom 36.

ТОМ ПЯТЫЙ (ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ)

1929

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГОСИЗДАТА.
МОСКВА, Валовая улица, 28,
Главлит А-50636. П. 12. Гиз 35802.
Заказ № 3716. Тираж 1800 экз. 13¾ п. л.

Из переписки В. А. Маклакова с Национальным Центром в 1919 г.

Почти ровно десять лет тому назад, в сентябре 1919 года, в наши руки попала интереснейшая переписка кадетов, находившихся при деникинской армии, в Екатеринодаре, с кадетами, находившимися в Москве и готовившими здесь все на случай победы Деникина. Тогда же эта переписка частично и была опубликована в статье, которая появилась в «Правде» через три дня после взрыва Московского Комитета [1]).

Только через десять лет в наши руки попало не менее, если не более интересное дополнение к этой переписке: относящееся к той же самой эпохе огромное информационное письмо В. Маклакова из Парижа в Екатеринодар и ответ тех же екатеринодарских кадетов на это письмо. Если бы все эти документы были в наших руках одновременно, мы имели бы любопытнейший треугольник: Париж — Екатеринодар — Москва. Общая картина получается изумительной яркости.

Чрезвычайно характерно, что и в Париже и в Москве кадетская партия была представлена ее республиканским крылом. Московские кадеты, во главе которых стоял расстрелянный тогда же по делу о «кадетском заговоре» Н. Щепкин, видимо, понимали, до чего нелепы были всякие мечты о реставрации в той или иной форме царизма перед лицом тех настроений, каких они, эти московские кадеты, не могли не читать на лицах окружавших их масс. Они понимали, что мечтать о царизме в обстановке 1919 года даже в случае победы Деникина было бы приблизительно тем же самым, что мечтать о восстановлении крепостного права на другой день после разгрома крестьянской революции 1905—1906 года. Тогда этим мечтам предавались лишь наиболее дикие из помещиков, — теперь они обуревали головы только буржуазных либералов, дичавших в атмосфере деникинской ставки. Спор между «екатеринодарским» кадетом Степановым и «дядей Кокой» (псевдоним Н. Щепкина) воспроизведен в упоминавшейся выше статье «Правды».

По совершенно иным причинам были республикански настроены парижские кадеты. Перед ними не было народных масс, поднятых на ноги Октябрьской революцией, но перед ними были американцы и французы. Без денег первых, без солдат вторых буржуазная реставрация в России казалась немыслимой. Но и американцы и французы без малейшего колебания заявляли, что ни денег, ни солдат на восстановление ц а р с к о й России они не дадут. И для тех, и для других вовлечение масс в какую бы то ни

[1]) Статья перепечатана в сборнике: М. Покровский. Октябрьская революция, изд. Комакадемии. М. 1929.

было войну возможно было только под личиною «борьбы за свободу». Очень мало сознательным и старательно обманываемым массам можно было представить в виде такой «борьбы за свободу» низвержение большевизма. Но никаким массам в Западной Европе или Америке, как бы эти массы ни были малосознательны и как бы старательно их ни одурачивали, нельзя было бы представить «борьбой за свободу» восстановление царя.

Маклаков, видимо, понимал, что это простое соображение, простое на берегах Сены, моментально потеряет свою простоту и ясность, как только оно будет перенесено на берега Кубани. Вот почему он с таким явным и ловким, чисто адвокатским преувеличением ярко расписывает перед своими корреспондентами чуть-чуть что не прямо большевистские настроения масс в Европе после войны. Авось хоть это их проймет, надеялся он. Но деникинских кадетов пронять было трудно. Они только что отрезвились от своих республиканских увлечений марта 1917 года, только что твердо дали зарок «никогда больше не пить» — свернуть их с вновь обретенного ими правого пути на прежний скользкий путь было невозможно. «Единоличная военная диктатура», которая могла быть преддверием, — этого не мог не понять самый наивный человек, — чего угодно, только не демократической республики, только что, после долгих споров, была твердо освоена «Национальным Центром».

«Тем более нас смущают, — писали екатеринодарские кадеты, — мы не хотим употреблять более резкого слова — претензии наших добрых друзей французов руководить нашими политическими мыслями, планами и делами. Вслед за вами и мы готовы признать, что это «просто слабость человеческого ума, который не умеет молчать тогда, когда не понимает, и который судит тем свободнее, чем менее он связан знанием фактов». Но тогда не будемте же брать всерьез того мерила, по которому французы отличают фантазеров и лицемеров от людей здравомысленных и прямодушных. И когда они требуют, чтобы мы провозгласили республику для того, чтобы отмежеваться от монархистов, реставраторов и германофилов, то мы на это категорически скажем: не сбивайте армии с того правильного пути, на котором она стоит; она не провозглашает монархии и не пропагандирует монархических идей; не требуйте же, чтобы она провозгласила республику, — только эта нейтральная позиция в отношении к форме правления может собрать под знаменами Добровольческой армии одинаково и монархистов и республиканцев».

Тут был один тупик, — но не единственный. Письмо Маклакова затрагивает еще один пункт, которого московские кадеты не затрагивали и, в силу своего «московского» положения, затрагивать не имели никакого основания. Западно-европейские друзья российской буржуазии не только не видели ни возможности, ни надобности восстановления русского царизма, — они не могли не видеть, что и восстановление великорусского единодержавия, в какой бы то ни было политической оболочке, есть также дело неосуществимое. Царизм и русское великодержавие исторически тесно между собою спаяны. Только самодержавие могло создать ту «тюрьму народов», где томились под одинаковым гнетом и русский, и украинец, и грузин, и башкир и т. д., и т. д. Раз эта тюрьма разбита, содержавшиеся в ней арестанты, естественным путем, разошлись по своим домам, и дальнейшее их сожитие зависело исключительно от их доброй воли, и никакая принудительная внешняя сила, называлась ли бы она императором или учредительным собранием,

насильственно их объединить более уже не могла. Это более или менее ясно видели и французы и американцы. Но в Екатеринодаре и на этот счет была своя точка зрения. «Второй пункт настойчивых французских советов — федеративное устройство России,— писали Маклакову оттуда. — Что понимают французы в федеративном устройстве? Прирожденные централисты, у которых даже в языке нет слова для понятия самоуправления, что путного могут они нам посоветовать в этом отношении? И хотя в этом пункте они единодушны, он-то как раз и является каким-то чудовищным недоразумением. Вы формулируете французскую точку зрения по этому вопросу так, что восстановление России произойдет снизу, а не сверху, путем слияния отдельных частей, а вовсе не успехами деникинской или колчаковской армий».

В Екатеринодаре понимали только один ход по всем линиям — ход рака, хвостом вперед. Если мы вспомним, что именно 1919 год был годом развертывания нашей национальной политики (к лету этого года относится образование Башкирской Автономной Республики), нам будет ясна вся та пропасть, какая отделяла старую, буржуазную Россию от России новой, пролетарской и советской. В Екатеринодаре сидели политически мертвые люди, и никакие струи живой воды, откуда бы ни пытались их направлять, из Парижа или из Москвы, этого трупа оживить не могли. Труп можно было только гальванизировать, и это вполне успешно делали в тот момент англичане, чисто механическими средствами: посылкой танков и аэропланов, патронов и медикаментов. Мертвые люди приходили от этого в радостное оживление, которое красной чертой проходит через всю их переписку с Парижем и Москвой. Но это оживление было фальшивое. Покойник ожить не мог.

М. Покровский.

Копия письма В. А. Маклакова от 2 м[ая] н/с. из Парижа, полученного 12 м[ая] с/с. 1919 года [1]).

Вчерашний день я получил письмо ваше и Астрова, и завтра уезжает оказия с капитаном Гиллом. Пользуюсь этим случаем, чтобы написать вам, что смогу и успею.

И прежде всего, вы были бы правы, если бы упрекали нас и в десять раз более горько за молчание. Но ведь, на самом деле, мы не молчали. Я послал уже писем восемь, и не моя вина, если они не дошли. Оказии непосредственно с Деникиным были слишком редко, оказии с Бухарестом — постоянно. Нам казалось, что этого достаточно, и те, кому мы вручали эти письма, брались их вам доставить. Повторяю: не наша вина, что этого не случилось. Держать вас в курсе того, что делается, телеграммами трудно, так как телеграммы приходится посылать очень короткие; кабель так перегружен и без того, что некоторые телеграммы

---

[1]) Заголовок оригинала, представляющего собой машинописную копию (Моск. Центр. Архив Октябрьской Революции).

идут неделями. Наконец, тут есть масса отдельных представителей, которые телеграфируют каждый по своей специальности и по неотложным вопросам, и на долю того, что называется общей политикой и общей информацией, не остается ни времени, ни места. Вот оправдание или, по крайней мере, объяснение нашего молчания. Но, повторяю, что ваше возмущение отсутствием подробной информации мы все, и я в частности, приняли близко к сердцу и так или иначе это поправим. Пока же буду говорить вам обо всем, о чем успею.

Мы чувствуем необходимость информации уже потому, что видим громадную пропасть между настроением России и заграницы. Те русские, которые попадают сюда через 2—3 дня, отказываются уже от многих прежних своих точек зрения. Конечно, это не меняет нисколько ваших, и отсюда все растет и крепнет то разногласие и то взаимное недоверие, которое многое нам портит.

Я говорю «недоверие взаимное», так как ведь здесь слишком много наших и ваших врагов, которые раздувают всякую мелочь и стараются поссорить союзников и Россию, а материалов и поводов для этого слишком достаточно.

Я ужасно жалею, что не могу хотя на несколько дней приехать к вам и все рассказать и на все вам ответить; в письме этого никогда не ухитришься сделать, тем более, что все впечатления слагаются из массы отдельных мелочей. Постараюсь все-таки, чтобы вы меня поняли.

Прежде всего необходимо, чтобы вы отчетливо знали, до какой степени трудно, чтобы не сказать безвыходно, положение победителей. Многим из вас казалось, что, как только немцы будут разбиты, союзники пришлют свои войска, уничтожат большевиков, заключат справедливый и даже победоносный мир, — и все пойдет по-хорошему. Ни о чем подобном здесь сейчас нет и речи, и по мере того как на Западе живут, как забывается опасность, становятся заметнее трудности, и становится все яснее ошибочность вашей точки зрения. Победа, которую одержали союзники, есть победа Пирра во всех отношениях. Прежде всего, все державы, кроме Америки, почти накануне банкротства; у одних подоходный налог доведен до 80% дохода, у других, где злоупотребляли бумажным обращением, имеются такие цифры: на 40 миллиардов бумажек 3 миллиарда покрытия, а впереди ничего, кроме нового выпуска бумажных денег, не предвидится. Здесь уже приходят к заключению, что единственное средство избежать общего банкротства, это составление общей кассы, общих финансов для всей так называемой Лиги Наций. Никакой кредит, никакие налоги так или иначе бюджета не покроют. Но вы понимаете, что общая касса всегда выгодна для одних и разорительна для других, и той солидарности наций, которую она предполагает, в действительности, не имеется. Вот почему

государства стоят перед непреодолимыми финансовыми затруднениями, и никаких практических выходов, кроме упования либо друг на друга, либо на германскую контрибуцию, не имеется. А вы можете себе представить, что такое мечты о германской контрибуции и насколько это фантастично, это во-первых, а во-вторых, — пять лет войны и напряжение всех сил, конечно, вызвали реакцию. Вы не можете себе представить, что делалось здесь, когда было заключено перемирие. Все бросились отдыхать по-своему: люди состоятельные стали раздеваться, одеваться и танцовать, забыв о всяких ограничениях; рабочий люд стал требовать сокращения рабочего дня и повышения заработной платы. Вы знаете, что восьмичасовой рабочий день повсюду вотирован, а в некоторых странах в миниатюре повторяется то, что происходит в России, — рабочий труд не окупает уже рабочей платы, и рабочие становятся пенсионерами государства. Вместе с тем политические претензии рабочего класса и вообще широких демократических масс, как принято у нас выражаться, очень возрастают. Если бы все правительства, начиная от Вильгельма, предвидели, к какому моральному перевороту приведет эта война, как придется оплачивать все ее жертвы, конечно, они на войну бы не пошли. Но об этом говорить теперь поздно. Факт тот, что везде правительства, представляющие правящие классы, чувствуют себя на вулкане, везде против них идут претензии тех, кто хотел бы занять их положение, смотрят с завистью и предубеждением на всякое социальное неравенство и преимущество и благодаря этому к нашему большевизму относятся с нескрываемой симпатией. «Конечно,— говорят они, — там много глупости и дикости, но общая идея нам нравится». Немцы необыкновенно умно назвали своих большевиков «спартакистами»: это — чувство если не взбунтовавшегося раба, то, во всяком случае, — чувство человека, который хотел бы на некоторое время, хоть не на долго, получить все то, что до сих пор он не имел. Не в этом настроении, не в этой атмосфере можно создавать что-нибудь прочное и итти водворять порядок в России. Падение государственного чутья у масс в данный момент поразительное; все стоят накануне предполагаемой революции с таким чувством, с которым стояли когда-то мы. Что из этого выйдет, не знаю, но интересно попробовать. Наконец, вы понимаете, где демократия начинает чувствовать свою силу, находятся и демагоги; и вот здешние демагоги, которые еще пока не победили, но приобретают сторонников с каждым днем, находят слишком благодарную почву и в медленности мирных переговоров, и в безвыходном положении правящих классов перед финансовыми затруднениями, и в неумении их выйти из войны неповрежденными. И создается такого рода силлогизм: Маркс, действительно, говорил, что нужно развитие рабочего класса и постепенное исчезновение капиталистического строя,

чтобы перейти к социализму, но Маркс не предвидел одного,— что капитализм сам себя уничтожит, как уничтожила его война. Сейчас капитализм есть пустое место — идейно и материально, а потому наступил момент для социализма. Нужно его пробовать и путем революционным. Вот тот лозунг, которым сейчас оперируют здешние передовые вожди.

Скажу вам еще о войске. То войско, которое мне приходится наблюдать, французское, делало чудеса во время войны, и некоторые оптимисты говорят, что оно сделает их и еще, если понадобится, но это только в том случае, если причина войны будет популярна и на самом деле будет поддерживаться тем национальным напором, выразителем которого был Клемансо, и за что ему простятся все его грехи. Но как только нет этого напора, как только французский солдат начинает сомневаться в пользе того дела, которое делается, войско разлагается с такой же быстротой, как и у нас, и по тем сведениям, которые до нас дошли, позорная сдача Одессы была вызвана именно таким разложением, и, дорожа своим войском, [французы] боятся посылать его на явную гибель и разложение. А демагоги из вопроса демобилизации делают вопрос внешней и внутренней политики. Они внушают, что если войска не демобилизуются, то только потому, что их требуют на русскую экспедицию.

Завтра, 1 мая [1]), здесь предстоят демонстрации, колоссальные и грандиозные. Одним из требований манифестантов является отказ от какого бы то ни было вмешательства в русские дела. Вот вам настроение широких демократических масс и то положение, в котором очутилось бы правительство, если бы вздумало этому перечить. Этим и объясняются неясности их политики, и ошибки, и неискренность: они сами пообещали послать помощь на юг России и захватить Киев и Харьков и не смогли этого сделать — подчеркиваю: не «не захотели», а «не смогли». И эта невозможность ясна для всякого, кто сюда прибывает.

Но это только одна сторона дела — именно, трудность для них разрешить вопрос наиболее простым и легким способом без военного вмешательства. Когда заходит речь не о военном вмешательстве, а вообще об определенной политической линии поведения, хотя бы в том смысле, чтобы каждый знал, кому союзники — враги, кому — друзья, то мы приходим к другому ряду трудностей и неясностей. Ведь в самом деле, не может же вас не смущать, что, с одной стороны, посылается вооружение и помощь Колчаку и Деникину, а с другой, появляются сюрпризы вроде приглашения на Принцевы острова. Это результат того, что нет определенной политики ни среди всех союзников вместе,

[1]) Так в подлиннике.

ни среди отдельных правительств и государств. Вы хорошо понимаете, что позиция Америки совсем не та, что позиция Франции. Франция, если не считать Италии, наиболее решительно и твердо стояла на позиции непризнания большевиков. Америка же не раз пыталась, если не столковаться с ними, то обратить их на путь истинный. Как же вы хотите, чтобы союзники, которые непременно хотят итти одним фронтом, не отражали в своей политике преобладания то одного, то другого настроения; иногда уступит один, иногда уступит другой, — в конце концов, всегда находится линия компромисса, в которой посторонний человек ничего понять не может. Вас, как и нас, возмутил Принкипо, т. е. желание трактовать большевиков как порядочных людей, а если бы вы знали, сколько труда было употреблено на то, чтобы склонить некоторых союзников на интервенцию в Сибирь, на помощь чехо-словакам и как часто настойчиво возбуждался вопрос о полном признании большевистского правительства! Если с великим трудом и в минуту величайшей опасности союзники додумались до единого военного командования, то до единого большевистского фронта еще они не додумались, или, вернее сказать, пока он невозможен. Да вы это, вероятно, хорошо понимаете и на месте.

Я вам говорил о несогласии между отдельными союзниками; теперь посмотрите, что делается в каждом отдельном государстве. Наиболее типичный пример — Англия, где премьер Ллойд Джордж опирается на парламент из его бывших противников. Точно также и кабинет составлен из людей совершенно не его партии. И Ллойд Джордж хорошо понимает, что он не может итти слишком влево без того, чтобы не быть опрокинутым парламентом, но и парламент имеет основание думать, что в случае новых выборов он выйдет совсем иным. Избирательная кампания шла не на вопросах внутренней политики, а в минуту шовинистических увлечений, на угаре победы, на споре о том, нужно ли требовать суда над Вильгельмом и полного платежа Германией всех военных издержек, а совсем не на внутренних реформах. Все левые члены — Гендерсон, Рамзай Макдональд и др., были разбиты, и даже сам Асквит был разбит именно за то, что они не были достаточно шовинистичны. Вот что дало большинство правому парламенту. Теперь настроение переменилось, и если бы произошли новые выборы, то картина была бы другая. Отсюда та политика виляния, шаркания направо и шаркания налево, которая издали представляется какой-то бессмыслицей. Но это, в сущности, та же политика, которой следовали кадеты во II Государственной Думе, когда они балансировали между правыми и левыми. Все это вместе и не дало до сих пор возможности определить строго и твердо одну линию поведения, даже относительно большевиков. Но позвольте напомнить вам, как представляются здесь эти

анти-большевики. Прежде всего, не забывайте, что мы в самое последнее время стали узнавать что-то о вас, и узнавать столько же от ваших сторонников, сколько и от противников. Так, например, если к нам доходят вести о Колчаке, то они приносятся столько же его партизанами, сколько и теми, кого он удалил из Сибири, и вы, конечно, не можете ожидать от них большого беспристрастия.

Теперь я должен вам сказать, что, может быть, только сейчас Европа начинает понимать не только опасность большевизма, но даже реальные условия его появления. Вначале это казалось столь фантастичным, что западно-европейский мозг не вмещал этого. Мы, русские, сами в этом виноваты. Я приехал сюда в самый день большевистского переворота, и отчасти искренно, отчасти затем, чтобы не подрывать веры к России и не давать союзникам впадать в отчаяние, я отнесся к известию о большевистском перевороте совершенно спокойно, предсказывая, что это явление преходящее и через несколько дней, может быть, недель, самое большее месяцев, от него не останется и следа, — словом, говорил то, что говорили у нас в России, и не я один, а почти все русские, с которыми об этом рассуждали. Французы были рады этой уверенности и поверили. И вот мы систематически выставляли героями будущей России, или, вернее сказать, вождями анти-большевистского национального движения, то Алексеева, то Корнилова, то Каледина, некоторые затем даже Керенского. Все то, что мы говорили и предсказывали, жадно подхватывали союзники, помещали в газетах, трубилось и так же немедленно заменялось горьким разочарованием. И началось недоумение: что же это такое значит, как могло быть, что такое дикое, нелепое отвратительное движение вдруг охватило всю Россию? Далее стали с тревогой и недоумением спрашивать себя: ну, а где же вожди новой демократической России, что же они делают, почему они не успевают? Оказывалось, что они сидят в тюрьмах, а другие просто исчезли с горизонта, не оставив следов своего существования. Шли недоумения: почему это так, почему страна не идет за ними? Вместо ожидаемого подъема страны по призыву вождей шли слухи о том, что страна идет за какими-то новыми людьми и что сами эти вожди в негодовании от глупости страны. Сами русские, приезжавшие оттуда, утверждали, что страна не созрела, что страна не может разобраться ни в политических программах, ни в политических людях, что она неготова и т. д. А тогда на Западе спрашивали: если это так, то каким же образом самая разумная, по общему признанию, политическая партия в России, кадеты, сами свою политическую программу строили на полном народоправстве без ограничения пола и возраста?

Словом, я не буду рассказывать всего того, о чем вы можете сами догадаться, что оставляло очень горький след в здешнем политическом

представлении и что мешало людям ставить свою ставку на определенную надежду: не успевали найти фаворита и любимца, как этот любимец проваливался. Я вспоминаю как характерную мелочь то, что́ было с Колчаком. Первый раз имя Колчака появилось очень давно, именно в Манчжурии. Когда я здесь услыхал, что он туда приехал, я был очень доволен и обращал внимание всех союзников, говоря: вот это — настоящий человек. Посмотрите, что он сделает. Была послана телеграмма, Колчаку сделали хорошую прессу и ждали, что вот-вот он совершит что-то чудесное, и все за ним пойдут. Прошло несколько недель, даже меньше, и стало известно, что Колчак со всеми переругался и уехал в Японию. И вот вам новое недоумение: где же, наконец, ваши герои и что же это за страна, которая в такой момент не выдвинула ни вождей, ни сплоченного негодования, ни многого другого? Теперь картина становится ясней, и мы можем хотя бы отвечать на эти вопросы, хотя бы указывать, как иностранцы проглядели все то, что делалось в России в смысле борьбы с большевизмом, и причину его успеха. Да они начинают это понимать и без наших указаний; тогда же это было для них целым откровением, и недоверие к прочности русского национального движения, боязнь ошибиться заставляла их все более и более занимать [1]) эту ужасную политику... И здесь начинается одно из опаснейших течений, которому все-таки не нужно придавать слишком много значения,— главное, которое нужно правильно понимать,— это неожиданное и все увеличивающееся перемещение упования союзников в России на отдельные национальности, входящие в ее состав. И началось это с Украины, т. е. с самого начала большевистского переворота. Когда большевистский фронт уже явно разлагался, на юго-западном фронте, где был Щербачев, была сделана какая-то попытка отделиться от России и, оставаясь на почве независимого украинского государства, продолжать войну с немцами. Вы не можете себе представить, какое впечатление это произвело здесь и какую хорошую прессу Украина имела первые дни. В сущности, ею стали интересоваться только в тот момент, стали спрашивать, что такое Украина, какой ее социальный состав, на чем основано различие психологии, — все это были вопросы, которые трактовались вкривь и вкось в специальной и общей литературе. Явилась надежда, что если погибла северная Россия, то можно отстоять Россию южную. И не скрою от вас, что мы, русские, здесь цеплялись тоже, как утопающий за соломинку, за эту возможность, думая: а вдруг это правда? Вдруг — потому, что это страна более земледельческая, большевизм в ней осечется, и Украина сумеет удержать войска на немецком фронте. Мы нисколько не сомнева-

[1]) Так в подлиннике.

лись в том, что Россия никогда на две части не расколется, но думали, что, может быть, спасение, объединение и возрождение России выйдет именно с юга, так же, как думаете и вы в своей политике около Добровольческой армии. Словом, та платформа, на которой мы стояли в украинском вопросе, была та, что [это] — движение, по существу, искусственное, вызванное теми мелкими преследованиями украинской народности, которые допускались прежним царистским правительством, с одной стороны, агитацией украинской интеллигенции — с другой стороны, но которое возымело успех и стало национальным только с того момента, как большевики в центре заставили их искать спасения в независимости; а потому, — говорили мы, — как только будет уничтожен большевизм и как только будущая Россия, вместо преследований из центра, будет равно, справедливо и либерально относиться ко всем,— почва для сепаратизма исчезнет. Это казалось очень приемлемым, приятным и правдоподобным, но вы знаете, чем это кончилось. Должен сказать,— и теперь я этому очень рад,— что я все-таки предупреждал французов о том соблазне, что немцы постараются подкупить Украину. Я советовал им держать ухо востро и помнить, именно, что Украина, может быть, и заключит союз с немцами на выгодных условиях; но это было то мнение, которое я высказывал с осторожностью и только правительственным лицам, а не прессе. Пресса же, которая была настроена оптимистически, относилась к Украине с большой симпатией. Провалилось и это, началось разочарование во всем украинском движении, а потом пошло хуже: переворот Скоропадского, масса кадет около него и, наконец, немецкая ориентанция самого Милюкова. Вежливые и внешне очень любезные французы — я хочу подчеркнуть эту внешнюю любезность, так как я здесь ни разу не слышал и не видел какой-либо враждебной по внешности выходки в отношении русских, а то, что мне говорили здесь, что будто бы в русских газетах был слух о том, что я был освистан в театре, — не только абсолютная, но и невозможная ложь, потому что этого не только не было, но судя по отношению французов, этого и быть не могло, — итак, несмотря на эту внешнюю вежливость, началось поголовное разочарование в России вообще.

И вот в это время, как я уже вам говорил, поднимается так называемый национальный вопрос отдельных мелких национальностей. Сначала к нему относились довольно смутно и неясно; не знали, что эти национальности могут представить и обещать и в какой мере они могут представлять реальную силу, но затем, с одной стороны, искусной пропагандой, а с другой стороны, может быть, именно потому, что мелкие национальности на почве их маленьких дел было легче поставить на ноги, стали образовываться зародыши анти-большевистских правительств, которые, в большей или меньшей степени успешно,

с большевиками боролись. Первое время это тоже не казалось опасным для единства России; воссоздание России начнется снизу, а не сверху — было общим мнением. Если какая-нибудь Эстония ухитрится устроить демократическое правительство и выкинуть от себя большевиков, то уже это полезно, так как это победа над большевистской анархией. Наконец, самый сепаратистский характер в этих национальностях был своим острием направлен вначале не против России, а против Германии. В то время, как известно [?] классы Литвы и Эстонии тянули к немцам, низы тянули к самостоятельности, и от них, казалось бы, нельзя было требовать, чтобы они, находясь под немцами во время войны, до заключения Брестского мира, говорили о своих руссофильских чувствах. Это им в вину не ставилось, и общение союзных правительств с этими мелкими национальностями мало-по-малу стало превращаться в покровительство им, а это еще усилилось и общей идеологией, и правом народов на самоопределение, и вообще всем тем, что́ сейчас в моде как последнее слово демократизма. Даже такие испытания, как было с Финляндией, которая на другой день после своего признания поехала в Берлин, не отрезвили союзников. Когда мелкие национальности приходили и говорили, что они могут бороться с большевизмом и побороть его, если им помогут деньгами и военным материалом, то союзники не могли им в этом отказать. Когда он будет уничтожен, у вас будет приличное правительство, — то вы с национальностями сговоритесь. Ваше единство не искусственное, и как бы ни была слаба связь между отдельными частями России, время ее только укрепит. Самое главное сейчас — это все-таки это единство не потерять, и поэтому нужно скорее кончать с большевизмом. Я совершенно не сомневаюсь в том, что первое время все это было совершенно искренне и что никакого желания использовать сепаратизм России для ее ослабления у союзников, как таковых, не было, не было даже и у отдельных правительств, но, может быть, было у отдельных людей, которые следовали старым традициям, но желания расчленить Россию не было. Однако по мере того как большевизм одерживал успех, а все попытки стать на ноги оказывались слабыми и беззубыми, возможно, что отдельные политические умы союзников стали ставить перед собою вопрос: а что если в самом деле Россия кончена, что если она больше не встанет? Если это так, нужно строить иную ориентацию, нужно не стараться воскресить то, что уже невозможно, а нужно использовать то, что можно. Может быть, отдельные лица и стали в это время строить план о союзе с прибалтийскими государствами, об оторвании Закавказья или еще о чем-нибудь другом. Все это, повторяю, относится к области отдельных мечтаний, но не это есть основа реальной политики. Реальная политика для меня не оставляет сомнений: в тот день, когда

союзники поверят, что Россия встать может, и когда это будет крепнуть, в этот день будут прекращены всякие расчеты на расчленение России, и союзники определенно и ясно встанут на сторону именно единой и цельной России. Пока же этого нет, и пока этот процесс продолжается все дальше и дальше, они будут покровительствовать образованию отдельных мелких национальных государств, воздерживаясь, может быть, от их окончательного признания, но стараясь удерживать их в орбите союзнической ориентации. И вот для этого они готовы даже многим пожертвовать, и вся судьба России зависит сейчас от того, насколько русское национальное движение, которое идет и за Деникиным и за Колчаком, стало действительно глубоким, прочным, настоящим национальным движением, а не искусственным, которого хватит только на короткое [время] и которое опять превратится в пассивную оппозицию всякой власти и в поедание друг друга. Тогда, может быть, между союзниками начнутся такие мысли: почему нам привязывать свою ладью к России, про которую неизвестно, встанет ли она или нет; обеспечим себе дружбу, помощь и покровительство этих небольших народов, у которых, по крайней мере, жив патриотизм, у которых большевизм не имеет успеха и которые возникли с нашей помощью, с нами же и останутся,— словом, вся судьба России в руках этого течения, а не союзников.

Конечно, вы хорошо понимаете, какие громадные ошибки были сделаны в области этой политики; достаточно всего того, что делалось относительно украинства за последнее время перед сдачей Одессы. Но в оправдание союзников только скажу вам, что на эту политику их толкали сами русские, а не украинские сепаратисты, — правда, часто из еврейского сословия, которых довольно много в Одессе. Это они говорили, что украинское движение есть движение здоровое, которое нужно поддерживать, которое может спасти Украину; говорили и многое другое, о чем вы, вероятно, знаете лучше меня, и все те, казалось бы, непростительные промахи, которые союзники делали, все это ничем не меняет моей общей оценки этого положения.

И вот тут я хочу подойти к основному вопросу, — я бы сказал к роковому для всех нас, — именно к естественно зарождающемуся, но крайне для всех и для всей нашей будущности опасному — русскому германофильству. Разочарование в союзниках, законное и естественное, в виде противовеса получило обращение своих взоров на Германию. Это — факт, который знаете, вероятно, и вы, который хорошо известен и здесь, это — течение, которое может спутать все карты, а затем изменить все отношения к нам и к русской ориентации, и потому о нем я хочу сказать несколько подробнее. Я хорошо понимаю, что разочарование в союзниках, в их искусстве, а отчасти и в их добрых намерениях,

в виде реакции влечет за собой преклонение перед немцами. Я получил письма в этом смысле; мне говорили о том порядке, который навели немцы, и о том беспорядке, который получился, как только там появились союзники. Такое рассуждение и логично и, может быть, неизбежно. Приемы управления немцев, конечно, гораздо выгоднее и действительнее там, где нужно силой водворить порядок, властвовать сверху. Они и войну вели лучше союзников, и, конечно, тот факт, что они четыре года воевали, сам по себе доказывает преимущество милитаризма во время войны. Но те, которые вспоминают о них с каким-то сожалением, уподобляются тем, кто, сделав эту революцию и только прикоснувшись к ней, мечтает о добром старом времени Николая II. Нужно было революции не делать и оставаться на позиции старого режима, стараясь его исправить, но вернуть то, что было, уж нельзя, — ни прежнего государственного административного механизма, ни прежнего обаяния династии, ни ореола непобедимости. Хотим ли мы или не хотим, а исходные точки сейчас иные, и приходится на деле считаться с тем, чего мы прежде легкомысленно не замечали. Так вот, так же бесполезно теперь мечтать о немецкой ориентации. Германия сейчас разбита и встанет очень нескоро. У нее нет сейчас уже ни сил, ни возможности повторить то, что она сделала при Скоропадском, и те, которые думают об этом, просто рассчитывают на союзника, которого нет. Я не вхожу в вопрос, было ли это лучше, потому что это упрощает спор. Германская ориентация сейчас самая бессмысленная и бестолковая. Не предрешая того, что будет после, когда оправимся и мы и они, если в этой дали [1]) будут продолжаться многие ошибки, которые делались до сих пор, и многие недоразумения, которые возникали, то, кто знает, может быть, и действительно последует сближение России с Германией. Это хорошо понимают на Западе, и на это указывают всегда, когда рассуждают о создании Великой Польши и независимой Финляндии. Все это может быть, но повторяю: не скоро, мировые ориентации все могут измениться, и я не говорю о тех комбинациях, которые представляются, просто из желания не быть болтливым. Но в данный момент, когда речь идет о воссоздании, о воскресении России, немцы нам не помощь, а тягота. Это, во-первых, а во-вторых, соображения, которые здесь тоже очень ясны. Немцы вовсе не дошли то того сознания, при котором они могли бы искать сближения с Россией без корыстных видов на нее. Это странно, но это так. Немцы не сумели этого сделать после большевистского переворота, когда с заключением мира с Россией на иных справедливых началах они могли бы сговориться с Россией. Они и тогда, имея на плечах весь западный фронт, пожелали кое-что заработать и на восточном. Это обжорство их погубило

[1]) Так в подлиннике.

тогда, и оно их и сейчас не покинуло. Немцы и сейчас продолжают интриги против России, хотели бы отыграться за поражение на Западе, за отнятие Эльзас-Лотарингии или Польши именно на России. Быть может, когда они признают себя побежденными, когда они будут сломлены и морально, иными словами, тогда, когда от них уже никакой помощи ждать будет нельзя, быть может, тогда они согласились бы помочь нам бескорыстно. Пока же это только прикрытая политика захватов и сговора за русский счет. Они готовы были бы сговариваться с любой из этих маленьких национальностей, которые мечтают о сепаратизме, и не потому, — как французы и англичане, — что им кажется, что этим все-таки уменьшается круг анархических территорий, а просто потому, что этим они захватят это в свои руки. Союзники бессознательно им служат, но сами корыстных видов не преследуют. За сговор же с немцами им пришлось бы заплатить очень дорого. Наконец, представим себе иную комбинацию: после волны большевизма у немцев начинается реакция, они восстанавливают империю и ищут реванша в России. Тогда возможно, что если к тому времени в России будет еще большевизм и анархия, они смогут водворить порядок у нас ценой захвата России, но тогда это будет сделано помимо нас,— хотим ли мы этого или не хотим, это будет сделано против нас и приведет нас к порядку, которого мы не захотим. Так что и эту комбинацию я предоставил бы тем германофилам, которые были ими и до и после войны.

Мне слишком хорошо видны здесь многие недостатки союзников, и необычайно отчетливо видно, как легкомысленно они вели войну и как все более легкомысленно сейчас толкуют о мире. Это легкомыслие в связи с сознанием России [1]), в связи с массой других интересов, и парализовало то действие, которого мы от них ждали. Но я все-таки скажу, что все это перемелется и что ни Франция, ни Англия не пожелают исчезновения и слабости России, не пожелают ничем на ее счет поживиться. Они запутались в трех соснах: между пристрастием к демократизму, боязнью своих демократических партий, боязнью реставрации в России, боязнью германофильства России, — словом целого ряда боязней, которые столь же плохие советники, как и невежество. Но дайте России только встать на путь выздоровления, и они все будут рады, и все этому помогут, между тем как немцы, притворяясь нашими друзьями, и сейчас интригуют против нас и в Эстонии, и в Финляндии, и в Украине, и всюду. Я никогда не был германофилом, но сейчас политического влияния Германии на Россию я боюсь еще больше, чем прежде. Оно будет и глубже, и вреднее, и бесповоротнее.

Теперь возьмем другую сторону — что нам может быть [1]) и чем для нас опасна прежняя ориентация в русле с союзниками. Понимая

[1]) Так в подлиннике.

все, что накипело в душе против отдельных неловких шагов, понимая даже те подозрения, которые основаны и на исторических воспоминаниях и, может быть, на отдельных выступлениях, в окончательном выводе все-таки можно с уверенностью сказать следующее: Франция ни в какой мере не заинтересована в ослаблении России; наоборот: сильная Россия ей необходима, так как без нее она в Европе будет изолирована. У нас нет ни малейшей противоположности интересов с Францией, и ее денежные претензии к нам сами по себе требуют и сильной, и богатой, и единой России. Конечно, был некоторый флирт с украинцами, продолжается он и с поляками и с финляндцами, но не забудьте, что все это основано отчасти на незнании, — скажу в скобках, что французы или, по крайней мере, большая публика и сейчас убеждена, что Варшава досталась России по первому разделу,— отчасти на традиционных воспоминаниях и симпатиях, основанных в значительной степени на позиции русских передовых кругов, которые в своей ненависти к старому режиму преувеличивали страдания и Польши и Финляндии, а еще больше на том, что в момент крушения России, когда можно было опасаться, что Россия есть действительно расслабленный колосс, от которого скоро ничего не останется, — Франции приходилось цепляться за остатки ее прежней мощи. Но как только появляется вера в то, что будет сильная Россия, все симпатии Франции, самые искренние, идут опять к ней. Можно, конечно, подымать вопрос о том, явится ли сама Франция достаточно сильной державой, чтобы союз России с ней был для России полезен; можно думать об этом именно теперь, когда Франция истощена, но нельзя сомневаться в том, что никто из великих держав меньше Франции не потеряет за свою дружбу и союз.

Теперь — Англия. Здесь вопросы гораздо сложнее. И я опять скажу: в суждениях наших русских людей часто появляется такое же легкомыслие, какое бывает и в суждениях самих союзников. Вспоминая прошлое, мы слишком скоро думаем, что англичане хотят чем-то поживиться на наш счет и что они отберут у нас Закавказье, Эстонию и т. д. Я скажу на это: конечно, если Россия развалится бесповоротно, то Англия, конечно, постарается, чтобы из ее наследства что-нибудь выпало и на ее долю. В этом отношении она предпочтет, чтобы Прибалтийские провинции были под ее, а не под немецким, влиянием, а Закавказье — под персидским, т. е. под тем же английским. Это естественно, но это только в том случае, если она никакого сопротивления со стороны России не встретит. Думать же, что Англия стала бы этого добиваться и поддерживать слабость России умышленно затем, чтобы за ее счет поживиться, — значит не представлять себе ни английской психологии, ни того внутреннего состояния, в котором она будет сейчас.

Англия сама не легко переносит результаты этой войны, а вопрос об отношении метрополии к колониям будет очередным вопросом. Англии будет очень трудно переварить все то, что она забрала. На сколько поколений хватит забот, чтобы не только ассимилировать, но и привести в свою ориентацию все то, что ею захвачено, но и не разорвать той тонкой ниточки, которая связывает ее старые колонии с метрополией! Всякий лишний враг в это время для нее очень опасен. Англичане — не глупые политики, и они не будут поддерживать брожения и натянутых отношений у себя из-за простой жадности. Война выиграна больше всего Англией, и наступил момент для нее не развалиться от этой победы. И потому повторяю: если отдельные политики, отдельные генералы на местах и могли говорить и даже делать уступки, которые возбуждали справедливые подозрения России, то в общем политика Англии в отношении России есть политика не дружбы, а честности. Я прихожу к постоянному припеву: как только мы начнем выздоравливать, нам сейчас в этом помогут. Ведь мы напоминаем разорившегося купца, который сейчас же находит [кредит], как только становится ясным, что он более в нем не нуждается. Скажу, к слову: достаточно было некоторых, может быть не окончательных, успехов Колчака на Поволжье, чтобы именно Англия поставила вопрос об его признании.

Теперь — Америка. Я Америки не боюсь нисколько. Америке ничего от нас не нужно, но американцам — да. Деловые американцы, вероятно, с большим интересом глядят на возможность делать дела в России. Их склонность — скорее сойтись с большевиками, признать какое угодно правительство, но только признание его обусловливается не столько демократизмом американцев, сколько именно желанием скорее начать делать дела, одинаково полезные и для России и для американских карманов. Но если это была причина того, что Америка не только не помогла, а, пожалуй, помешала сбросить большевиков в свое время вооруженной силой, то все-таки в будущем она представляется не опасностью, а спасением. Ясное дело, что мы не обойдемся своим капиталом и что этот капитал нам даст не Франция и не Англия. Необходимо скорее доказать американцам, что большевизм не есть тот прочный порядок, при котором их капиталы могут работать в России. Они торопятся. Отдельные эмиссары, представители капитала американского и американо-еврейского, наслушавшись Ленина, может быть, и склонны были бы поскорее, в то время, когда державы говорят об интерзенции, начать уже работать в России, точь-в-точь как когда-то французские и бельгийские капиталы пользовались передними министерства финансов и влиятельных лиц, чтобы схватывать тоже концессии. Но если здесь лежит источник того индифферентизма к гражданской войне, и, пожалуй даже, того предпочтения, которое они имеют

к быстрым решениям, хотя бы ценой признания большевиков, то Америка, как государство, никаких злых умыслов против России не имеет и ни к каким территориальным захватам не стремится. Напротив того: она будет нашим первым защитником против чьих-либо других захватов. Недаром она так завистливо глядит на Японию. Я говорю это, предоставляя вам самим развить эту мысль до конца.

Итак, вы видите, что, несмотря на многие тяжелые минуты, которые мы пережили, и горькие слова, которые мы говорим, несмотря на обманутые надежды, на чувство союзника, к которому отнеслись с неблагодарностью, несмотря на многие разочарования, которые, может быть, предстоят нам впереди, я все-таки скажу, что воскрешение и возрождение России должно привести ее в русло союзнической, а не немецкой ориентации. Я бы сказал, что в международной политике перед нею стоят другие задачи: привлечь в русло русской ориентации многие другие государства — Чехию, Юго-Славию. Я бы сказал даже, что на очереди у нас сейчас самое трудное — уметь добиться такого разрешения польского вопроса, чтобы война с Польшей и дружба с ее врагами не стала для нас исторической необходимостью. Это все те очередные, ближайшие, доступные нашему разрешению вопросы, которые ставятся сейчас, и где, конечно, мы найдем помощь союзников. Именно на этой почве у нас не будет общего языка с Германией. Дружба с Германией пока значила бы и разрыв с сербами и чехами и вообще повторение прежней русской политики, которая работала на прусского короля, и потому в настоящее время мне представляется совершенно необходимой не та политика, которая ставит кабинетные вопросы, ведет к разрывам и накапливает горечь, — словом, не политика чувства, а политика очень осторожная, но настойчивая. Мы ведь превосходно понимаем всю опасность покровительства мелким государствам за счет России и необходимость этому мешать. Но мы также превосходно понимаем, что здесь на нас работают и время и здравый смысл, что если слишком настаивать, доводя дело до обострения, особенно, если внушить ту мысль, которую и без того стараются внушить наши враги, что победа России неизбежна в союзе с Германией, то тогда то, что́ пока является неловкостью, неумелостью, случайностью, может превратиться в определенную систему. Я говорю, что время работает на нас, так как очень скоро маленькие национальности поймут невозможность своей независимости. Пока их непримиримость складывается из той же радости свободы, с которой встретили русскую анархию в России непонимающие и нерассуждающие люди — удовольствие для профессиональных политиков сыграть ту роль, которую они, конечно, не могли бы играть в России. Но время покажет, — и, скажу, уже показывает, — как все это ничтожно и

мелко, а когда где-то встанет призрак возрождающейся и крепнущей России, то и с ними разговоры будут просты. Нужно, следовательно, выгадывать время, ничего не обостряя. Скажу далее, что иногда я рисую для них завидные перспективы. Я совсем не хочу сказать: обманывая их теми обещаниями, которых мы держать не собираемся, но и не раздражая их той великодержавной нетерпимостью, которая у нас, очевидно, столь же неестественна, как у Наполеона на Св. Елене было естественно поддерживать все обаяние и все церемонии императорского двора. Здесь же, когда видно, что Россия еще никак не может встать на ноги, претензии оставаться в прежних отношениях к населяющим Россию национальностям, — скажем, в частности, к тому, чтобы не допускать с ними сговора, а продиктовать им свою волю, дать им автономию, но не иначе, как решением Учредительного Собрания, — все это в настоящее время кажется таким непониманием своих сил и своего положения, что нас только роняет, и потому многие словесные уступки, которые мы делаем, главным образом, сводятся к признанию того, что будущие отношения частей России будут основаны на соглашениях государства между этими частями, — эта позиция нам необходима, если мы хотим мешать национальностям добиться того, чего они больше всего сейчас хотят, т. е. их официального признания как независимых государств. Вы, вероятно, знаете про поданное нами здешней Парижской Конференции заявление 9 марта о национальностях, которое имело только одну цель — отсрочить разрешение всех этих вопросов до того момента, когда окрепнет Россия, но которое начинало с провозглашения самого либерального отношения к ним и сочувствия устроить им их национальную жизнь. Это как раз та позиция, которой нам нужно держаться, именно это наше заявление имело небольшой [1]) успех.

Я пишу слишком много, потому что пишу в условиях очень выгодных — диктую, ходя по комнате, и за мною записывают. Так можно говорить до бесконечности, но оказия едет сегодня, нужно кончать. Хочу сказать два слова о том, о чем нам часто приходилось вам писать — о требовании здешних союзников, направленном на определенную внутреннюю политику в России. То, что я сейчас сказал, вернее — слова, которыми я это высказал, идут дальше моей мысли. Речь идет не о вмешательстве во внутреннюю политику, а о том, пока непоправимом непонимании того, что́ совершается в России. Я не знаю, боятся ли в России реакции и реставрации, но здесь их очень боятся. Вы не выбьете из головы, что реакция с характером реставрации есть не что иное, как необходимый поворот в германскую ориентацию. Это

[1]) Так в подлиннике.

идет так далеко, что даже сторонники конституционной монархии для России с широким избирательным правом и парламентаризмом все же подводятся под рубрику реставтароз. А главное — здесь убеждены, что реставрация не может быть сделана иначе, как чужими штыками, и не может водвориться иначе, как белым террором и насилием. Общественное мнение демократии никогда не позволит, чтобы войска их служили этому, а поэтому, — говорят они, — это возможно только с помощью немцев; так это попробовал Скоропадский, и, следовательно, тот, кто об этом мечтает, непременно думает о германской ориентации. Вот та точка зрения, на которой здесь стоят. Отсюда и тревожное наблюдение за тем, что́ представляют собой Колчак и Деникин и другие генералы. Всякие слухи и известия о том, что около них скрываются монархические реставраторы, поют «боже, царя храни» и т. д., немедленно раздуваются, подхватываются социалистами и пугают правительство. Всякие слухи, что эти военные прибегают к белому террору, что они гонят своих политических противников, производят то же впечатление. Есть некоторые факты и положения, которые нужно принять, как они есть, и оспаривать которые невозможно. Вы не убедите, по крайней мере, в настоящее время, что путь оздоровления России может итти через политическую социальную реакцию. Я не знаю, держатся ли у вас такого мнения, но если кто-нибудь из нас защищает его здесь, то теряет и всякий авторитет и всякое доверие. Про него говорили бы, что это или наивный или хитрый человек и, непременно, тайный германофил. Для здешних политиков американских и даже французских нелегко переварить господство военной власти, как таковой. Но с этим еще можно примириться, поскольку эта военная власть мотивирует свое существование наличностью военной атмосферы, гражданской войны и необходимостью создания войска, поскольку она немолчно твердит о том, что она исполняет временную задачу и сложит свою власть к ногам Учредительного Собрания, поскольку, наконец, она имеет неоформленную симпатию и поддержку населения. Но как только это начинает оспариваться, как только ваша военная власть выставляется в свете власти, исключительно держащейся штыками, приравнивая ее к большевикам, так сейчас же все прежние подозрения вырастают. Вот почему нам и приходилось не раз советовать вам отсюда не упускать ни одного случая, чтобы представить дело так, как есть, т. е. подчеркнуть не только ненависть народа к большевизму, но и его сочувствие этому военному движению, подчеркнуть, что если формально над вами нет какой-либо гражданской, тем более основанной на выборном начале, власти, то не упускайте ни одного случая, чтобы там, где это можно, сейчас же водворять самоуправление, привлекать к государственной жизни

демократические слои, и главное, что все это — ненормальное устройство, при котором хозяином является некто, захвативший себе власть, сам не имеющий под ней ни легального титула Учредительного Собрания, ни наследственного права, что всякий, фактически сделавшийся властью, пользуется ею — в предвидении близкого момента, когда он эту власть вернет народу. Я не могу указать вам сейчас на форму заявления, на практические предложения; хочу только, чтобы эта основная точка зрения была вами усвоена, чтобы вы именно ею объясняли все часто неуклюжие советы, которые могут вам давать отдельные люди. Но повторяю: все это постольку, поскольку в России не выкристаллизовалось чего-то, что явно растет и усиливается. Ведь иностранцы глядят на Россию так: все прежнее разрушено, и явится что-то новое, а это новое — его и не видать. Мы все акушеры перед родами, и всякий дает совет по-своему, и нельзя отнять от иностранцев права критиковать тех, кто, по их мнению, губит родильницу и убивает младенца. Те советы, которые они нам дают, вовсе не свидетельствуют о понимании ими русской жизни, но и не свидетельствуют о злом умысле; это просто слабость человеческого ума, который не умеет молчать тогда, когда не понимает, и который судит тем свободнее, чем меньше он связан знанием фактов. И вот, исходя из этого, французы, — я говорю сейчас только о них, — свели к трем основным положениям их дезидерата относительно России. Не то, чтобы они нам это навязывали, но это есть мерило, по которому они судят людей: кто стоит на правильной позиции, а кто — либо лицемер, либо фантазер. Эти дезидераты следующие: первое — республика. Мы не сдаем этого пункта, утверждая, что признание верховенства Учредительного Собрания исключает возможность выражений симпатии к республике. Одно из двух: либо Учредительное Собрание не полноправно и не может устанавливать по своему усмотрению форму правления, и тогда нельзя о нем говорить как о хозяине русской земли, либо нельзя рядом с ним ставить, как нечто обязательное, республику. Конечно, все это логично, и против этого ничего серьезного нам возразить не могут. Но французы подсказывают нам другое: ведь республика, — говорят они, — уже была провозглашена и объявлена. Следовательно, кто вам мешает брать это как факт, который может быть изменен, но, все же, как факт? А слово это сказать нужно, чтобы отмежеваться от монархистов, от реставраторов, от германофилов. Вот и первый пункт, чисто французский и, конечно, американский. Я не думаю, чтобы на нем настаивали англичане, что было бы нелогично, да они и вообще меньше занимаются советами. Второй пункт: федеративное устройство России. В этом они все единодушны. Вообще, должен вам сказать, что, по общему мнению даже тех, кто верит в единство России и в ее

восстановление, это восстановление произойдет снизу, а не сверху, путем слияния отдельных частей, фактически сейчас независимых, а вовсе не успехами деникинской или колчаковской армий. По их мнению, эти армии никогда не смогут завоевать силой окраин, а главное — это совсем и не нужно. Централистический строй был не силой, а слабостью России, и если только воскреснет Россия, притом либеральная, демократическая, а не царистская, то сами национальности поймут всю выгоду соединения с ней. Один из наших верных друзей англичан говорил мне: не бойтесь, если установленная соглашениями связь центральной России с окраинами будет очень тонкой и слабой, время ее усилит; а не разорвет, а бойтесь только того, что эта связь будет вовсе разорвана.

Наконец, третья дезидерата — это решение аграрного вопроса. В этом вопросе здесь существует, конечно, полное невежество. В чем состоит русский аграрный вопрос и в чем его трудности, никто не знает. Им всем вообще представляется, что крестьяне захватили помещичьи земли — эти колоссальные поместья, в которых жили помещики, жили феодалами, разделили все между собою и работают, а сейчас помещики желают будто бы землю от крестьян отобрать. Конечно, так рассуждают глупые люди, а их всегда ведь большинство. Но даже те, которые имеют более ясное представление, и те вполне усвоили одну основную мысль, что только мелкие земельные собственники — противоядие против большевизма и что аграрная реформа на началах передачи земли в собственность, на началах ликвидации крупного землевладения, совершенно неизбежна. Это, можно сказать, и европейский вопрос; я бы сказал, — это вообще одно из тех последствий войны в области социальных отношений, которого избежать невозможно. Решение аграрного вопроса или, во всяком случае, торжественное объявление, что никакой аграрной реставрации не предполагается, это тоже... [1]), и мы очень рады, что заявления Деникина и Колчака дают нам в этом отношении некоторую почву.

А затем — последнее слово. Самое интересное с точки зрения философии истории — понять и определить, что такое выйдет с социальным строем после мировой войны и русской революции. Яснее всего для всех, что прошлого не вернешь, и не только в России, но и здесь, на Западе. Новые порядки все сведутся, конечно, к ограничению собственности, возложению тягот на богатые классы. Англия платит подоходного налога до 80%, то же самое будет, вероятно, и везде. Социализм сделал успехи очень большие, и та волна социальной революции, которая непременно пройдет по всей Европе, хотя в некото-

[1]) Пропуск в подлиннике.

рых странах она и не сопровождалась бы никакими внешними признаками революции, т. е. гражданской войны, низвержением власти и т. д., — эта социальная революция, которая даст другие социальные отношения и другие понятия, приведет нас к чему-то другому. И вот интереснейшая проблема: понять сейчас и усвоить, что́ именно останется от всего этого. Я смотрю на Россию с тем же вопросом: что́ останется у нас от большевизма, когда наступит законная и неизбежная реакция? Я думаю, что со стороны политической мы будем все требовать и настаивать на сильной власти, а не на личных свободах, на политической дисциплине, на подчинении власти, будь то власть монарха, или парламентаризма, или президента республики, но роль этой власти в государстве страшно расширится и усилится, и подчинение этой власти будет считаться гражданским долгом и давать даже внутреннее удовлетворение. Это первое. А второе, я думаю, будет страшный позыв к продуктивной работе, к созданию ценностей, производительности; мы будем чувствовать омерзение к политиканству, к красноречию, к юриспруденции и адвокатуре. Создавать скорее ценности, превращать ум в материальное благо, это будет та новая позиция, на которую в России все кинутся. Это будет настоящий буржуазный строй с уважением к капиталу, предприимчивости, ко всякой компетенции в этой области. Наконец, в-третьих, я думаю, что, как законная реакция, наступит и раж работы. Всякая праздность, отдыхание, ограничение часов и т. д. — все это тоже пропадет. Работать и работать — будет основным лозунгом. За всем этим исчезнет много того, что мы любим в России, в русской душе: бесконечные разговоры за самоваром, философствование, любовь к слабым и бедным, — словом, много прежнего первобытного и примитивного в русской натуре. Будет исключительно ставка на сильных, в которой мы вываримся.

Но я сам начал философствовать и потому кончаю. При первой следующей оказии буду считать, что вы все это уже знаете, и расскажу вам точнее о положении Франции и ее перспективах и о том, что здесь делает, так называемое, Политическое Совещание, — это «чудище обло, озорно, стозевно и лаяй».

Ну, всего хорошего!

Верно *(подпись)*.

Письмо В. А. Маклакову в Париж [1]).

Копия.

Екатеринодар. 23/V [5/VI] 1919 г.

Дорогой Василий Алексеевич!

На этот раз мы должны прежде всего поблагодарить вас за столь же интересное, сколько и обстоятельное письмо, привезенное нам капитаном Гиллом. Оно многое нам объясняет, на многое обращает внимание, и за это большое вам спасибо. Сейчас капитан Гилл едет обратно, и мы пользуемся этим случаем, чтобы вам ответить.

Прежде всего о том, в чем мы с вами вполне согласны. Вы так подробно и так убедительно доказываете бесплодность и опасность германской ориентации, что, если бы у нас оставались в этом отношении какие-либо сомнения, они тотчас рассеялись бы после ваших красноречивых разъяснений. Но этих сомнений нет, и вашими доводами мы воспользуемся не для себя, а для других, чтобы укреплять нашу собственную позицию, если бы в этом явилась необходимость. Явится ли эта необходимость? Пока мы ее не видим в серьезных размерах. После крушения французов в Одессе и Крыму появились следы симпатий к Германии среди пострадавших беженцев и среди офицеров, с которыми французы, как вы знаете, обходились возмутительно. Но это не политическая мысль, а обывательское чувство, которого не следует преувеличивать. Важней другое: пренебрежение Франции к интересам России, заигрывание с Великой Польшей, поддержка мелких национальностей в ущерб единству России и т. п. Это очень настраивает против Франции, но не создает еще германской ориентации. Ведь для нас, деятелей всех оттенков, пребывающих сейчас в Екатеринодаре, совершенно очевидно, что Германия в данном ее состоянии не может помочь даже самой себе, и в качестве союзницы она, действительно, как вы пишете, может быть только бременем, а не опорой. Вы забываете еще одно обстоятельство: Франция от нас удалилась куда-то так далеко, что мы совершенно не чувствуем здесь ее помощи и ее дружбы: мы допускаем, что и то и другое сохраняется, пока есть Клемансо, Пишон и их политическое направление. Но с каждым днем, можно сказать, мы чувствуем живее, непосредственнее и яснее помощь и дружбу Англии. На нас излился целый поток транспортов, привезших самые разнообразные и необходимые предметы. Приехали корреспонденты, военные специалисты, техники, авиаторы, инструктора, и вся эта помощь дается не случайным проходимцам вроде Петлюры, за которых пытались ухватиться французы в Одессе,

[1]) Заголовок подлинника.

а Деникину, вождю общерусского воинства. Англичане не исповедуют нас насчет твердости в демократическом катехизисе, не навязывают своих трафаретов. Однажды решив, что дело тут совершается правое и для них полезное и важное, они, уже не колеблясь, идут по своему пути. И если верно, что англичане выиграли войну, то и в России именно они помогут выиграть дело культуры и государственности. Вот эта реальная помощь англичан, спокойная неторопливость, систематическая, без сцен ревности и необузданных выходок раздражения, есть лучший оплот и против германской ориентации. Поэтому-то ваши красноречивые убеждения застают нас не только уже убежденными, но непоколебимыми в нашей союзнической ориентации и застрахованными против германофильства.

Столь же ясно понимаем мы, что обязанность наша — обратить на союзнические пути и Юго-Славию, и Чехо-Словакию, и вообще славянские страны. Славянский вопрос служит у нас предметом самостоятельного изучения и внимания. Послана отсюда уже делегация в славянские страны, в которой, между прочим, участвует Родичев. Цель именно та, о которой вы говорите в своем письме: если Франция истощена, а Россия ослаблена, то оплот против Германии может быть найден только в союзе славянских стран. Германия будет стараться их поссорить; надо это предотвратить, вот о чем мы очень и очень думаем. Как и вы, мы очень боимся, что Польша может оказаться в числе врагов России: это было бы величайшим торжеством Германии. Мы уже писали вам об этом в письме от 10 (23) апреля и не будем повторять того, что́ там сказано. Но считаем долгом сказать: в нашей славянской политике нам необходима помощь и поддержка союзников; если утопия Великой Польши все еще сидит в головах французских романтиков-полонофилов, если здравый смысл не подсказывает им всей ошибочности попыток ослабить связи России со славянами или даже мешать этим связям, тогда дело плохо. Понимают ли это у вас в Париже? К сожалению, мы видим, что во Франции все понимают, в конце концов, но тогда, когда уже слишком поздно, когда время упущено и игра проиграна. Французская внешняя политика в отношении к России поражена каким-то органическим пороком близорукости. Все делается не во-время, невпопад и не так, как следует. И не будь англичан, мы, сохранившие здесь верность союзникам, боровшиеся за общее дело с союзниками до последней капли крови, остались бы одинокими и покинутыми в самые тяжкие для нас времена.

Тем более нас смущают — мы не хотим употреблять более резкого слова — претензии наших добрых друзей французов руководить нашими политическими мыслями, планами и делами. Вслед за вами и мы готовы признать, что это «просто слабость человеческого ума,

который не умеет молчать тогда, когда не понимает, и который судит тем свободнее, чем менее он связан знанием фактов». Но тогда не будемте же брать всерьез того мерила, по которому французы отличают фантазеров и лицемеров от людей здравомысленных и прямодушных. И когда они требуют, чтобы мы провозгласили республику для того, чтобы отмежеваться от монархистов, реставраторов и германофилов, то мы на это категорически скажем: не сбивайте армии с того правильного пути, на котором она стоит; она не провозглашает монархии и не пропагандирует монархических идей; не требуйте же, чтобы она провозгласила республику, — только эта нейтральная позиция в отношении к форме правления может собрать под знаменами Добровольческой армии одинаково и монархистов и республиканцев. Давать из Парижа такие советы — это значит ничего не понимать в сложности русской обстановки. Относительно англичан, которые выгодно отличаются от французов тем, что вместо советов и дезидерат шлют нам снаряды и патроны, аэропланы и танки, мы можем категорически сказать, что они вовсе не настаивают на демократическом трафарете. Можно сказать даже прямо: им все равно, как у нас сложится политическая обстановка, лишь бы мы сумели создать прочный порядок. Представьте, что то же самое твердят некоторые американцы; правда, это не характерно для Америки, но такие голоса есть. Одни французы настойчивы и щедры в своих советах, согласно старому наблюдению своего Ларошфуко.

Скверно то, что они не хотят понимать, что не провозглашать республики еще не значит стоять за царизм. Они не хотят понять, что под флагом борьбы с царизмом они потворствуют сепаратистическим лозунгам и практике расчленения России, как об этом хорошо пишет наш Струве.

Второй пункт настойчивых французских советов — федеративное устройство России. Что понимают французы в федеративном устройстве? Прирожденные централисты, у которых даже в языке нет слова для понятия самоуправления, что путного могут они нам посоветовать в этом отношении? И хотя в этом пункте они единодушны, он-то как раз и является каким-то чудовищным недоразумением. Вы формулируете французскую точку зрения по этому вопросу так, что восстановление России произойдет снизу, а не сверху, путем слияния отдельных частей, а вовсе не успехами деникинской или колчаковской армий. Таково, как вы говорите, общее мнение даже тех, кто верит в единство России. Неясно, присоединяетесь ли вы сами к этому мнению или только передаете его. Мы очень надеемся, что вы его не разделяете. Главное и странное недоразумение этого взгляда состоит в том, что вся Россия представляется состоящей из окраин, ее же подлинное и

притом огромное национальное ядро — ее центр — Великороссия, Малороссия, Сибирь — куда-то в этом представлении проваливаются, и тогда-то и кажется, что Россия восстанозится слиянием отдельных частей, а вовсе не успехами деникинской или колчаковской армий.

Заклинаем вас, Василий Алексеевич, протестуйте против этого взгляда всей силой вашего несравненного красноречия, всей стремительностью вашей аргументации. Ведь, не правда ли, вы видите ясно, так, как и мы, что без восстановления центра, которое не может осуществиться иначе, как посредством успехов армий ген. Деникина и адмирала Колчака, не может быть и прочного замирения окраин? Пока в Петрограде и в Москве царит большевизм, не могут знать покоя ни Дон и Кубань, ни Латвия и Эстляндия. Это — зараза, которую нужно вытравить до конца, а когда вы вытравите эту заразу из центра, когда центр восстанет в своем могуществе и силе, тогда вы увидите, что́ произойдет. Тогда сила естественного тяготения восстанозит нормальные отношения. Теперь окраины стремятся от центра, как от опасного очага болезни. Тогда центр будет снова средоточием культуры, могущества, покровительства, средств. Окраины будут стремиться и тяготеть к нему по естественному и властному закону притяжения. Отвратительный режим Совдепии не мешает тому, что большевистский рубль ходит сейчас на 20% выше донского рубля, поддерживаемого притом авторитетом Добровольческой армии. Что же будет после, когда центр попадет в руки трезвых и здоровых людей, а не фанатиков и безумцев?

Французская формула восстанозления России снизу вверх путем соглашения и кооперирования окраин — это голая теория. Тут есть нечто от . . . . [1]) и нечто от Прудона и Бакунина. Это все тот же демократический трафарет, не представляющий иных путей образования государства, кроме волеизъявления, самоопределения, соглашения и т. д. К сожалению, государственные процессы до сих пор не сообразозались с этими прекрасными принципами, и едва ли есть надежда, что и сейчас эти принципы перейдут в действительность.

Мы очень опасаемся, что извращения и наветы гг. Бычей всякого разбора и происхождения, столь многочисленных в Париже, звучат сильнее, чем голос представителей национального единства. Национальности и области шумят и клевещут, и нет достаточного окрика этим «клеветникам России». И выходит, что безмерно вырастает значение областей и национальностей, и скрывается в тени, а то и вовсе игнорируется значение подлинных центроз национального объединения, которыми являются армии генерала Деникина и адмирала

[1]) Пропуск в подлиннике.

Колчака и в настоящее время и Юденича. Конечно, если верить тем данным, которые изложены в меморандуме г. Быча, дошедшем к нам в подлинном своем виде, все дело в кубанских и донских казаках, в особенности в кубанских. Г. Быч не упомянул в своем документе одного: что донцов и кубанцев сорганизовали добровольцы, ведомые Алексеевым и Корниловым, и что не будь этих последних, и Дон и Кубань были бы сейчас в руках большевиков. Центром объединения и объединяющей силой явилась возрожденная Добровольческая армия, и как ни велики доблесть и заслуги кубанцев и донцов, не им принадлежит главная и первая роль в процессе объединения и собирания России. Россия не могла бы восстановиться без наличия и действия этих центров всероссийского объединения, какими являются армии генерала Деникина и адмирала Колчака. Неблагородный г. Быч, соединяющий свойства фальсификатора фактов и предателя родины, доставил своим парижским покровителям очень неточные сведения.

Не подумайте, пожалуйста, что мы хотим возврата к старому централизму. Сейчас, по крайней мере, в России никто этого не хочет. Не думайте также, что мы хотим упростить вопрос об окраинах, не замечая его сложности или игнорируя его. Мы знаем, что с окраинами придется еще много повозиться. Но есть окраины и окраины, и тут нельзя рекомендовать единого метода действия. Мы готовы даже допустить, что с некоторыми окраинами, как, например, с Финляндией, придется вступить на путь соглашения, и не с нею одной. Но можно ли заранее, не зная, как сложится обстановка будущей России, устанавливать здесь общие правила? И можно ли говорить, что из соглашения окраин и сложится Великая Россия? Это какая-то ужасная утопия, которая совершенной нелепостью покажется, как только продумать ее до конца.

Но самое ужасное то, что эта утопия не остается теоретической мечтой, а переходит в область практической политики, и начинается эта невыносимая возня с Петлюрами и Бычами, прикрываемая то американскими принципами Вильсона, то французскими проектами скорейшего восстановления России. Вы утешаете нас тем, что не следует преувеличивать значения все увеличивающегося перемещения упований союзников России на отдельные национальности. Мы готовы были бы вам верить в этом указании вашем, если бы в нашей памяти не сохранились печальные опыты Одессы, Крыма, заигрывания с Украиной и равнодушие к общерусскому делу. Повторяем еще раз то, что уже писали однажды в письме от 10 (23) апреля: через Москву, через Петроград, вот как надо итти в Киев, чтобы достигнуть там не эфемерного, а прочного замирения. Поддержите прежде всего не окраины, а центры общерусского движения, и на окраинах поддер-

живайте не местные сепаратистские стремления, узколобные, близорукие и всекорыстные (отвратительные, когда их видишь вблизи), а русское единство. И будьте уверены, что мы, представители национального единства, вовсе не склонны подавлять и притеснять окраинные образования; мы повинны скорее в том, что слишком много допускаем и терпим; но иначе нельзя.

В вашем заявлении, появившемся в . . . . . [1]) 20 апреля, сказано очень хорошо: «замирение не будет достигнуто, прежде чем большевизм не будет сокрушен в самом сердце, в Петрограде и в Москве». Это — превосходное заявление и очень важное. Пора начать твердить это неустанно и до бесконечности, чтобы покончить с нелепой идеей санитарного кордона, которая, как верно сказал Бьюкенен, будет бесконечно дорожe, а мы, прибавим от себя: и ничего не достигнет. То, что вы сказали, прекрасно, но недостает вывода, а вывод такой: помогайте же всеми силами Деникину, Колчаку, Юденичу. Помогайте же материально и морально. Признайте, наконец, единое национальное правительство вместо того, чтобы довольствоваться каким-то винегретом из многих местных правительств. Скажите это открыто, не бойтесь осудить большевизм как интернациональный бандитизм, как язву и заразу. Поймите же, наконец, что Россия истощается и вымирает с голоду, что страдания ее бесконечны, что она изнемогает от страстных призывов к спасению. Перестаньте видеть в нас прокаженных, которых окружают санитарным кордоном и предоставляют умирать согласно неизбежным физиологическим законам.

Мы говорим все это и боимся, не останется ли наш голос в Париже гласом вопиющего в пустыне. Пробьет ли он ту кору большевистских симпатий, демагогических происков, политического легкомыслия, жажды новизны, всего того, что вы так наглядно изображаете как атмосферу, которой дышат в Париже. Трудно вам сделать себя понятным, трудно вам передать наши жалобы и . . . [2]), но не будем терять ни мужества, ни веры.

Сейчас здесь такое бодрое, радостное настроение. Победа за победой, успех за успехом, красные разлагаются и бегут. И среди политических партий происходит сближение на общей национальной платформе, к которой все постепенно примыкают.

Посылаем вам некоторые документы [3]). Поддержите их. Обращение к Лиге народов передано здесь Бриггсу и Корвейлю.

Правление Н[ационального] Ц[ентра].

---

[1]) Пропуск в подлиннике.
[2]) Неразобрано.
[3]) Документов в нашем распоряжении не имеется.

Временное Правительство Автономной Сибири.

Окончание [1]).

III.

ДОКЛАДЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ [2]).

Доклад правителя канцелярии и секретаря мин. ин. дел В. А. Федорова о посещении им члена Чехо-Словацкого Национального Совета д-ра Гирса 10 августа 1918 г.

1. По распоряжению министра был возбужден вопрос о посылке особой миссии Временного Правительства Автономной Сибири, долженствующей состоять при военном штабе чехо-словацкого отряда во время передвижения его в Сибирь, в целях оказания помощи вышеупомянутому отряду. Д-р Гирса заверил, что вопрос этот, по его мнению, будет решен в положительном смысле через 3—4 дня и что вышеупомянутая миссия не только желательна, но и необходима. Ввиду же того, что чехо-словаки будут продвигаться медленно и с боем, представители вышеупомянутой миссии имеют всегда возможность догнать отряд.

2. По поднятому, в связи с телеграммой российского посланника в Пекине от 7 августа 1918 г. за № 1335, вопросу о вооружении и снаряжении войсковых частей Западной Сибири, каковой вопрос является чрезвычайно важным для чехо-словаков, часть коих находится на территории Западной Сибири, д-р Гирса сообщил, что этот вопрос будет всесторонне обдуман им, после чего он и выскажет свое окончательное о нем суждение.

3. За отсутствием члена Чехо-Словацкого Национального Совета д-ра Шпачек был возбужден перед д-ром Гирса вопрос о передаче в Америку информационного материала Временного Правительства Автономной Сибири председателю Чехо-Словацкого Национального

---

[1]) См. «Красный архив», т. IV (35), стр. 37—106.

[2]) Заголовки публикуемых ниже докладов воспроизводятся по подлиннику.

Совета проф. Массарику, российскому послу — Бахметьеву, председателю сибиряков в Америке — Сартакову и правительственным кругам Америки. Д-р Гирса любезно согласился передать весь информационный материал по назначению, предложив прислать ему соответствующий материал для дальнейшей переотправки через уезжающего в Америку д-ра Шпачек. При этом д-р Гирса сообщил, что им по этому поводу будет составлен особый препроводительный доклад.

В. Федоров.

Доклад секретаря и управляющего канцелярией мин. ин. дел В. А. Федорова о посещении японского консульства 11 августа 1918 г.

1. Был поднят вопрос о сношении председателя совета министров со старшиной консульского корпуса по вопросу об оказании посредничества при переговорах с Деловым Кабинетом, состоящим при ген. Хорвате, каковое сношение, предназначенное исключительно для старшины консульского корпуса, было передано в копии вышеуказанному Деловому Кабинету. Японский вице-консул пояснил, что г-н консул считает, что у Временного Правительства Автономной Сибири достаточно прочная почва для создания коалиционного министерства, почему консул и нашел возможным передать в Кабинет ген. Хорвата указанный выше документ, причем присовокупил, что консулом Кабинету ген. Хорвата был дан совет о необходимости коалиции.

2. Далее был поднят вопрос об отсутствии сведений об отозвании представителей японского военного министерства из отряда ген. Хорвата. Вице-консул заявил, что Япония еще задолго до провозглашения Временного Правительства Автономной Сибири вошла в деловые сношения с ген. Хорватом, и теперь еще некоторая помощь со стороны Японии оказывается последнему по инерции. Япония была вполне осведомлена о работах ген. Хорвата задолго до провозглашения его временным правителем представителями ген. Хорвата, которые, в целях информации, посылались последним в Японию. Сибирское же Правительство провозглашено недавно, и японское правительство до момента вышеупомянутого провозглашения было информировано о Сибирском Правительстве недостаточно полно. В последнее же время японским консулом была произведена большая дипломатическая работа, в смысле поддержки Сибирского Правительства и в смысле информации.

3. На вопрос о том, обсуждалась ли в консульском корпусе кандидатура на должность главнокомандующего местными военными силами, вице-консул сообщил, что на должность такового выдвинута

кандидатура полк. Толстова, и вопрос этот решен в положительном смысле.

4. Далее японскому вице-консулу было указано на то обстоятельство, что присутствие правителя Хорвата во Владивостоке действует возбуждающим образом на настроение масс, в связи с чем можно ожидать эксцессов, на что вице-консул ответил, что сообщенное ему будет учтено японским консулом.

5. Вице-консулу было указано, с просьбой довести до сведения консула, на отсутствие ответных нот, что производит неблагоприятное впечатление на Временное Правительство Автономной Сибири.

6. Далее вице-консул интересовался вопросом об установлении финансово-экономических взаимоотношений Временного Правительства Автономной Сибири и правительства Соединенных Штатов, причем ему было указано, что Временное Правительство Автономной Сибири относится с одинаковой благожелательностью ко всем союзным державам, в частности же было сообщено о предполагаемой посылке в Соединенные Штаты и Англию особой финансово-экономической комиссии.

7. По вопросу, затронутому вице-консулом о сдаче в арендное пользование парохода «Печенга», было высказано пожелание, что эта сделка Временного Правительства Автономной Сибири не вызовет никаких осложнений в консульском корпусе и что, в случае возбуждения в консульском корпусе вышеупомянутого вопроса, японский консул окажет соответствующее влияние на решение.

8. Далее в частной беседе вицу-консулу было мною указано на неблагоприятное впечатление, произведенное консулом на председателя совета министров и министра П. Я. Дербера во время последнего посещения вышеупомянутыми министрами японского консульства, на что вице-консул указал, что вышеупомянутое впечатление, по его мнению, сгладилось благодаря визиту, сделанному министру П. Я. Дерберу японским консулом и им, вице-консулом.

В. Федоров.

Доклад правителя канцелярии и секретаря мин. ин. дел В. А. Федорова о посещении члена Национального Совета чэхо-словаков д-ра Гирса 12 августа 1918 г.

Члену Совета д-ру Гирса было указано на то, что у Временного Правительства Автономной Сибири имеются сведения о пропуске чехословацким комендантом города шифрованных телеграмм ген. Хорвата.

Означенное разрешение дает основание полагать о признании чехословаками ген. Хорвата лицом, обладающим законной властью.

Разрешение ген. Хорвату посылки шифрованных телеграмм Сибирское Правительство считает недопустимым.

Далее д-ру Гирса было указано, что это разрешение вызвало в общественных кругах отрицательное отношение к чехо-словакам и что управляющий министерством иностранных дел просит сообщить о мотивах, послуживших причиной разрешения ген. Хорвату [посылки] шифрованных телеграмм.

Д-р Гирса заявил о признании Чехо-Словацким Национальным Советом ген. Хорвата только как управляющего Китайской Восточной железной дорогой; разрешение ген. Хорвату пользоваться шифром было ими дано лишь для передачи распоряжений стратегического характера, касающихся передвижения чехо-словацких войск.

Д-р Гирса заверил, что никакие телеграммы без подписи ген. Хорвата чехо-словацкой цензурой пропускаться не будут и, как пример, указал на несколько шифрованных телеграмм (около 8) за подписью ген. Флуга, задержанных цензурой; в настоящее время эти телеграммы переданы новому коменданту города — майору Денлоп.

Мною было высказано пожелание, чтобы телеграммы, касающиеся стратегических задач чехо-словаков, посылались по особо установленному чехо-словаками шифру или же после того, как шифр ген. Хорвата будет известен чехо-словакам или новому коменданту города майору Денлоп.

Д-р Гирса с высказанным мною мнением согласился и обещал принять соответствующие меры.

По поднятому вопросу о заказе вооружения и снабжения для сибирской армии д-р Гирса высказал мнение, что заказ должен быть произведен не у одной из союзных держав, а у нескольких.

В. Федоров.

Доклад правителя канцелярии и секретаря мин. ин. дел В. А. Федорова о посещении министерства г. Айчи по распоряжению адмирала Като 16 августа 1918 г.

16 августа министерство иностранных дел посетил г. Айчи. В своей беседе он сообщил о том, что кабинет Тераучи падет не позже половины сентября с. г. Партия Сейюкай создаст новый кабинет, и пост премьера, вероятно, займет глава этой партии Хара.

Г. Айчи предполагает, что отъезжающие в Токио члены Сибирского Правительства безусловно учтут положение текущего политического момента в Японии.

Из разговора с г. Айчи выяснилось, что правительственные круги Японии относятся недоброжелательно к российскому посланнику

в Токио Круценскому, находящемуся в настоящее время в Японии.

Со своей стороны, г. Айчи высказал мнение о необходимости отъезжающему в Токио члену Сибирской Областной Думы А. Н. Петрову учитывать создавшееся положение и, в связи с этим, выступать временно лишь в качестве уполномоченного дальне-восточным союзом сибирских кооперативов «Закупсбыт», не сближаясь с членами кабинета Тераучи.

Г. Айчи интересовался отъездом в Японию члена Сибирской Областной Думы Петрова и высказал свое пожелание в следующем: так как Япония в настоящее время переживает сильное социалистическое движение, поэтому в данный момент нежелательны выступления представителя Сибирского Правительства в социалистических партиях, так как цель и задачи командированного лица иные.

Относительно сдачи в аренду парохода «Печенга», г. Айчи сообщил о том, что г. Хара остался недоволен способом ведения переговоров г. Хираоко и дальнейшее ведение дела предполагает продолжать сам или передать г. Наото.

Г. Айчи предполагает, что положение это не может отразиться особенно на ведении переговоров, так как с формальной стороны контракт аннулирован, ибо срок внесения предусмотренной контрактной суммы 11 августа с. г. пропущен.

В. Федоров.

Посещение Чехо-Словацкого Национального Совета 21 августа 1918 г.

При посещении мною Чехо-Словацкого Национального Совета совместно с уполномоченным от земской управы при головном отряде союзных войск — г. Гервас, нами было доведено до сведения Чехо-Словацкого Национального Совета следующее.

Население в местностях, занятых чехо-словаками и калмыковскими отрядами, ранее радушно встречавшее чехо-словацкие войсковые части, в настоящее время, благодаря присутствию отрядов Калмыкова, несколько изменило свое отношение. Причина, вызвавшая указанное явление, кроется в тех отношениях к населению, которые наблюдаются со стороны Калмыкова. Так, например, калмыковские отряды, без соблюдения соответствующих формальностей, захватывают у крестьян телеги с лошадьми, пользуясь ими, как собственным обозом, захватывают лошадей, порят крестьян, причем было ими подвергнуто телесному наказанию одно пользующееся уважением в селе лицо, ярый враг большевиков; производятся зачастую бессмысленные аресты, причем арестованным всегда угрожают расстрелом; население

часто принуждается к рытью окопов, причем не соблюдается установленных формальностей.

Чехо-словаки также резко изменили свое отношение к населению; в последнем растет глухое недовольство, которое пока не проявляется активно, так как население чувствует себя в положении побежденного. Но настроение таково, что, если крестьяне достанут оружие, то они сметут калмыковцев, на которых они смотрят, как на ярых контрреволюционеров. Население района ст. Шмаковка и Уссури, бывшее до этого против большевиков, в настоящее время, в виду производимых бесчинств, стало массами вооружаться и отправляться к большевикам для борьбы против калмыковцев и чехо-словаков.

В заключение члену Чехо-Словацкого Национального Совета д-ру Гирса было высказано пожелание, чтобы тыловые войсковые части отряда Калмыкова, которые представляют собою большую часть его отряда, были бы присоединены к передовым частям и, кроме того, было указано д-ру Гирса на необходимость воздействия на Калмыкова в смысле прекращения последним беззаконных действий, репрессий и запугивания населения.

Д-р Гирса принял сообщенное ему к сведению и обещал принять соответствующие меры для устранения указанных выше явлений.

Далее до сведения Чехо-Словацкого Национального Совета было доведено о полном контакте, установленном между штабом полк. Толстова и Хорватом, причем было указано, что на многих заседаниях штаба полк. Толстова возбуждался вопрос об аннулировании Сибирского Правительства. Указанные последние данные д-ром Гирса приняты к сведению.

Правитель канцелярии и секретарь В. Федоров.

Доклад управляющему министерством ин. дел.

Доношу, что 5 сентября я был у начальника английских экспедиционных войск ген. Нокс в качестве представителя военного министерства Правительства Автономной Сибири. Генерал задавал следующие вопросы:

— «Правда ли, что сибирская армия состоит из 200 000 чел.?»

— «Армия Сибирского Правительства состоит из 75 000 солдат и 15 000 офицеров, количество корпусов 7».

— «Кто командует армией?»

— «Полковник ген. штаба Гришин-Алмазов».

— «Где ген. Алексеев?»

— «Под Москвой, ведет бой с германо-мадьярскими бандами».

— «По имеющимся у меня сегодня сведениям, Томский полк взял Сретенск. Что это за Томский полк, — старый российский полк?»

— «Нет, это новый полк молодой сибирской армии».

— «Дорога до Пензы очищена?»

— «Да. Молодая сибирская армия наступает 2-мя колоннами. Одна движется на восток, в состав ее входит и Томский полк. Другая на запад и есть сведения, что две дивизии сибирской армии на Волге».

— «Произведена ли мобилизация Сибирским Правительством?»

— «Да, на западе мобилизовано два последние года; кроме того, к армии стекаются добровольцы. Армия растет с каждым днем, так велико антигерманское настроение».

— «Как ведут себя мобилизованные солдаты?»

— «Сведений о каких-либо эксцессах не имеется».

— «На каком фронте вы были?»

— «Я командовал 13 Сибирским полком под Ригой».

При сем прилагаю приветствие, переданное мной ген. Ноксу.

Делопроизводитель информационного бюро мин. ин. дел Мих. Попов.

Приложение к докладу.

Перевод с англ.

Я счастлив, что на мою долю выпала честь приветствовать вас, сэр, от лица военного министра Сибирского Правительства и молодой возрождающейся армии, представителем которой он является. Я полагаю, сэр, что вы прибыли к нам, как Лафайет, чтобы спасти мою исстрадавшуюся родину от алчных аппетитов захватчиков. Смею надеяться, что ваша благожелательная помощь будет чрезвычайно полезна в деле восстановления русской армии. Я верю, что с вашей поддержкой мы вернем наши старые славные знамена прошлого. Устами лорда Бальфура Англия искренно высказала свою симпатию России, и мы были бы неблагодарны, если бы не воспользовались настоящим случаем высказать вам теперь, как представителю Великобритании, нашу горячую признательность.

Полковник Попов,

представитель военного министра по случаю прибытия ген. Нокс во Владивосток.

Доклад о беззакониях и насилиях, учиненных особым казачьим отрядом атамана Калмыкова.

19 сентября [1918 г.]. Владивосток.

Со времени появления на русской территории отрядов подъесаула Калмыкова имели место целый ряд незаконных действий со стороны чинов этих отрядов. Беззакония эти проявлялись в присвоении частной собственности русских граждан, в беспричинных арестах, порках и истязаниях отдельных лиц.

I. Реквизиция имущества.

1) Из прошения № 947 крестьян с. Антоновки Зеньковской волости, удостоверения старосты и сообщения земской управы № 285 той же волости видно, что 31 августа с. г. по распоряжению атамана Калмыкова у крестьян Григория Сидоренко, Прокофия Кириченко, Евсевия Головко, Игната Соубко, Павла Пестренко, Григория Лысенко, Петра Сухоноса, Владимира Буга, Нония Иляшенко, Архипа Криворученко, Евгения Левуна, Федора Сахно и Кузьмы Савченко были отобраны, под видом мобилизации, их лучшие лошади. Хотя в день мобилизации упомянутым крестьянам было заявлено прапорщиком Пискуновым, представителем Калмыкова, что вознаграждение за забранные лошади они получат через три дня, однако, как это видно из сообщения Зеньковской волостной земской управы, и на десятый день крестьянами деньги еще получены не были.

2) 3 августа по распоряжению атамана Калмыкова в ст. Никольск-Уссурийский был реквизирован груз, состоящий из одной бочки подсолнечного масла и адресованный Никольск-Уссурийскому отделу союза кооперативов, обществу потребителей «Единение» (см. акт нач. ст. Ник.-Уссурийский № 768, накладную № 12657, ярлык № 1860 и рапорт начальника гарнизона Никольск-Уссурийский № 297).

II. Незаконные аресты, насилия и угрозы.

1) 6 сентября на ст. Никольск чинами отряда Калмыкова был арестован главный кондуктор Болотов и на ст. Евгеньевка — помощник машиниста Вощулевич. Причины ареста в том и другом случае неизвестны (см. телеграфное сообщение Лукьянчикова № 755).

2) 29 августа на перроне ст. Никольск-Уссурийский офицером калмыковского отряда были арестованы слесаря главных мастерских Добровольский и Григорец (см. заявление Добровольского в районный комитет союза железнодорожников Уссурийской дороги № 1946). Григорец был освобожден в тот же день, а Добровольского подвергли

телесному наказанию. Он получил всего 30 ударов плетьми. После экзекуции его освободили и притом заявили, что он когда-то имел винтовку. Тот же чин калмыковского отряда, который сделал упомянутое заявление, сказал, что он имеет целый список лиц, имевших винтовки, и что все они будут подвергнуты такому же наказанию. Имеющееся в деле медицинское свидетельство № 1547 показывает, насколько серьезны последствия для Добровольского от перенесенных им истязаний.

3) 9 августа н. с. в 10 часов вечера чинами тех же отрядов был арестован Демьян Худик, бывший председатель крестьянской секции Никольск-Уссурийского уезда, гражд. с. Черниговская. Причина ареста, а также и участь арестованного неизвестны. Несмотря на все шаги, предпринятые супругой, к 17 августа еще не удалось выяснить, где находится Худик и какова его судьба. Прапорщиком, производившим арест, было заявлено жене Худика, что для спасения ее мужа нужно внести залог в 15 000 руб., в противном случае муж ее будет предан полевому суду (см. заявление Черниговской вол. земск. упр., Ник.-Усс. уездн. зем. упр. № 3499 и копию протокола общего собрания граждан Черниговки № 498).

4) 26 августа один из офицеров отряда Калмыкова грозил застрелить постового милиционера Рябова за неотдание чести (см. рапорт начальника гарнизона команд. войсками Приморской области № 427). Рябов не был арестован только потому, что за него заступилась толпа.

III. Мнение законных органов власти о беззакониях названных отрядов.

1) Командующий военно-сухопутными и морскими силами Приморской области полковник Бутенко усматривает как в действиях чинов отряда Калмыкова, так и в поведении самого Калмыкова незаконность: 1) в том, что все эти действия являются самочинными, исходящими от лиц, которые ни одним из имеющихся налицо законных органов власти не уполномочены на исполнение функций власти; 2) в том, что эти действия явно направлены против законных властей, ибо несмотря на то, что подъесаул Калмыков находится сейчас под союзным командованием, следовательно, в делах с русским населением должен был прежде всего считаться с теми законными органами военной и гражданской власти, которые союзниками признаны единственно правомочными, он действует совершенно самостоятельно, рассматривая себя как главу казачества правительства, которое союзниками не признано (см. доклад полк. Бутенко мин. вн. дел № 1042).

2) Земское собрание Приморской области в своем первом очередном заседании, рассмотрев вопрос об отрядах вообще, действующих в Приморской области, и отряде Калмыкова в частности, относительно последнего пришло по смыслу к тому заключению, как и командующий войсками полковник Бутенко. Оно указывает, что консульский корпус обязан ликвидировать самостоятельные действия по отношению к мирному русскому населению со стороны калмыковских отрядов и, констатируя, что главной причиной всех беззаконий, произведенных до сих пор этим отрядом, является его неподчиненность законному командиру войсками, просит Сибирское Правительство «немедленно же потребовать от консульского корпуса полного подчинения командующему войсками всех русских отрядов, действующих в тылу» (см. постановление земского собрания от 10/IX 1918 г.).

Д-р Л. Гейман.

Доклад о правонарушениях, допущенных органами японской власти.

23 сентября 1918 г.

I. Вмешательство в распоряжения органов государственной власти.

В № 106 «День Владивостока» Приморская областная земская управа, являющаяся единственной признанной краевой государственной властью Приморской области, объявила новые правила, регулирующие ввоз и вывоз товаров. Правила составлены согласно российским законам и интересам страны.

Таможенный инспектор г. Маевский, являющийся сторонником Хорвата, отказался руководствоваться правилами, установленными Приморской областной земской управой, и принял к руководству правила, установленные лицами, не имеющими на то законного права и именующими себя членами «Делового Кабинета». Незаконные действия таможенного инспектора г. Маевского предусмотрены 2 ч. 341 ст. улож. о наказ. уголовн. и исправ.

Консульский корпус, отношением своего старшины от 3 августа 1918 г. за № 300 на имя управляющего владивостокской таможни сообщил следующее:

«Владивостокский консульский корпус, осведомившись, что некоторыми из членов от таможни получены списки товаров, воспрещенных к ввозу и вывозу ген. Хорватом, поручил мне сообщить вам, милостивый государь, что до настоящего времени организация названного генерала не признана правительствами, представляемыми владивостокским консульским корпусом, почему последний и не может

признать за ген. Хорватом права давать распоряжения таможенным властям г. Владивостока».

Подписал японский генеральный консул и старшина консульского корпуса Кикучи.

Из этого отношения явствует, что консульский корпус признает, что действия таможенного инспектора г. Маевского, выразившиеся в исполнении незаконных приказаний лиц, именующих себя членами «Делового Кабинета», являются незаконными.

В виду того, что г. Маевский продолжал упорствовать в своем нежелании подчиниться распоряжениям законных властей, Приморская областная земская управа в своем заседании от 14 августа за № 205, п. 1-й, постановила: «и. д. таможенного инспектора г. Маевского отстранить от должности, передав дело о нем, изложенное выше, прокурору Владивостокского окружного суда для привлечения г. Маевского к ответственности по 2 части 341 ст. улож. о наказ. угол. и исправ.».

Таможенный инспектор г. Маевский отказался исполнить постановление земской управы, а также отказался передать дела своему заместителю.

Кроме того, ввиду незаконных действий таможни, Приморская областная земская управа назначила ревизию дел таможни. Г. Маевский отказался предоставить дела таможни для ревизии.

На основании вышеизложенного таможенный инспектор г. Маевский был арестован, дела таможни опечатаны (ст. 393 улож. о нак.) милицией.

29 августа дежурившие в таможне чины милиции доложили, что японский караул вместе с таможенным инспектором Лапкиным снял с постов таможни милицию и вместо милицейских постов установил японские военные посты.

II. Ограничения права передвижений российских граждан.

... сентября [1]) член Сибирской Областной Думы доктор В. Т. Тибер-Петров, член Всероссийского Учредительного Собрания Ф. Сорокин, прапорщик А. С. Гервас и поручик Л. С. Коваленко, отправившиеся в Хабаровск с целью выяснения населению вреда германобольшевизма и создания дружественных отношений к союзным войскам, японским командованием к въезду в Хабаровск допущены не были.

---

[1]) В подлиннике дата отсутствует.

III. Незаконный выпуск бон.

В № 284 газеты «Голос Приморья» появилось объявление интенданта штаба японской армии С. Итояма:

«Принимайте японские денежные знаки без всякого опасения.

Японские денежные знаки, которыми японская армия уплачивает повсюду за провизию, жмыхи и другие боевые припасы и за рабочий труд, имеют хождение наравне с японскими государственными кредитными билетами.

Принимайте японские денежные знаки равно так же, как японские государственные кредитные билеты. Японские денежные знаки могут быть разменены на японские государственные билеты во всякое время по желанию кассиров интендантской части 12 дивизии и в банкирской конторе С. Мацуда, Светланская 35, без всякой за это комиссии. Купюры японских денежных знаков являются следующие: 10 сен, 20 сен, 50 сен, 1 иен и 10 иен.

Интендант штаба японской армии С. Итояма».

Право выпуска денежных знаков в пределах России принадлежит исключительно центральной государственной власти или тем, кому центральная государственная власть это право передает.

В пределах Приморской области это право взяло себе японское командование.

Кроме нарушений законов России, таковой акт будет иметь и гибельные последствия для народного хозяйства России, так как он совершенно устраняет русский рубль от товарного рынка.

Со времени выпуска бон началось понижение курса рубля. Действия японского командования не согласуются с декларацией японского правительства, в котором обещается «и экономическая помощь России».

IV. Расхищение государственного имущества.

Из Хабаровска получено следующее сообщение.

К вечеру 5 сентября прибыло японское подкрепление, и японцы начали занимать и опечатывать военно-топографические и хозяйственные учреждения края, как то: 8-го Амурскую речную флотилию (базу), арсенал, артиллерийский склад, военно-топографический отдел, пароходы и т. д., забирая и опечатывая имущество; причем это занятие носило характер покрываемого японским флагом расхищения. Дума

заявила протест, но так как проба [1]) союзного командования в Хабаровске еще нет, этот протест не получил удовлетворительного разрешения. Наконец, 9-го прибыли первые эшелоны американцев, с которыми и удалось столковаться на предмет их участия в деле ограждения имущества государства от посягательства японцев. Правда, это соглашение носит пока характер платонический, но с прибытием дальнейших сил американцев оно, несомненно, получит реальное осуществление японского генерала [1]).

V. Вмешательство в административное управление области.

В виду антигосударственного направления некоторых газет краевая государственная власть, желая этим прекратить смуту, сеянную газетами из них [1]), постановила эти газеты из обращения изъять, запретив их печатание. Когда государственная власть приступила к осуществлению своего постановления, типография вышеуказанных газет оказалась охраняемой японскими солдатами.

О действиях японцев в пределах прифронтовой полосы будет составлен особый меморандум.

Д-р Л. Гейман.

Доклады д-ра Л. Ю. Геймана о переговорах с дипломатическими представителями союзных держав.

Копия.

Секретно.

На состоявшемся 31 августа с. г. совещании дипломатического корпуса, на котором присутствовали дипломатические представители: Англии сэр Чарльз Элиот, Франции гр. де Мартель, Японии г. Матсудаира и Временного Сибирского Правительства д-р Гейман, обсуждались следующие вопросы.

В виду того, что прежние совещания дипломатического корпуса носили не официальный, а более частный характер, представителем Временного Сибирского Правительства был поднят вопрос, будет ли настоящее совещание носить официальный характер, ввиду присутствия дипломатического представителя Англии — сэра Чарльза Элиот, присутствующего на совещании впервые.

В ответ на это представителю Временного Сибирского Правительства д-ру Гейману было заявлено, что совещание считается чисто официальным; присутствие же и переговоры с представителем Временного Сиб. Правительства носят не официальный, а частный характер.

[1]) Так в подлиннике.

На заявление д-ра Геймана по поводу предполагающегося назначения командующего войсками от Временного Сибирского Правительства дипломатический корпус ответил письменно следующее: «что касается командующего какого бы то ни было русского отряда, которые существуют и могли бы быть организованы, союзники не могут принять назначения, сделанного тем или иным правительством или партией без предварительного согласия союзников», о чем просили представителя Временного Сибирского Правительства передать для сведения в совет министров.

Дипломатический корпус сообщает, что им будет получено письмо от ген. Хорвата с содержанием, что ни он, ни его «Деловой Кабинет» прямого участия в событиях 24 августа с. г. не принимал, а по сему поводу не видит повода к разрыву переговоров.

Принимая во внимание такое содержание письма ген. Хорвата, дипломатический корпус просит представителя Временного Сибирского Правительства передать совету министров просьбу, чтобы по получении вышеупомянутого письма совет министров со своей стороны пошел навстречу для возобновления дальнейших переговоров.

На заседании дипломатического корпуса 3 сентября с. г. было подано представителем Временного Сибирского Правительства д-ром Гейманом заявление дипломатическому корпусу за подписями г. председателя совета министров и г. министра иностранных дел о том, что совет министров ни в коем случае не может согласиться на санкционирование союзниками его актов внутреннего управления, так как подобное вмешательство есть прямая противоположность действиям, выраженным в прежних декларациях союзников.

Это заявление было принято дипломатическим корпусом, причем было решено: обсуждение этого заявления отложить, но содержание его принять к сведению.

Кроме того, дипломатическому корпусу было доложено представителем Временного Сибирского Правительства об уходе в отставку по болезни полк. Толстова, и что по старшинству его должность занимается полк. Бутенко.

Вероятно, из-за неточного истолкования текста поданного заявления, с одной стороны, и, с другой стороны, неправильным истолкованием вступления в должность полк. Бутенко [1]), дипломатическим представителем г. Матсудаира было сделано указание, что дипломатический корпус на прошлом совещании письменно выразил свое мнение по поводу назначений вообще и что в виду разоружения ген. Плеш-

[1]) Так в подлиннике.

кова не может согласиться на чье-либо командование без согласия на то союзников.

На это д-ром Гейманом был сделан вопрос, как союзники поступили бы с войсками, которые являются войсками Временного Сибирского Правительства и которые теперь передвигаются по направлению к Востоку и могут в недалеком будущем прибыть во Владивосток. Представитель Японии этим был поставлен в затруднительное положение, из которого его вывел представитель Франции гр. де Мартель, заявивший, что с прибытием войск Временного Сибирского Правительства изменится вся ситуация и такие вопросы, вероятно, не будут подниматься.

Представителем Временного Сибирского Правительства было вновь указано на нежелательность вмешательства со стороны союзников во внутренние дела России, но притом заявлено, что Временное Сибирское Правительство, принимая во внимание просьбу дипломатических представителей, указавших на затруднительное положение, в котором союзники очутились в деле по вышеупомянутому вопросу, сделало все, что могло, дабы пойти навстречу их просьбе, и некоторые приказы временно приостановило.

Представителем Англии сэром Чарльзом Элиот была выражена благодарность Временному Сибирскому Правительству за их желание итти навстречу делу союзников.

Представитель Временного Сибирского Правительства обратился к дипломатическому корпусу за разъяснением [1]) по поводу ввода японского караула в помещение владивостокской таможни. В ответ на это представителем Японии заявлено, что караул был помещен в здании таможни [2]) по поручению консульского корпуса, взявшего на себя наблюдение за порядком в городе, во избежание грабежа, так как в кассе таможни находились и находятся большие суммы денег.

Кроме того, представителем Временного Сибирского Правительства был поднят вопрос по поводу предполагающегося выпуска бон. Указывая на настоящий низкий курс нашего рубля и принимая во внимание:

1) что при выпуске бон последует новое понижение курса,

2) что впереди предстоит воссоздание противо-германского фронта на территории России,

3) что в последнее время циркулирует вредная агитация среди народа, не говорящая в пользу иностранцев, по поводу предполагаю-

---

[1]) Далее зачеркнуто: «циркулирующих слухов».

[2]) Далее зачеркнуто: «с разрешения дипломатического».

щегося понижения курса нашего рубля в связи с открытием нового противо-германского фронта,

4) что желательна бы была поддержка союзников в экономическом отношении, —

представитель Врем. Сибирского Правительства просит дипломатический корпус со своей стороны содействовать тому, чтобы выпуск бон ни в коем случае не состоялся. Г. Матсудаира, дипломатический представитель Японии, на это заявил, что он со своей стороны сделает все возможное для расследования этого дела, но добавил, что принимает сделанное представителем Временного Сибирского Правительства заявление не официально.

На том совещание было закончено.

Л. Гейман.

---

4 сентября 1918 г.

Я посетил дипломатического представителя Франции гр. де Мартель для освещения последних событий, телеграмм, а равно для разъяснения некоторых вопросов местного характера.

Поставив в известность о продвижении войск Временного Сибирского Правительства к востоку, а также о том, что военный министр выехал для встречи их, дабы вернуться во Владивосток с частью войск, я заявил гр. де Мартель, что, по моему мнению, вопрос о признании Временного Сибирского Правительства союзниками тем самым разрешился, на что в ответ гр. де Мартель ответил, что, по его мнению, вопрос о деловом признании Временного Сибирского Правительства этим действительно разрещается, а также, что деловое признание произойдет и что союзники в непосредственные сношения вступят.

Но вслед за этим тут же иронически добавил: «а знаете, ген. Хорват говорит, что это его войска, управляемые многими его офицерами, и что полковник Гришин-Алмазов предан ему». В ответ на это я заявил, что разъяснять столь смешное утверждение я не буду, ибо это разъяснится само собою в ближайшие дни; что же касается признания Временного Сибирского Правительства, то я желал бы поставить в известность гр. де Мартель, что вслед за признанием Временного Сибирского Правительства и после очищения всей Восточной Сибири от мадьяр, немцев и большевиков, должен будет возникнуть вопрос о разработке дальнейшего совместного плана для создания противо-германского фронта.

Принимая также в соображение, что при начавшихся операциях союзников на севере Европейской России был подписан договор, я обратил внимание графа на то, что и здесь будет поднят вопрос о под-

писании договора между Временным Сибирским Правительством и союзниками, если последние пошлют свои войска через Сибирь.

Гр. де Мартель на это ответил, что он лично полагает, что такой договор союзники, по всей вероятности, заключат.

Перейдя на разъяснение некоторых событий местного характера, разговор коснулся предполагаемого выпуска бон. Освещая этот вопрос, я заявил, что выпуск бон повлечет за собой падение и так уже низкого в настоящее время курса рубля, во избежание чего было бы желательно бон не выпускать. Я добавил также, что по этому поводу у нас был разговор с дипломатическим представителем Японии, который обещал с своей стороны поддержку.

Было также упомянуто о множестве беспорядков, виновниками коих являются американские солдаты, а равно и то, что этот вопрос будет поднят в дипломатическом корпусе, как только в нем будет представитель Америки, а пока мы поставили в известность американского консула и адмирала Найта.

Л. Гейман.

По вопросу о железнодорожных приказах исп. об. министра путей сообщения В. И. Моравского.

В течение 7 и 8 сентября состоялись три заседания дипломатических представителей союзных держав, на которых между прочими вопросами обсуждался вопрос по поводу конфликта на железной дороге, создавшегося из-за назначения Временным Сибирским Правительством исполняющим обязанность министра путей сообщения В. И. Моравского и устранения от должности инженера путей сообщения Устругова.

Было указано, что так как Временное Сибирское Правительство не является еще властью признанной, то и не вправе было издавать такой приказ, тем более, что Россия в настоящее время сильно нуждается в опытных работниках по железнодорожному делу, каковым, по их мнению, является инженер П. С. Устругов.

В ответ на это мною было сказано, что Временное Сибирское Правительство в лице исп. об. мин. путей сообщения не издавало никаких указов, которые ограничивали бы деятельность инженера П. С. Устругова. Временное Сибирское Правительство издало лишь указ исключительно не выполнять никаких распоряжений, не передавать никаких телеграмм правителя Хорвата и членов его «Делового Кабинета». Если инженер Устругов предполагает заниматься политикой, а не делами железных дорог, понятно, что его распоряжения выполнению не подлежат. Если бы инженер Устругов выступил из «Делового

Кабинета», то его распоряжения, как инженера Устругова, исполнялись бы.

В ответ на это было указано, что инженер Устругов, подписывая распоряжения, расписывается только как инженер путей сообщения, отнюдь же не как член «Делового Кабинета», на что мною было указано, что одна лишь подпись никакого значения в данном вопросе не имеет, но важно то, что, состоя членом «Делового Кабинета», инженер Устругов мог бы использовать наши указы и распоряжения для пропаганды в противном лагере.

Был задан вопрос, не нашло ли бы Временное Сибирское Правительство возможным аннулировать свои приказы, на что в ответ мною было указано, что Временное Сибирское Правительство аннулировать свои приказы не может.

Тогда было предложено Временному Сибирскому Правительству найти какой-либо выход из создавшегося положения, на что мною было указано, что единственным выходом из создавшегося положения, по мнению Временного Сибирского Правительства, является выход инженера Устругова из состава «Делового Кабинета».

Указывая на громадную важность правильной, производительной работы железной дороги в стратегическом отношении, было указано, что ввиду присутствия во Владивостоке американской и японской железнодорожных комиссий, союзники будут вынуждены, в крайнем случае, ради поддержания порядка в железнодорожном деле, поставить своего управляющего и взять управление в свои руки.

На это мною было указано, что в заявлении официального американского представителя, что Америка никогда ничего не сделает против желания русского народа, мы видим гарантию Америки невмешательства во внутренние дела России, равно как и декларации союзников говорят о том же.

На это сэр Элиот заметил, что он отнюдь не считает могущую произойти передачу управления дорогой железнодорожной комиссии вмешательством во внутренние дела России, а понимает это лишь как принятие соответствующих мер для правильной работы железной дороги, а равно и то, что это было сказано не от имени Америки, а вообще всех союзников.

Мною еще раз было упомянуто, что Временное Сибирское Правительство, стоящее на страже интересов 80—90% всего населения, не может согласиться на козни людей лагеря Хорвата, готовящих цепи и тюрьмы русскому народу, причем я добавил, что из двух зол: интервенции союзников, с одной стороны, и укрепления под покровительством союзников монархических стремлений — с другой, я лично предпочел бы интервенцию, — хотя всеми силами, как гражданин

России, протестовал бы против нее, как протестовал бы и весь русский народ.

Сэр Ч. Элиот на это заявил, что о вмешательстве и покровительстве с их стороны какой-либо партии не может быть речи, причем добавил, что союзники относятся к Временному Сибирскому Правительству с симпатией и вновь просят, чтобы Временное Сибирское Правительство не предпринимало никаких шагов, могущих создать такого рода неприятные положения.

На новый вопрос, не может ли Временное Сибирское Правительство по этому вопросу что-либо предпринять, было заявлено, что Временное Сибирское Правительство к своему заявлению ничего добавить и изменить не может.

При прощании, отозвав меня в сторону, ген. Элиот завел разговор относительно ухода инженера Устругова из состава «Делового Кабинета», причем заявил, что союзникам желателен бы уход инженера Устругова, но что они со своей стороны, по своему официальному положению, никаких шагов к этому предпринять не могут, и просил это сделать меня. Я же, указав на то, что, являясь также официальным представителем Временного Сибирского Правительства, считаю личный разговор по этому вопросу с инженером Уструговым невозможным, обещал обратиться с этим делом через посредство одного хорошего знакомого, лично знающего инженера Устругова.

На этом разговор закончился.

Л. Ю. Гейман.

Адм. Найт сообщил мне следующее:

Временное Сибирское Правительство не должно опасаться запутанного положения в настоящее время и должно знать, что американский народ — истинный друг русского народа и русской демократии. По полученным им от генерала Гайда телеграфно сведениям, положение в Западной Сибири говорит в пользу Временного Сибирского Правительства, а потому, если при возвращении ген. Гайда во Владивосток эти сведения будут им лично подтверждены, то об этом он немедленно поставит в известность свое правительство и не сомневается, что Временное Сибирское Правительство будет признано американским правительством.

[Л. Гейман.]

---

9 сентября 1918 г.

Мною была вручена дипломатическому представителю Японии г. Матсудаира записка, с просьбою расследовать дело по поводу ареста японскими военными властями председателя железнодорожного

комитета ст. Гродеково г. Любомудрова и принять меры к его немедленному освобождению.

Г. Матсудаира была также вручена копия письма ген. Отани по поводу выпуска японских бон.

Я посетил американского консула [1]), для выяснения следующих вопросов:

1) будет ли со стороны Америки делегирован дипломатический представитель,

2) к кому в настоящее время обращаться по вопросу о происходящих правонарушениях со стороны американских солдат.

По первому вопросу американский консул заявил, что союзные державы обратились к Америке с предложением прислать своего представителя, приглашая занять место председателя в имеющейся образоваться комиссии для дипломатических миссий, целью коих является:

1) согласованность действий союзников и

2) устранение политических конфликтов и примирение различных политических течений русской жизни.

На это американское правительство, резюмируя цель этой комиссии, сочло невозможным прислать своего представителя, указав на то, что оно уже раньше заявило о своем полном невмешательстве во внутреннюю русскую жизнь и ее политику.

По вопросу о производимых американскими солдатами правонарушениях американский консул просил о каждом отдельном случае уведомлять его, обещая производить самое строгое расследование, по которому виновные будут наказаны по всей строгости закона.

Мною было также доведено до сведения американского консула об инциденте на железной дороге и приказах союзного командования. Освещая этот вопрос, я указал на то, что на

---

[1]) В журнале заседаний совета м-ва ин. дел № 15 от 8 сентября п. 6 имеется запись: «Д-р Гейман сообщает, что в настоящее время возник вопрос о том, что из себя представляет совещание дипломатических представителей и каковы его компетенция и полномочия. Совещание — это не есть совещание послов; послы это — представители держав на чужой территории. Дипломатические же представители — в покоренных провинциях.

Кроме того, в состав этого совещания не входит представитель Америки. Американцы официально сообщили совещанию, что Америка сможет сделать заявление, которое аннулирует это совещание, ибо Америка не считает нашу территорию завоеванной».

Совет м-ва постановил: «Просить д-ра Геймана узнать, по каким вопросам совещание считает себя полномочным выносить решения, а также переговорить по этому поводу с американским консулом».

одном из совещаний с дипломатическими представителями Англии, Америки и Японии сэр Чарльз Элиот, обрисовав затруднительное положение железной дороги, указал мне на присутствие американской железнодорожной комиссии, а также и японской, и на возможность перехода управления дорогой к союзникам, если неурядица в железнодорожном деле будет продолжаться. На это мною было указано сэру Ч. Элиот, что по вопросу об интервенции я имею заверения одного официального представителя Америки в том, что Америка здесь находится для помощи России и никогда не сделает ничего такого, что бы могло вызвать недовольство русского народа, и не предпримет ничего против его, т. е. русского народа, воли.

На это американский консул заявил, что нам должно бы быть достаточно известным отношение американцев к русскому народу из их декларации и других заявлений, сделанных в последнее время. Кроме того, американский консул заявил, что совещание дипломатических представителей не уполномочено говорить от имени союзников, ибо в нем нет представителя Америки, а может выражать лишь мнения и издавать решения, касающиеся держав, от которых на совещании присутствуют представители, причем добавил, что лишь английским правительством даны своему представителю сэру Ч. Элиот широкие полномочия, другие же представители широких полномочий от своих правительств не имеют.

При прощании американский консул еще раз просил уведомлять его о каждом отдельном случае правонарушения американскими солдатами.

Приехавшего из Бикина г. Дюперо [1]) я запросил, известно ли союзникам, с ведома ли союзников посланы японские войска в Манчжурию и как на это реагируют союзники. Г. Дюперо на это ответил, что союзникам это известно и что ему удалось узнать во французском посольстве, что Америка намерена опротестовать посылку японских войск, причем добавил, что обо всем этом он просил г. Ходорова поставить нас в известность шифрованной телеграммой.

От американского генерального штаба нас посетил капитан американской службы Гроссбард, прося дать точные указания для сведения штаба, какими слоями населения признано Временное Сибирское Правительство.

Мною было указано, что, за исключением кучки спекулянтов и политических авантюристов, Временное Сибирское Правительство признано всем населением, лучшим доказательством чего может по-

---

[1]) Далее надписано карандашом в скобках: «французск. корреспондент».

служить земское собрание, куда я посоветовал ему пойти и лично убедиться в том, кем Временное Сибирское Правительство признано. Вечером капитан Гроссбард присутствовал на земском собрании.

Д-р Л. Ю. Гейман.

Рапорт управляющему мин. ин. дел.

Владивосток. 6 сентября 1918 г.

По вашему распоряжению, я совместно с драгоманом Фельдом посетил 4 сентября около 6 часов пополудни штаб главнокомандующего войсками союзной армии, генерала Отани. Принят был переводчиком штаба Хикучи, причем на предложение мое доложить обо мне начальнику штаба или главнокомандующему переводчик просил меня изложить цель моего посещения, что и было мной сделано. Излагая цель моего посещения, я указал на настоятельную необходимость получения пропуска с целью командировки врача Тибер-Петрова, Ф. Сорокина, прапорщика А. С. Гервас и поручика Л. С. Коваленко в прифронтовую полосу для установления связи с населением, выяснения населению вреда германо-большевизма и создания дружественных отношений к союзным державам.

Переводчику было указано, что я того же 4 сентября посетил японское консульство с вышеупомянутой целью, причем консул Кикучи указал мне, что решение этого вопроса не в его компетенции, и предложил мне обратиться в штаб главнокомандующего войсками союзной армии.

Далее я указал, что, ввиду не последовавшего еще официального признания Сибирского Правительства, я обращаюсь с просьбой о пропуске указанных выше лиц, как частное лицо, но при этом добавил, что Сибирское Правительство, посылая своих представителей в прифронтовую полосу союзных армий, находящуюся ныне на русской территории, и, испрашивая на это в сношении за № 203 от 2 сентября с. г. пропуск у главнокомандующего войсками союзной армии, выполнило в данном случае известную формальность. Сибирское Правительство, конечно, не ожидало отказа на указанную в вышеупомянутом сношении просьбу и объясняет таковой отказ недоразумением, так как прецедент, в виде факта пропуска чехо-словацким командованием представителей Сибирского Правительства, имеется налицо.

В дальнейшем я вторично подчеркнул, что, ввиду не последовавшего еще официального признания Сибирского Правительства, я обращаюсь, как частное лицо, хотя и являюсь представителем Сибирского Правительства, но добавил, что отказ в пропуске вышеупомяну-

тых лиц может вызвать протест со стороны Сибирского Правительства.

Выслушав мое заявление, переводчик Хикучи удалился с целью доложить о нем по начальству. Вернувшись, он сообщил, что «пропуска никакого не будет». На вопрос мой, может ли меня принять начальник штаба или главнокомандующий войсками, я получил отрицательный ответ.

[Подпись.]

Информация о положении на границе с Манчжурией и Монголией.

Харбин. 24 августа 1918 г.

В министерство иностранных дел.
Заведующему информационным отделом.

Уважаемый гражданин.

При сем прилагаю некоторые бумаги и документы, доставленные мне для препровождения вам. Кроме того, добавляю здесь некоторые сведения относительно прибывающих японских войск.

На имя генерала Самойлова в охранной страже получена официальная бумага, по которой для «охраны» Манчжурии посылаются 22 000 японских войск, из коих 6 000 назначены для гор. Харбина.

Японцы повсюду ведут себя крайне возмутительно, чем восстанавливают против себя все население как китайское, так и русское. На-днях, например, явились в военный госпиталь гор. Харбина американский и японский врачи. Американец, как джентльмен, сначала представился своим коллегам, а потом только начал вместе с ними работу. Японец же не предъявил даже своего удостоверения личности, не обратился ни словом к коллегам, а просто заработал, как у себя дома.

Кроме того, стало известно, что Китай идет рука об руку с Японией, чтобы выдворить русских из Манчжурии. На тайном совещании у генерала Го, командующего китайскими войсками в Харбине, сам Го заявил, что Китай — страна достаточно могущественная и богатая, чтобы управлять Китайской Восточной жел. дорогой и платить России проценты за капитал, вложенный в эту дорогу. Проведенное в жизнь, это заявление является захватом Китайской Восточной жел. дороги.

Положение русских окончательно пошатнулось во всей Манчжурии. Даже высшие чиновники повесили нос и выражают свое недовольство прибытием японцев. Повсюду говорят и объясняют этот факт как оккупацию Манчжурии японцами.

Мы все здесь очень интересуемся ходом переговоров с «Деловым Кабинетом». Газета «Н. Д.» делает всякие предположения, желая заткнуть рот прислужникам Хорвата. За неимением газет из Вла-

дивостока, мы однако ничего определенного писать не можем. Просим выслать нам сведения, которые пригодились бы для опубликования. Мы имеем возможность выслать нашу газету во Владивосток 3—4 раза в неделю.

Секретарь инф. бюро в Харбине М. Салцайс.

По полученным министерством продовольствия сведениям, на Хабаровском фронте японскими военными отрядами, а также отрядами Калмыкова расстреливаются военнопленные без всякого расследования о причастности их к мадьяро-большевистскому фронту. В числе жертв расстрела имеется много лиц, которые известны своей борьбой против большевиков.

Заявление председателя совета министров Лаврова дипломатическому совещанию [1]).

В ответ на сообщенное через представителя Сибирского Правительства заявление дипломатического совещания по поводу назначений русских командующих военными силами, Временное Правительство Автономной Сибири считает своим долгом заявить, что при всех стараниях правительства к самым дружественным отношениям с союзными державами и к полной согласованности действий с ними в деле совместного достижения общих задач, тем не менее, неся ответственность перед Россией за полную неприкосновенность ее суверенных прав, оно ни в коем случае не может согласиться на санкционирование союзниками ее актов внутреннего управления.

Временное Правительство Автономной Сибири с полным правом рассматривает себя как выразителя общенациональной и лишенной определенной партийности власти сибирского народа и потому не видит оснований для опасений союзников сотрудничать с ним, как с будто бы односторонним представителем известной части населения.

Временное Правительство Автономной Сибири полагает, что искреннее выполнение прекрасных обращений союзников к русскому народу может выразиться наилучшим образом в содействии Сибирскому Правительству в деле вооружения и снабжения комплектуемой им российской армии. Препятствование же свободной внутренней

---

[1]) Воспроизводится с отпуска. См. выше доклад д-ра Л. Ю. Геймана от 3 сентября 1918 г.

самоорганизации России явится резким противоречием тем началам, которые провозглашены в союзных декларациях [1]).

Временное Правительство Автономной Сибири вновь подтверждает свое твердое намерение в полном согласии с союзниками служить общему делу и надеется, что в скором времени союзники получат тому реальное доказательство, так как, по имеющимся у правительства сведениям, оно располагает в Западной и Центральной Сибири вооруженными силами в несколько корпусов, могущих по освобождении Сибири от германо-мадьяр быть обращенными непосредственно на воссоздание прежнего западного боевого фронта России.

Председатель совета министров И. Лавров.
Упр. мин. ин. дел П. Дербер.

Письмо управляющего мин. ин. дел Дербера старшине консульского корпуса во Владивостоке от 7 сентября 1918 г. [2]).

Июля 30 дня с. г. министерство снабжения и продовольствия Временного Правительства Автономной Сибири обратилось к консульскому корпусу с заявлением о необходимости фактического снятия эмбарго в Манчжурии и скорейшем образовании специального гражданско-военного органа снабжения.

Консульский корпус в заседании своем от 31 июля, в присутствии представителей министерства снабжения и продовольствия рассмотрев вышеназванное заявление, решил в положительном смысле вопрос о немедленном принятии мер в целях фактического снятия эмбарго, оставив тем не менее открытым вопрос о создании военно-гражданского органа снабжения, находя образование его преждевременным и мотивируя свое решение тем, что вопрос о количестве и направлении союзных войск к тому времени не был еще выяснен.

В настоящее время союзные войска двинулись уже вглубь страны (в Хабаровском и Забайкальском направлении), ввиду чего министерство снабжения и продовольствия стало перед конкретным фактом

---

[1]) Далее в подлиннике зачеркнуто: «во всяческом содействии их делу самоорганизации России и что союзники в лице дипломатического совещания найдут другую приемлемую для суверенитета России форму помощи в деле воссоздания русской армии и прежде всего путем содействия ее вооружением и снабжением».

[2]) При обсуждении настоящего письма в совете министерства иностранных дел 8 сентября советником Н. И. Дмитраш было указано, что письмо ошибочно направлено в консульский корпус, так как вопрос этот входит в сферу компетенции совещания дипломатических представительств. Совет министерства решил: копию письма послать в совещание дипломатических представительств с просьбой о содействии (см. журнал № 15, АОР, ф. № 154, д. № 21).

необходимости принять немедленно энергичные меры для снабжения проходящих отрядов и для ограждения интересов гражданского населения в районах нахождения и продвижения войск.

Далее консульский корпус, не возражая принципиально против образования объединенного органа снабжения, предложил министерству снабжения и продовольствия представить конкретный план снабжения, который мог бы быть положен в основу обсуждения.

Однако министерство снабжения и продовольствия не имело возможности приступить к выработке плана снабжения даже для одного гражданского населения, ибо, ставя в первую очередь обеспечение необходимыми предметами продовольствия проходящие войска и не зная ни количества, ни того, что нужно этим войскам, и считаясь с тем положением, что существует целый ряд товаров, количество коих на рынке ограничено, оно, естественно, не могло и не может учесть все выдвигаемые условия; кроме того, работы министерства могли бы повлечь за собой изъятие таких предметов, которые могли бы оказаться необходимыми для снабжения войск. Неизбежно к тем же нежелательным последствиям могли бы привести работы органов, занятых исключительно заготовкой для войск, если таковые не руководствовались бы наличностью запасов и с потребностями в них гражданского населения.

Правительство Автономной Сибири, заинтересованное в выполнении союзниками взятых ими на себя задач, считает себя обязанным принять непосредственное участие в доставке наиболее доброкачественных продуктов по самым нормальным ценам.

Объединение дела снабжения в одном органе диктуется настойчивой необходимостью еще и потому, что разрозненность действий создает конкуренцию на рынке и нездоровую атмосферу спекуляции.

Правительство Автономной Сибири вместе с союзниками заинтересовано в том, чтобы население, в пределах нахождения союзных войск, дружески относилось к экспедиционному корпусу и не смотрело бы на союзных воинов, как на врагов, питающихся за его счет. Это же возможно только в том случае, если с продвижением войск произойдет и одновременное продвижение продовольственных грузов.

Исходя из этих соображений, Правительство Автономной Сибири вновь настаивает на необходимости образования объединенного органа снабжения и продовольствия для выработки и осуществления плана снабжения иностранных воинских частей и согласования его с планом снабжения гражданского населения в местах, освобожденных от мадьяро-большевиков.

Правительство Автономной Сибири надеется, что оно встретит горячую поддержку со стороны консульского корпуса, ибо необходи-

мость объединенных действий вытекает из тех обязательств, которые выражены союзниками в их декларациях.

В осуществление этого заявления министерство снабжения и продовольствия выделило специальную комиссию с участием представителей от других ведомств для разработки плана снабжения войск и гражданского населения, в которую просит делегировать представителей воинских частей союзников, действующих в пределах территории Сибири.

Министерство иностранных дел со своей стороны высказывает уверенность, что консульский корпус, обсудив настоящий вопрос, вполне разделит приведенные в нем соображения и делегирует представителей воинских частей в учрежденную комиссию, о чем и просит по возможности безотлагательно уведомить.

Упр. мин. ин. дел П. Я. Дербер.

Советник мин. ин. дел Н. И. Дмитраш.

Письмо управляющего мин. ин. дел Дербера главнокомандующему войсками союзной армии ген. Отани от 7 сентября 1918 г. [1]).

Ваше высокопревосходительство,
г. главнокомандующий.

Интендантом штаба японской армии г. С. Итояма распространяется через посредство русских местных газет объявление, в котором рекомендуется с полной безопасностью принимать за услуги, оказываемые местным населением, новые японские денежные знаки.

Это обстоятельство побуждает министерство иностранных дел обратить внимание вашего высокопревосходительства на то, что по основным законам Российского государства право выпуска в обращение денежных знаков в пределах России принадлежит исключительно российской верховной государственной власти или тем учреждениям, которые получили на то особое разрешение верховной власти.

Кроме того, вашему высокопревосходительству, конечно, совершенно понятно, какое влияние на внутренний и внешний курс российских денег может оказать распространение (к тому же неполноценных) иностранных денег в России.

Доводя до сведения вашего о вышеуказанном факте, Сибирское Правительство вполне уверено, что ваше высокопревосходительство

---

[1]) Копия этого письма (№ 265) была направлена дипломатическому представителю Японии Матсудаира. Решено было также сообщить в печать, что «правительство принимает официальные меры для прекращения распространения бон».

сочтет нужным распорядиться о разъяснении подлежащим чинам вверенной вам армии всей незакономерности и неблагожелательности к российским интересам подобных актов, исходящих от органов союзнической армии, и о немедленной отмене введенного г. Итояма порядка расплаты с местным населением купюрами японских кредитных билетов.

Не сомневаясь в том, что вышеуказанный печальный факт нарушения . . . . . [1]) без ведома вашего высокопревосходительства, я позволяю себе высказать уверенность, что взаимное уважение Россией в лице Сибирского Правительства и Японией в лице вашем достоинства и интересов другой стороны служит лучшим залогом укрепления существующих дружественных отношений между Россией и Японией.

Прошу принять уверение в совершенном уважении.

Упр. мин. ин. дел П. Я. Дербер.

Телеграмма управляющего мин. путей сообщения Моравского по линии Уссурийской ж. д. [2]).

Копия.

Циркулярно, адрес 69, по Уссурийской.

Мне доставлена телеграмма инженера Устругова от 8 сентября № 41.

Ссылаясь на телеграмму союзного командования [3]), инженер Устругов, член «Делового Кабинета» правителя Хорвата, призывает служащих и рабочих линии к исполнению исходящих от него и его сотрудников распоряжений.

Не допуская мысли, чтобы союзники, определенно заявившие в своих декларациях о невмешательстве в наши внутренние дела, могли поддерживать «Деловой Кабинет» правителя Хорвата, и обращая внимание на то, что инженер Устругов, входя в состав «Делового Кабинета» ген. Хорвата, объявившего себя диктатором, не может сохранить полномочий народного правительства, каковым являлось Временное Российское Правительство, я подтверждаю свой приказ № 44 и категорически требую точного его исполнения.

В то же время обращаю внимание администрации, служащих и рабочих дороги на необходимость приложить все усилия к скорейшему

[1]) Так в подлиннике.

[2]) На подлиннике имеется надпись: «По распоряжению г. мин. препровождается для сведения в мин. ин. дел. 8/IX 1918 г. За заведующего канцелярией мин. пут. сообщ. Кузнецов».

[3]) См. выше доклад Геймана от 7, 8, 9 сентября.

восстановлению нормальной работы железных дорог и всеми мерами содействовать успешному выполнению возложенных на союзные войска задач. № 69.

Подлинный подписал упр. мин. путей сообщения В. Моравский.

Заявление управляющего мин. ин. дел Дербера главнокомандующему союзных войск ген. Отани от 9 сентября 1918 г.[1]).

Считаю своим долгом довести до вашего сведения, что главный штаб союзных войск в лице его начальника — ген. М. Иохи телеграммой от 7 с. м. на имя члена «Делового Кабинета» ген. Хорвата инженера Устругова вполне определенно выразил последнему свою поддержку, прося Устругова продолжать руководствовать железной дорогой и не считать распоряжения министра Сибирского Правительства Моравского действительными.

Такие действия подчиненного вашему высокопревосходительству должностного лица находятся в явном противоречии с объявленной декларацией союзных держав, в которой было указано о нежелании со стороны союзников какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела России.

Телеграмма ген. Иохи является не только вмешательством, но и явным содействием [sic!] той политической вражды, которая, к сожалению, существует между русскими по вине никем, кроме ген. Иохи, не признанного самочинного «Делового Кабинета» ген. Хорвата.

Отмечая этот прискорбный факт, я прошу от лица Сибирского Правительства вашего распоряжения приостановить такое отношение вверенных вашему высокопревосходительству чинов к тем лицам, которые расстраивают дело свободной самоорганизации русского народа и своими распоряжениями вызывают нарушение мирного течения жизни на железных дорогах, столь необходимых в настоящее время всем союзникам. № 276.

Упр. мин. ин. дел П. Дербер.

Заявление упр. мин. ин. дел П. Я. Дербера дипломатическому совещанию представителей союзных держав во Владивостоке от 7 сентября 1918 г.

Придавая огромное значение образованному во Владивостоке дипломатическому совещанию, министерство иностранных дел Автономной Сибири, принимая во внимание, что деятельность совещания будет иметь свое практическое осуществление в пределах Сибири,

[1]) См. выше доклад Геймана от 7, 8, 9 сентября.

что в настоящее время отсутствует российская центральная власть, с которой дипломатическому совещанию надо было бы по предметам своей деятельности иметь сношение, и что в пределах Сибири в настоящее время единственно законной властью является Сибирское Правительство, которое к тому же живо заинтересовано в сотрудничестве с союзными державами по достижению общих их с Россией задач, просит дипломатическое совещание в ближайшее же заседание обсудить вопрос об участии в совещании представителя Сибирского Правительства, который бы мог в значительной степени облегчить деятельность совещания, освещая возможные пути достижения в Сибири общих союзнических целей.

Министерство иностранных дел выражает уверенность, что правильно понятые общие интересы продиктуют на настоящее заявление положительный ответ и что, в связи с этим, дипломатическое совещание ознакомит министерство иностранных дел Автономной Сибири с намеченными совещанием ближайшими практическими задачами. № 262.

Подлинное подписал упр. мин. ин. дел П. Я. Дербер.

Ответ дипломатического совещания Дерберу [1]).

Владивосток. Сентября 14, 1918 г.

Копия.

Милостивый государь.

В ответ на ваше письмо от 7 сентября, мы имеем честь заявить, что, помимо других соображений, просьба, заключающаяся в нем, основана на недоразумении. То, что вы определяете, как дипломатическое заседание, является просто собранием союзных представителей информационного характера, и главная цель его — дать возможность этим представителям написать общие письма русским властям и таким образом избежать затруднений, вызываемых сепаратными и, возможно, разноречивыми сообщениями. Вы увидите, что нет основания в присутствии русского представителя на подобных собраниях и что это имеет отношения к прецеденту [2]).

Олстон.

---

[1]) На подлиннике помета: «Перевел с английского драгоман м. и. л. [подпись]».

[2]) Так в подлиннике.

Из истории национальной политики царизма.

Окончание [1]).

II. Меры культурно-просветительные.

Выразив уверенность, что, в случае проведения в жизнь всех выше соображенных мероприятий в области религиозно-просветительной, местности, заселенные крещеными инородцами, будут в значительной степени ограждены от дальнейшего религиозно-культурного воздействия со стороны мусульман и что коренное русское-православное население, соприкасающееся с татарско-магометанским миром, приобретет большую устойчивость для проведения своих культурных начал, совещание перешло к соображению мер культурно-просветительного характера.

Меры эти, — рассуждало совещание, — должны иметь целью привлечение татар и других инородцев мусульман к русской культуре. Действительность показывает, что весь наш мусульманский мир жил и живет обособленно и в значительной степени замкнуто: разность языков племен — русского, с одной стороны, и мусульманского, с другой, своеобразный быт последних, их религия и связанные с нею мировоззрения наложили на мусульман столь глубокую печать, что о слиянии, по крайней мере, не в отдаленном будущем, с инородцами, исповедующими ислам, по мнению совещания, и речи быть не может. Однако школа, это могучее оружие в руках государства, без сомнения, в состоянии оказать мощное содействие к культурному объединению наших инородцев с русской народностью.

I. Между тем, главным тормозом к приобщению мусульман к русской культуре, по мнению совещания, является именно школа. Благодаря ей обособленность мусульманского населения поддерживается и развивается в нем с молодых лет.

Мусульманские учебные заведения, низшие — мектебе и высшие — медрессе, должны, по ясному смыслу нашего законодательства, обеспе-

---

[1]) См. «Красный архив», т. IV (35), стр. 107—127.

чивать религиозное образование мусульманского населения. В связи с этим, учебным заведениям была предоставлена самостоятельность, выразившаяся в неподчинении их общему учебному надзору. Между тем, за последнее время, как уже отмечалось выше, магометанские конфессиональные училища утратили свой первоначальный характер и получили характер общеобразовательных учебных заведений. Наряду с преподаванием предметов вероучения, в них введен курс арифметики, истории, географии, естественной истории и т. п. на искусственно созданном для объединения всех татарских диалектов общетюркском языке, с постепенным переходом к языку турецкому.

В этом именно направлении, принятом мусульманскими школами, и заключается вредная, с точки зрения интересов государства, сторона их. Удовлетворяя проявившееся среди мусульман стремление к общему образованию, мусульманские школы ставят это образование вне связи с общей правительственной системой народного образования. Кроме того, как показали наблюдения, модернизированные, так называемые новометодные, медрессе и мектебе, находясь вне всякого правительственного контроля и представляя поэтому своеобразные религиозно-национальные школы автономного характера, прививают мусульманской молодежи сепаратистические и враждебные русской государственности тенденции и отвращают ее от поступления в русские школы.

Соображая всю важность правильной постановки, в видах государственных интересов, народной школы и, считая ее неотъемлемым достоянием государства, совещание высказало глубокое убеждение в том, что дальнейшее уклонение конфессиональных мусульманских школ в сторону общеобразовательную и создание под видом их, наряду с государственной школой, автономно-национальных мусульманских учебных заведений представляется совершенно недопустимым.

Признавая однако, что религиозное образование населения должно быть предоставлено, особенно в столь своеобразной среде, которую представляет из себя мусульманство, духовенству, совещание признало неизбежным существование медрессе и мектебе, но с тем непременным условием, чтобы эти учебные заведения сохранили свой религиозно-духовный характер. В связи с этими мыслями совещание пришло к заключению, что между образованием конфессиональным и общим необходимо установить резкую грань.

Чисто конфессиональное образование, т. е. ознакомление с вероучением, совещание полагало правильным всецело предоставить ведению мусульманского духовенства, без вмешательства органов правительственной власти, но засим не допускать в конфессиональные

школы преподавания каких бы то ни было предметов общеобразовательного характера.

В связи с таковою постановкою этого дела совещание подвергло обсуждению и вопрос о так называемых русских классах, обязательное учреждение коих при мектебе и медрессе установлено высочайше утвержденными 26 марта 1870 года правилами.

Мера эта имела определенные цели: приобщить существовавшую школу к школе общего типа. Между тем мера эта едва ли может быть признана правильной, так как именно она давала как бы основание предполагать, что духовная школа со временем может преобразоваться в школу общеобразовательную. Кроме того, означенная мера не имела успеха. Напротив, она вызвала в мусульманском населении недоверие, так как это население смотрело на введение в их религиозные школы русского языка как на посягательство на веру и как на попытку насильственно обрусить население.

По всем изложенным основаниям, совещание пришло к заключению о необходимости закрыть русские классы в тех мектебе и медрессе, в которых они устроены, и впредь открытия этих классов не допускать.

Для практического осуществления намеченного разграничения конфессионального и общего образования мусульман совещание признало необходимым точно установить перечень предметов, преподавание коих являлось бы необходимым для изучения мусульманского вероучения и поэтому могло бы быть допущено в мусульманских конфессиональных школах, не придавая им общеобразовательного типа.

Обращаясь к обсуждению этого вопроса, члены совещания не могли не притти к заключенчю, что решение его представляется делом далеко не легким. Область мусульманской религии — область малоизученная, поэтому недостаточно определенная даже для самих наших мусульман, которые в этом отношении высказывали разновременно разные мнения. Без сомнения, область вероучения может быть в каждой религии чрезвычайно сужена. Однако едва ли от этого узкого понимания веры, как основы нравственности, было бы в выигрыше само государство. С другой стороны, область веры может быть чрезвычайно расширена, и, в конце концов, всем общеобразовательным предметам может быть придан, так сказать, клерикальный характер. Именно на этот путь и стали в настоящее время [?] нашего мусульманства утверждающие будто все общеобразовательные предметы стоят в тесной связи с вероучением ислама. Естественно, что, например, при преподавании истории возникновения магометанства должно затрагивать те местности, к которым это возникновение относится, но из этого не

следует, чтобы в основу изучения ислама ложилось преподавание географии как систематизированного знания, преследующего общее образование и развитие учащегося.

Сколь ни является приведенная в означенном примере теоретическая постановка дела ясной, на деле требуются серьезные предварительные соображения, дабы избежать ошибки в сторону той или другой крайности.

Не считая при таких условиях гражданскую власть достаточно компетентною для непосредственного решения вопроса о перечне предметов, совещание, во избежание не вызываемого надобностью вмешательства светской власти в сферу духовных дел мусульман, нашло наиболее целесообразным, прежде всего, путем сношения с высшими духовными установлениями мусульман, а равно и с местными административными властями, выяснить существующую программу преподавания в мусульманских конфессиональных школах. Полученные таким образом сведения дали бы возможность разобраться в том, что́ в настоящее время преподается в отдельных местностях в тех учебных заведениях, которые именуются медрессе и мектебе. Засим, для выработки подробных программ для этих учебных заведений наиболее целесообразным представлялось бы образовать особую комиссию при министерстве внутренних дел из лиц, сведущих в мусульманском школьном деле, а равно и из представителей мусульманского духовенства, присутствие коих в занятиях комиссии обеспечило бы интересы магометан и, вместе с тем, придало бы выработанной ею программе необходимый авторитет в глазах мусульманского населения.

Установление подобной программы, обязательной для всех конфессиональных мусульманских школ, и проведение ее в жизнь при посредстве самого мусульманского духовенства, по мнению совещания, облегчит большинству мусульманских школ возможность вернуться к типу чисто конфессиональных учебных заведений.

Такою постановкою дела, — так рассуждало совещание, — русскому мусульманству, без сомнения, будет нанесен некоторый ущерб в отношении общего образования. Правда, все это образование общего характера поставлено в медрессе и мектебе недостаточно систематитически и поэтому так называемые новометодные мусульманские школы не могут считаться теми учебными заведениями, которые обеспечивали бы рациональное народное образование. Тем не менее, нельзя, по убеждению совещания, не считаться с тем, что общее образование уже получило среди наших магометан, хотя и нелегально, свое развитие и что стремление к этому образованию среди мусульманских масс бесспорно. Поэтому и принимая во внимание, что в случае закрытия тех школ, которые не пожелали бы обратиться в чисто конфессиональ-

ные, школа государственная может оказаться не в состоянии удовлетворить запросам мусульманских масс на общее образование, совещание признало целесообразным предоставить непревращенным в конфессиональные училищам преобразоваться в частные учебные заведения на общих основаниях.

С принятием указанных мер, по мнению совещания, были бы достигнуты следующие результаты: 1) чисто конфессиональные школы сосредоточились бы в ведении мусульманского духовенства без всяких стеснений в объеме преподаваемых в них богословских предметов, установленных особою, одобренною правительством программою; 2) общеобразовательные мусульманские школы, продолжая свое существование как частные учебные заведения, подверглись бы как таковые на общем основании регламентации и контролю со стороны местных органов учебного ведомства; 3) существующие ныне тайно, за уклонением от требуемого законом обязательного открытия русских классов, конфессиональные школы обнаружили бы свое существование и стали бы в легальное положение и 4) мусульманская молодежь, с уменьшением числа общеобразовательных школ, в случае действительного с ее стороны желания получать общее образование была бы привлечена в государственные школы.

Привлечение в эти школы мусульман представляется, по убеждению совещания, желательным во всех отношениях уже потому, что общая школа способствовала бы снятию той преграды, которая разделяет ныне мусульманское население, зачастую фанатичное, от остального населения. В виду этого, совещание признало желательным содействовать увеличению числа существующих русско-инородческих школ, открываемых по правилам 1 ноября 1907 года.

По сему предмету в совещании были сообщены сведения, из коих видно, что означенные училища пользуются доверием местного населения и, благодаря ведению в них первоначального обучения на местном языке, могут восполнить тот пробел, который получится вследствие исключения из мусульманских конфессиональных школ общеобразовательных предметов.

В этом отношении совещание приняло во внимание, что предусмотренные правилами 1907 г. инородческие училища открываются по инициативе земских, городских и других общественных учреждений, которые, очевидно, охотно пойдут навстречу потребностям местного населения, особенно если они встретят со стороны правительственных органов известное поощрение. По этому поводу со стороны представителя министерства народного просвещения было заявлено, что министерство народного просвещения будет всемерно приходить на помощь в деле открытия училищ между мусульманскими инородцами при усло-

вши, чтобы открываемые школы были нормального типа и чтобы оборудование их в хозяйственном отношении было принято на счет учредителей школ. Подобные школы, по заявлению представителя министерства народного просвещения, хотя бы и с некоторыми отклонениями от правил 1907 года, отклонениями, вызываемыми местными условиями, могли бы рассчитывать на субсидию из кредита, предназначенного на общее обучение. Заслушав изложенное заявление и придавая ему исчерпывающее по настоящему вопросу значение, совещание не могло не высказать настойчивого пожелания, чтобы имеющиеся в этом отношении предположения министерства народного просвещения проводились им в жизнь с необходимой планомерностью и с полной решительностью.

II. В связи со сказанным относительно упорядочения постановки школьного дела среди наших мусульман, совещание обратило внимание и на учебные пособия, как на один из существеннейших факторов в деле народного образования.

Установив, что, по имеющимся сведениям, во многих новометодных конфессиональных школах употребляются рукописные, а также и изданные за границею учебники с весьма нежелательным, с государственной точки зрения, направлением, совещание не могло не признать, что пользование подобного рода учебниками, естественно, стоящими вне всякого контроля, совершенно недопустимо. В виду существующих уже в этом отношении распоряжений со стороны министерства народного просвещения, совещание, не усмотрев надобности в изыскании каких-либо экстренных мер для немедленного изъятия помянутых учебников, признало однако необходимым подтвердить правительственным органам, на коих лежит наблюдение за означенного рода школами, обязанность следить за исполнением вышеозначенных распоряжений министерства народного просвещения.

При этом совещание нашло уместным и соответственным отметить необходимость соблюдения в настоящем деле особого такта, в особенности при неизбежных в некоторых случаях конфискациях нелегальных учебников.

III. После изложенных суждений, совещание не могло не остановить своего особого внимания на том, что при постановке по известной системе учебного дела необходимым представляется обеспечить прочность данной системы надлежащим надзором.

Между тем действительность показывает чрезвычайную слабость этого надзора за мусульманскими учебными заведениями. Чем, как не этим обстоятельством, следует объяснить, что первоначальная строго-конфессиональная мусульманская школа развернулась в школу

общеобразовательную, притом даже не вполне однообразную во всех местностях?

Имевшие в этом месте суждения привели совещание к убеждению, что слабость фактического надзора обусловливается и недостаточностью числа инспекторов народных училищ и незнакомством их с местными языками. Установив в принципе необходимость сосредоточить надзор за мусульманскими учебными заведениями всецело в ведении органов учебного ведомства и обсуждая способы наилучшей постановки этого надзора на будущее время, совещание не могло не остановить своего внимания на мысли о том, не представлялось ли бы целесообразным учредить особую инородческую инспекцию с отделением ее от инспекции общей и с подчинением ее особым, состоящим при округах, окружным инородческим инспекторам.

Мысли о подобной постановке инспекции вызывали однако (за исключением вопроса о должности окружного инспектора) в совещании серьезные сомнения.

Бесспорно, — так рассуждало совещание, — что установление отдельной от общей инородческой инспекции поставит школу мусульман в обособленное положение и создаст нежелательную разъединенность среди местных органов министерства народного просвещения. Засим, образование подобной инспекции и по материальным соображениям представит значительные затруднения. Наконец, нельзя не иметь в виду, что, в случае проведения в жизнь предположенных мероприятий относительно мусульманских школ, надзор за ними не будет представлять особых затруднений, ибо школы общеобразовательного типа войдут в общую сеть инородческих учебных заведений, а конфессиональные будут требовать наблюдения исключительно с точки зрения соблюдения ими утвержденной правительством конфессиональной программы и употребления надлежащих учебников.

Ввиду сего, совещание, отвергнув мысль об учреждении особой инородческой инспекции, высказалось за увеличение числа существующих инспекторов народных училищ.

Конечно, одним увеличением числа инспекторов цель не могла бы считаться достигнутой. Инспектор, незнакомый с местными языками, с особенностями жизни и быта мусульман, мог бы исполнять свои обязанности только формально, зачастую впадая в существенные ошибки и подавая повод к недоразумениям. Кроме того, без сомнения, инспекторский надзор имел бы возможность часто посещать подведомственные ему учебные заведения и благодаря этому ближе становиться и к школе и к населению и тем самым завоевывать себе доверие последнего. По этим соображениям совещание признавало необходимым высказать настойчивое пожелание об обязательном знакомстве инспекторов с

местными языками и об увеличении средств на разъезды инспекторов отпуском в распоряжение попечителей округов необходимого на этот предмет кредита.

Засим, в виду важности того дела, которое возлагается на инспекторов народных училищ, особенно в местностях с мусульманским населением, совещание признало необходимым объединить их деятельность учреждением при инородческих округах должностей особых окружных инспекторов. Эти должностные лица, как ближайшие помощники попечителя учебного округа, могли бы направлять деятельность инспекторов путем инструкций, даваемых на основании опыта, объединять их деятельность путем созыва совещаний, наконец, контролировать работу на местах.

Без сомнения, что при предъявлении особых требований к инспекторам народных училищ в мусульманских местностях, хотя бы в виде знания местных языков, представлялось бы необходимым установить и поощряющие сложную их деятельность меры. Сознавая всю трудность подобного рода постановки вопроса, совещание однако полагало бы вполне возможным установление прибавок к жалованью тем из инспекторов, которые усвоили себе хотя бы один из местных языков.

Правда, прибавки к жалованью не всегда ведут к желаемой цели, ибо привлекают иногда на службу не лучших людей, но людей, преследующих корыстные цели; к тому же, для занятия указанных должностей, помимо знания местных языков, требуются и другие качества.

Однако соображения эти едва ли имеют решающее значение. Нельзя не иметь в виду, что установление прибавок к жалованью, имеет целью не столько «привлечение» к должностям новых людей, сколько поощрение тех служащих, которые приобрели на местах определенные познания и особые служебные достоинства, и, кроме того, прибавки к жалованью могут носить характер периодических выдач, по выслуге определенного числа лет на месте, при условии основательного ознакомления с местными наречиями и бытом. При таких условиях прибавки являлись бы справедливым дополнительным вознаграждением за опыт и лишний труд.

Поэтому совещание, отнесясь отрицательно к установлению прибавки к жалованью, в виде общего правила, за знание местных языков всем лицам, привлекаемым на инспекторские должности, нашло полезным установление таковых прибавок для лиц, прослуживших уже известное время по надзору за инородческими школами и основательно знакомых с местными наречиями и бытом.

IV. С устранением общего образования из конфессиональных мусульманских учебных заведений и расширением сети общеобразовательных школ для инородцев, ближайшею задачею правительства

является обеспечение этих школ соответствующим учительским персоналом, в достаточной мере знакомым с местными языками и местными условиями.

Эта сторона дела, по принятому единогласно совещанием мнению, имеет важнейшее значение. Очевидно, совершенно недопустимо расстроить так или иначе налаженное мусульманским духовенством и общественными силами народное образование, не возместив того, что расстроено, и притом не возместив утраченного лучшим и целесообразнейшим.

Обратившись, в связи со сказанным, к вопросу о способах подготовки необходимого для могущих возникнуть в будущем инородческих школ числа учителей, совещание остановилось сначала на существующих типах подготовительных педагогических учебных заведений.

Из представленных совещанию сведений выяснилось, что необходимый контингент начальных учителей для инородческих училищ в настоящее время поставляется: а) так называемыми центральными крещено-инородческими школами, б) существующими в Казани и в Симферополе татарскими учительскими школами и в) нормальными учительскими семинариями.

А. Остановившись, прежде всего, на центральных крещено-инородческих школах, совещание приняло во внимание, что этот тип школ является как бы типом упрощенных учительских семинарий. Эти училища дают основательное практическое знакомство с местными наречиями и являются удачным типом для подготовки учителей для низших инородческих школ и помощников учителей для школ более высокого разряда.

Правда, означенные учебные заведения имеют свои чувствительные недостатки. Благодаря пониженному курсу они выпускают учителей, по образовательному цензу стоящих ниже учителей, прошедших курс нормальных учительских семинарий. Однако та польза, которую оказали центральные школы подготовкой как священников в инородческие приходы, так и инородческих учителей, не подлежит сомнению. Поэтому совещание признало в принципе тип означенных школ желательным для распространения. Наметив наиболее важные для открытия этих школ пункты (приложение 2), совещание не могло не признать, что упомянутый тип учебных заведений не чужд миссионерского характера. Поэтому, по убеждению совещания, было бы более целесообразным передать все существующие означенного типа школы в православное духовное ведомство с тем, чтобы последнее занялось открытием того же характера школ в намеченных совещанием местностях.

Обратившись, засим, в частности, к Казанской центральной крещено-татарской школе, совещание не могло не отметить ненормаль-

ного положения этого училища, не принадлежащего ни к какому определенному ведомству и зависящего от личности директора Казанской учительской семинарии. Поэтому, казалось бы, наиболее правильным было бы передать эту школу, подобно другим центральным школам, в православное духовное ведомство.

По этому поводу в среде совещания была особо отмечена успешная долголетняя культурно-просветительная деятельность означенной школы, деятельность, находящаяся в зависимости именно от самобытного устройства ее управления и близкого участия в нем живых общественных сил.

При таких условиях, без сомнения, следует относиться с большой осторожностью к вопросу о передаче тому или иному ведомству прочно установившейся школы, дабы неосторожным новшеством не достигнуть отрицательных результатов. Считая поэтому вопрос о передаче означенного учебного заведения православному духовному ведомству преждевременным, совещание признало однако необходимым, в целях внесения в дело управления школой большей стройности и устойчивости, учредить при ней попечительный совет из представителей администрации, духовного и учебного ведомства.

Б. При переходе к суждениям относительно Казанской и Симферопольской татарско-мусульманских школ в среде совещания был выдвинут принципиальный вопрос о том, подлежат ли эти училища дальнейшему существованию. В этом отношении совещание прежде всего приняло во внимание, что обе названные школы, по объему своего курса, соответствуют нормальному типу учительских семинарий и имеют специальное назначение подготовлять учителей для татарско-мусульманских школ, вследствие чего они и принимают только татар-мусульман.

Конечно, в принципе не может быть признано допустимым существование на государственные средства учебных заведений, в которые не допускались бы русские. Однако названные учебные заведения преследуют специальные цели, и существование их вызвано особыми условиями временного характера и связанным с этим стремлением правительства дать мусульманам учительскую подготовку в правительственном училище. Мысль эта не может не считаться правильной, но осуществление ее не должно иметь постоянного характера. Тем не менее, закрытие Симферопольской и Казанской татарско-мусульманских школ, не вызываясь пока действительной надобностью, без сомнения, привело бы к весьма неблагоприятным результатам. Очевидно, что с введением в жизнь проектированного совещанием разграничения конфессионального и общего инородческого образования, часть существующих ныне под видом духовных мусульманских обще-

образовательных школ обратится открыто в частные общеобразовательные учебные заведения. Поэтому с запросом на учителей для таковых училищ нельзя не считаться. Несомненно, что, в виду мусульманского религиозного фанатизма, в первое, по крайней мере, время после реформы инородцы-мусульмане во многих случаях не будут допускать в свои общеобразовательные школы учителей, прошедших общие, со смешанным вероисповедным составом учащихся, учебные заведения. Ясно, следовательно, что в случае отсутствия подходящих, по понятиям мусульман, кандидатов в России они будут домогаться допущения учителей или не имеющих надлежащего образовательного ценза или получивших образование за границей, преимущественно в Турции и Египте.

Без сомнения, что первого рода преподаватели нежелательны, а учителя второго рода недопустимы, так как наличность их, безусловно, несовместима с интересами государства, которое не может вверять дело народного образования, в особенности в инородческой среде, иностранцам. В виду изложенного совещание высказалось за сохранение поименованных двух школ на существующем основании до тех, по крайней мере, пор, пока практика жизни и обозначившиеся требования не определят тех условий, согласно которым представилось бы необходимым или преобразовать названные учебные заведения или заменить их училищами иного типа.

В. Что касается современных условий, то они, по мнению совещания, указывают на желательность, при сохранении Симферопольской и Казанской школ, направить ищущих педагогического образования мусульман в учительские семинарии общего типа.

Признавая эти учебные заведения вообще целесообразными для подготовки учительского персонала, совещание однако не могло не отметить, что в существующей постановке практическое значение учительских семинарий для инородческих местностей представляется в значительной степени парализованным. А именно: изучение местных наречий поставлено в учительских семинариях совершенно неудовлетворительно и не обеспечивает оканчивающим курс учителям практического знания языков тех племен, среди которых им приходится действовать.

При таких условиях учителя русского происхождения, обучавшиеся в учительских семинариях, оказываются мало подготовленными для педагогической деятельности в инородческих школах и в симпатиях населения должны уступать первенство прошедшим инородческие школы учителям инородцам.

Признавая таковое положение совершенно ненормальным, совещание высказалось за необходимость безотлагательного улучшения

постановки в учительских семинариях в инородческих местностях изучения местных языков.

Затем, в связи с изложенными суждениями, совещание не могло не обратить внимания на то, что по силе действующего для семинарий положения (уст. учебн. завед. ст. 2382) означенные учебные заведения предназначаются исключительно для православного юношества.

Между тем при современном подъеме религиозного чувства среди мусульманского населения, оно, несомненно, для своих школ будет требовать учителей исключительно своей веры.

При таких условиях естественно возникает вопрос, не представляется ли целесообразным создать специальные мусульманско-инородческие семинарии, подобные вышеуказанным татарским в Симферополе и Казани, которые, удовлетворяя требованиям преподавателей, тем самым подрывали бы в корне возможность какого-либо соперничества со стороны стоящей вне правительственного контроля тайной или заграничной школы.

Безотлагательное разрешение данного вопроса представлялось, с точки зрения совещания, весьма трудным. В принципе, по мнению совещания, специально инородческие семинарии нежелательны. Они содействовали бы не объединению с русской народностью, а разобщению инородцев. Кроме того, в данном деле нельзя не принять во внимание, что наши мусульмане принадлежат к весьма разнообразным племенам. Очевидно, что открытие для каждого племени отдельной семинарии, если подобную систему и считать правильной, представило бы большие затруднения, смешение же разных инородцев в одних и тех же учебных заведениях могло бы привести к денационализации слабейших инородцев в пользу сильнейших. Конечно, практическая необходимость, может быть, в ближайшее время и вынудила бы правительство открыть несколько мусульманско-инородческих семинарий, подобных Симферопольской и Казанской, но мера эта, по мнению совещания, должна была бы иметь лишь временное значение как переходная ступень к привлечению мусульман в общие учебные заведения, где мусульмане, соприкасаясь с русским элементом, без сомнения, откажутся от своей исключительности и фанатизма.

По всем этим соображениям, совещание признало необходимым пойти навстречу потребностям мусульман в образовании и открыть им двери в учительские семинарии, обеспечив им, конечно, при этом и полную возможность получения в этих учебных заведениях религиозного образования по правилам их вероучения.

Установив, таким образом, те преобразования, которые должны быть внесены в существующую постановку учительских семинарий, совещание не могло не принять во внимание, что современное число

названных учебных заведений не может почитаться достаточным для удовлетворения предполагаемых (с преобразованием конфессиональных мусульманских училищ) потребностей.

Поэтому совещание, высказавшись за возможно широкое открытие на предполагаемых началах семинарий в инородческих местностях, наметило главные для сего пункты (приложение 2).

V. Одним из наиболее существенных условий успешности культурно-государственного воспитания инородческого населения является непосредственное воздействие на него со стороны местных органов государственной власти.

Такое воздействие возможно только на почве сближения этих органов с населением и ознакомления их со всеми его нуждами и интересами.

Между тем при крайне незначительном знакомстве как органов власти, так и русского общества с языком, бытом и верованиями инородцев, рациональное понимание нашего мусульманского мира представляется почти исключенным.

Поэтому совещание признало необходимым, независимо от введения в курс духовных и учительских семинарий обязательного изучения инородческих языков, создать такие условия, которые предоставляли бы всем желающим возможность изучать как язык, так и обычаи и верования мусульманских племен.

Ближайшим по целесообразности разрешением этого вопроса, по мнению совещания, представлялось бы открытие курсов для практического изучения инородческих языков при тех учебных заведениях, в коих уже ведется преподавание этих языков, с правом поступления на таковые курсы всех желающих.

Несомненно, сколь эта мера ни является полезной, она не может почитаться исчерпывающей в отношении тех задач, которые выдвинуты для России в отношении мусульманского мира самой историей. В этом отношении нельзя не заметить, что, наряду с чисто практическим ознакомлением с означенной областью, необходимо научное ее изучение. Мусульманский мир так близко соприкасается с Россиею, что ей, без сомнения, надлежит занять подобающее место в научной разработке всего того, что этому миру присуще. Для осуществления сего, по убеждению совещания, представляется необходимым: 1) дополнить курс восточного факультета С.-Петербургского университета кафедрами, предназначенными для изучения наречий, литературы, истории и этнографии тюркско-татарских и иранских племен, населяющих русские области, а равно прилегающие к нашим границам государства; 2) образовать в Казани, как одном их центров мусульманства, восточное отделение при филологическом факультете университета для изуче-

ния восточных языков, истории и быта восточных народов, населяющих как Россию, так прилегающие к ней государства, и исповедующих ислам.

III. Меры административные.

А. К числу основных причин создавшегося в настоящее время на нашем мусульманском востоке ненормального положения, по единогласно выраженному совещанием мнению, относятся несогласованность и разлад в деятельности отдельных ведомств и крайняя неосведомленность как центральных, так и местных правительственных органов со всеми явлениями, происходящими в мусульманском мире.

Означенные обстоятельства, если они не будут устранены, по убеждению совещания, представят и впредь значительные затруднения как в деле успешного проведения в жизнь выработанных совещанием для приобщения восточных инородцев к русской культуре и русской государственности мероприятий духовно- и культурно-просветительного характера, так равно и в отношении той политики, которая должна проводиться правительством в отношении мусульманских племен.

По убеждению совещания, лишь основанная на серьезном знакомстве с мусульманским вопросом во всех его проявлениях строго последовательная в намеченном направлении и согласованная работа отдельных ведомств в известном районе и представителей одного и того же ведомства во всех инородческих местностях может привести к желательным результатам.

В отношении способов для достижения объединенности действий правительственных органов на местах в среде совещания была высказана необходимость образовать в местностях с мусульманским населением специальные органы с определенным составом и независимыми от усмотрения отдельных лиц функциями. Учреждением подобных органов, кроме согласования правительственной деятельности на местах, предполагалось достигнуть и необходимую осведомленность центрального правительства о всех движениях, происходящих в инородческом мире, и о ходе духовно- и культурно-просветительной работы. В отношении практической постановки этого дела признавалось целесообразным образование в губерниях с инородческим населением особых советов под председательством губернатора, при участии правящего архиерея и попечителя учебного округа или заменяющего его директора народных училищ.

Предметами занятий таких советов, в соответствии с теми целями, которые они должны преследовать, могли бы явиться: обмен полученными сведениями и личными впечатлениями членов совета об общем

ходе духовно- и культурно-просветительной работы на местах, изучение причин малой успешности этой работы в отдельных случаях и выработка мер для поднятия таковой на должную высоту.

Обсуждая эти предположения, совещание не могло не признать, что те мысли, которые положены в их основание, совершенно правильны. Опыт показывает, что отдельные ведомства в одних и тех же местах по одним и тем же вопросам действуют в совершенно разных, иногда противоположных направлениях. Это, конечно, совершенно неправильное, по существу антигосударственное, явление имеет место не только в отношении мусульманского вопроса. Напротив, отмеченное явление представляет коренной недостаток нашего управления повсеместно, лишь наиболее ярко обнаруживающийся в инородческих местностях и, в частности, в губерниях и областях с мусульманским населением, т. е. там, где последствия разъединенности и разобщенности властей ощущаются наиболее сильно и имеют наиболее серьезные последствия. Причины этого кроются единственно в самой системе поместного управления, состоящего из отдельных, не объединенных между собою органов разных ведомств, получающих инструкции каждый по предмету только своего ведения, без отношения к какой-либо определенной правительственной программе общего характера. Совещание, естественно, не призвано отдаваться суждениям о переустройстве нашего управления. Поэтому суждения подобного рода были бы бесцельны.

Однако совещание не может не отметить всей пагубности разобщенности власти на местах в отношении мусульманского населения. Тем не менее, совещание чрезвычайно затруднилось высказаться за учреждение предположенных губернских советов, так как юридическое значение их решений, как органов, не предусмотренных законом, могло бы вызывать постоянные сомнения в представителях ведомства и скорее привести к результатам, обратным тем, которых в данном случае имеется в виду достигнуть.

Между тем очевидно, что от губернатора всецело зависит привлекать по вопросам местного характера, но общего значения лиц всяких ведомств. Будет ли в данном случае это привлечение выражаться в периодически правильно созываемых совещаниях или же совещаниях, призываемых к работе для каждого данного вопроса, по существу не имеет особенного значения. Очевидным представляется лишь необходимость совместного во главе с губернатором труда представителей ведомств, притом, конечно, не только духовного и учебного, но и других. Напротив, предложенные в среде совещаний советы в составе лишь трех лиц могли бы во многом неблагоприятно отразиться на инте-

ресах управления и оказаться слишком замкнутыми учреждениями, стесняющими свободу действий самих же участников.

Руководствуясь всеми изложенными суждениями, совещание признало необходимым вменить в обязанность губернаторам постоянное изучение всех вопросов, связанных с мусульманскими делами, пользуясь для вящшего успеха и всестороннего освещения местных явлений сотрудничеством лиц всех ведомств и поставляя о результатах поместных трудов в известность центральное правительство.

В связи со сказанным совещание не могло не остановиться на тех способах, коими на будущее время высшее правительство могло бы быть осведомляемо как о ходе культурно-просветительной работы на местах, так и о политических течениях, проявляющихся в инородческих массах. В этом отношении нельзя не признать, что вопросы, вытекающие из взаимоотношения целого государства к отдельным его частям, заселенным той или иной инородческой группой (в данном случае мусульманской), представляются столь разнообразными и сложными, что они требуют постоянного изучения и соображения специально призванного для сего органа, подобно настоящему совещанию, который мог бы, в зависимости от возникновения общих и частных вопросов, пользоваться сотрудничеством разных лиц; притом совещание высказалось за желательность периодического, ежегодного созыва при министерстве внутренних дел представителей различных ведомств как центрального управления, так и из местностей с мусульманским населением.

Б. Установлением предположенной внешней связи правительственных органов на местах между собою и с высшим правительством, по мнению совещания, не разрешается однако вопрос о систематическом наблюдении за всеми проявлениями мусульманской жизни, наблюдении, необходимом для плодотворности намеченных совещанием в государственных интересах мероприятий.

Одним из важнейших факторов современной жизни является печать. В мусульманском мире она приобрела за последнее время громадное влияние.

Между тем для правительственных сфер мусульманская печать, по причинам языка, представляется малоизвестной. Поэтому эволюция общественного мнения, создаваемого печатью, прошла почти незамеченной государственной властью.

На будущее время, по убеждению совещания, необходимо гарантировать постоянное, систематическое и широкое изучение мусульманского мира путем наблюдения за его прессой. Она имеет свои совершенно своеобразные течения, и незнание их может чрезвычайно не-

благоприятно отражаться на интересах государства и на деятельности правительства.

Обсуждая способы для осуществления признанного необходимым изучения мусульманства, совещание остановилось на предположении об учреждении при одном из центральных учреждений министерства внутренних дел периодического печатного органа, который отражал бы все проявления мусульманской печати как внутренней, так и заграничной. Цель такого органа должна была бы заключаться в обзоре мусульманской печати, в помещении сведений о поместных явлениях среди исповедников ислама, для того, чтобы облегчить ознакомление с магометанским миром и его понимание не только правительственными органами, но и общественными силами.

Независимо от наблюдения за периодическою мусульманскою печатью совещание полагало необходимым ближайшую осведомленность правительства и с некоторыми другими проявлениями жизни, в которых наиболее характерным образом отражается особенность мусульманского мира.

К числу таковых проявлений относятся предоставленная законом мусульманскому духовенству юрисдикция в области гражданских правоотношений мусульман и обязательность применения в данной области общими судебными местами по некоторым делам постановлений мусульманского права — шариата.

По этому поводу совещание не могло не обратить внимания на то, что правительство не располагает переводом шариата на русский язык, в виду чего оно не только лишено возможности проконтролировать решения мусульманских духовных судей, но даже местные власти, при применении правил шариата, принуждены основывать свои суждения на толкованиях недостаточно компетентных или недобросовестных, часто случайных переводчиков.

Поэтому совещание признало желательным составление и издание перевода на русский язык сборника мусульманского права по предметам, входящим в круг ведомства мусульманского духовенства и подлежащим в общих судебных местах разрешению на основании этого права.

В. Исключительно благоприятные условия для развития татарско-мусульманского влияния в инородческой среде Поволжья и Сибири создаются особым положением, занимаемым в мусульманском мире высшим магометанским духовным учреждением — Оренбургским магометанским духовным собранием, заведующим духовными делами мусульман почти всей Европейской (за исключением Кавказа и Крыма) и Азиатской (за исключением Туркестана) России.

Как выяснилось из происшедшего в совещании обмена мнений, духовное собрание, прикрываясь своим официальным положением государственного учреждения и принадлежащими ему по закону правами, сыграло значительную роль в создании и поощрении противогосударственного движения в мусульманской среде.

Пользуясь принадлежащим ему по закону правом производства экзаменов на звание муллы, собрание производит эти экзамены по совершенно произвольной программе, неизвестной правительству, и притом исключительно на татарском языке.

Это последнее обстоятельство, затрудняя получение мусульманами не татарского происхождения духовного звания, заставляет инородцев приглашать к себе мулл из татар и таким образом всецело подчиняет их татарскому влиянию.

Признав при таких условиях совершенно необходимым изыскать ближайшие меры для противодействия влиянию духовного собрания на указанной почве, совещание высказалось за целесообразность установления строго определенной, надлежаще утвержденной и объявленной во всеобщее сведение программы для производства испытания на звание муллы.

Выработку такой программы, очевидно, представлялось бы наиболее правильным поручить самому Оренбургскому собранию с тем однако, чтобы она была представлена на утверждение министра внутренних дел.

При этом совещание полагало целесообразным, в виде общего правила, постановить, что экзамены должны происходить обязательно на родном языке испытуемых.

Далее совещание не могло не обратить внимания на то неудобство, которое сопряжено для испытуемых с их поездками в Уфу, город, столь отдаленный для многих местностей, обитаемых мусульманами, лежащий эксцентрично и не являющийся каким-либо естественным центром. Поэтому совещание признало правильным допустить образование, по соглашению Оренбургского духовного собрания с местными губернаторами, особых испытательных комиссий в губерниях с значительным числом магометанского населения.

Обращаясь собственно к названному духовному собранию, совещание не могло не отметить, что оно, охватывая своим управлением, как сказано, почти всю Россию, представляет из себя искусственно созданный центр мусульманства, центр, способствующий татаризации других инородческих племен, исповедующих ислам и не принадлежащих к татарскому племени. Кроме того, названное духовное собрание, объемля в своем управлении громадную территорию, не может входить в рассмотрение действительных нужд мусульман отдельных

местностей. Вызывая значительные неудобства для мусульманского духовенства, принужденного, помимо испытаний на звание муллы, приезжать в Уфу и для других духовных дел, местонахождение собрания в этом городе дает возможность собранию оказывать влияние в избранном им направлении почти на все мусульманское духовенство России.

Ввиду этого совещание признало необходимым уменьшить территориальную компетенцию Оренбургского духовного собрания, распределив подведомственную ему территорию между несколькими соответственными учреждениями, расположенными в местах наибольшего сосредоточения мусульманского населения.

Ввиду всех изложенных выше суждений и соображений, совещание полагало:

1. Существующим в Приволжских губерниях со смешанным мусульманско-инородческим населением организациям, преследующим цели духовно-просветительные и миссионерские (напр., братство св. Гурия в Казани), предоставить денежную поддержку.

2. Существующее ныне на миссионерском отделении Казанской духовной академии число кафедр восточных языков пополнить учреждением кафедр местных инородческих наречий, для приобретения учащимися практических знаний этих наречий.

3. Поступление на означенное отделение (п. 2), кроме лиц, пользующихся этим правом, на основании действующих правил, предоставить лицам как окончившим духовные семинарии и по 2-му разряду, так равно и общеобразовательные средние учебные заведения по поверочному испытанию, установленному для студентов семинарий.

4. Окончившим названную академию по указанному отделению лицам (п.п. 2 и 3) предоставить преимущественное право на занятие в местностях с инородческим населением, кроме должностей священнослужителей и миссионеров, должностей преподавателей инородческих языков и богословских предметов в духовных семинариях епархий с мусульманским населением, а также, по приобретении ими педагогического опыта в должностях по учебному ведомству, и инспекторов народных училищ.

5. Существующим Казанским миссионерским курсам, как обслуживающим религиозно-нравственные нужды Приволжского края, назначить пособие для устройства соответственного помещения и обеспечения достаточного содержания.

6. Постановить, что в духовных семинариях епархий с мусульманским населением должно быть обращено серьезное внимание на изучение местных инородческих языков, придав преподаванию тако-

вых, наравне с прочими главными предметами, обязательный характер.

7. В целях предоставления православным средств для духовного противодействия исламу:

а) ввести на уроках закона божия в церковно-учительских школах в местностях с мусульманским населением ознакомление с началами мусульманской религии с освещением и обличением их в духе христианских мира и любви;

б) составить и издать краткий очерк истории мусульманства и обличительного катехизиса мусульманского учения с назначением премий за лучшие сочинения.

8. Для культурно-религиозного воздействия путем печати на инородческое население предоставить возможность издания при Казанской духовной академии народного религиозно-просветительного органа в духе православной церкви, с назначением на эту цель пособия в размере 3 200 рублей.

9. Установить для восточных епархий с мусульманским, а равно переселенческим населением, чтобы викарные епископы имели пребывание в местах, наиболее густо населенных мусульманами и переселенцами.

10. В видах поддержания и усиления культурно-религиозного труда в местностях с мусульманским населением:

а) устроить (с надлежащим пособием православному духовенству, а, с разрешения епархиальных властей, и светским лицам) для взрослых и детей внешкольные собеседования и чтения на религиозные темы в духе учения православной церкви;

б) учредить при школах библиотеки и читальни;

в) улучшить материальное положение православного сельского духовенства в инородческих местностях с назначением ему определенного и достаточного содержания.

11. Устранить из конфессиональных мусульманских школ (мектебе и медрессе) предметы преподавания общего характера, в том числе и русский язык, ограничив программу преподавания в означенных школах исключительно предметами, относящимися к изучению мусульманского вероучения, подчинив их в отношении соблюдения этого требования общему учебному надзору.

Примечание. Употребление в конфессиональных мусульманских школах (мектебе и медрессе) изданных за границею, а равно рукописных учебников не допускается. Правительственные органы, на которых возлагается наблюдение за означенными школами, имеют наблюдать за исполнением мусульманским духовенством означенного правила.

12. Установить, что преподавание религиозных предметов в мусульманских конфессиональных учебных заведениях, а равно и в частных учебных заведениях, открываемых для мусульман, должно происходить на основании утвержденной правительством программы.

Примечание. Означенная программа вырабатывается, при участии авторитетных представителей мусульманского духовенства, по министерству внутренних дел.

13. Предоставить всем мусульманским учебным заведениям, в программах коих имеются общеобразовательные предметы, преобразоваться в течение определенного установленного срока в училища по общим правилам о частных учебных заведениях, с подчинением их учебному надзору на общих основаниях.

14. Увеличить в местностях с мусульманским населением число инспекторов народных училищ, а равно и средств, отпускаемых на их содержание и разъезды.

15. Установить, что в местностях с мусульманским населением на должности инспекторов народных училищ назначаются преимущественно лица, знающие местные языки.

16. Учредить при управлениях учебных округов с мусульманским населением особые должности окружных инспекторов, с предоставлением этих должностей лицам, знающим местные наречия.

17. Установить в местностях с мусульманским населением прибавки к содержанию за знание местных языков лицам педагогического персонала, заведующим надзором за инородческими школами, а именно инспекторам народных училищ и окружным инспекторам.

18. Содействовать, ради обеспечения начального образования инородцев, земским и городским общественным управлениям в открытии начальных инородческих школ нормального, установленного действующими правилами, типа, с отпуском этим управлениям, в потребных случаях, пособия из кредита на всеобщее обучение.

19. Сохранить крещено-татарскую школу в г. Казани на существующих основаниях с учреждением при ней попечительного совета из представителей духовного, административного и учебного ведомств.

20. Учредить подобные означенной (п. 19) школы в ведении православного духовного ведомства в местностях с преобладающим мусульманским населением (перечень таких местностей при сем прилагается), с отпуском на эти школы особых пособий.

21. Сохранить существующие в гг. Симферополе и Казани татарские учительские школы, до времени, без изменения.

22. Ввести в учительских семинариях губерний с мусульманским населением преподавание местных инородческих языков в качестве

обязательного предмета и на основаниях, обеспечивающих практическое усвоение языков учащимися.

23. Допустить в существующие и вновь открываемые в местностях с мусульманским населением учительские семинарии магометан всех народностей с обеспечением преподавания им мусульманского вероучения.

24. Увеличить для подготовки учителей для инородческих начальных училищ число существующих учительских семинарий и церковно-учительских школ, с открытием их в местностях, преимущественно населенных мусульманами (перечень таковых местностей при сем прилагается).

25. Организовать при учебных заведениях, в коих ведется преподавание инородческих языков, практические курсы означенных языков для посторонних лиц в связи с изучением ими быта подлежащих инородцев.

26. Дополнить курс восточного факультета С.-Петербургского университета кафедрами, предназначенными для изучения наречий, литературы, истории и этнографии тюркско-татарских и иранских племен, населяющих русские области, а равно прилегающие к нашим границам государства.

27. Образовать в Казани, как одном из центров мусульманства, восточное отделение при филологическом факультете университета для изучения восточных языков, истории и быта восточных народов, населяющих как Россию, так и прилегающие к ней государства, и исповедующих ислам.

28. Предоставить губернаторам в губерниях с мусульманским населением всеми доступными для них средствами и способами озаботиться объединением представителей ведомств на местах в интересах возможно широкой и точной осведомленности и в целях изыскания мероприятий, направленных к борьбе культурно-просветительными средствами с проникающими в мусульманские массы идеями, противными началам русской государственности.

29. Созывать ежегодно, в интересах осведомленности высшего правительства о ходе просветительно-культурной работы в губерниях с мусульманским населением, а равно ради изыскания средств для вящшего успеха этой работы, при министерстве внутренних дел особое совещание из представителей ведомств центрального и местного управления.

30. Приступить к изданию, в целях наблюдения за мусульманскою печатью и ознакомления с нею заинтересованных лиц и учреждений, особого периодического осведомительного органа, который отра-

жал бы направление всей мусульманской внутренней и заграничной прессы.

31. Издать на русском языке для содействия действительному надзору и контролю со стороны правительственных властей над деятельностью мусульманского духовенства в предоставленной ему законом области гражданской юрисдикции сборник мусульманского права (шариата) по предметам, входящим в круг ведения мусульманского духовенства.

32. Установить, что производящиеся в силу ст. 1424 устава духовных дел иностранных исповеданий при Оренбургском магометанском духовном собрании испытания на звание муллы должны происходить на родном языке испытуемых по точно определенной, выработанной означенным собранием и утвержденной министерством внутренних дел программе.

33. Установить, что для производства предусмотренных ст. 1424 устава духовных дел иностранных исповеданий испытаний мулл, проживающих вне Уфимской губернии, Оренбургским магометанским духовным собранием должны быть образуемы в местностях, населенных преимущественно мусульманами, по соглашению с подлежащими губернаторами, особые временные испытательные комиссии.

34. Признать, что территориальная компетенция Оренбургского духовного собрания по своей обширности и местонахождению этого собрания (г. Уфа) не соответствует, ввиду чрезмерной централизации духовной власти и сосредоточения ее в руках одной народности (татар), ни государственным интересам, ни интересам отдельных народностей, исповедующих ислам, и ввиду этого предоставить министерству внутренних дел войти в соображение о переустройстве духовного управления мусульман на началах его децентрализации.

«Союз 17 октября» в 1906 г.

Окончание [1]).

Стенографический отчет заседания 29 января 1906 г. общего собрания петербургских членов «Союза 17 октября».

Бар. К о р ф. Милостивые государи, в качестве председателя Центрального Комитета нашего «Союза», объявляю заседание открытым. Не угодно ли приступить к выбору председателя нынешнего собрания?

Г о л о с а: Просим бар. Корфа.

П р е д с е д а т е л ь. Господа, вот уже два года, как мы находимся в ужасном положении: наше отечество давно не переживало того, что́ переживает теперь — страшная смута XVII века не превышает своими ужасами то́, что происходит теперь. Позорнейшая война, которая когда-либо падала на Русь, неслыханные внутренние беспорядки, умышленное разорение страны — все это выступило теперь над нами, как грозный рок, и это еще не миновало: мятежники не сдали окончательно своего оружия. Положение нашего отечества в высшей степени тяжелое! Наш государь в такую тяжелую минуту последовал примеру своих знаменитых предков и обратился к совету земли. Но, обратившись к совету земли, он применил к этому все требования нынешнего века: он созвал совет земли не на один раз, не спорадически, он установил постоянное представительство и делает все это на основании требований века. Мы получили для улучшения нашего государственного управления такое учреждение, которое культурное человечество выработало, как наилучшее для современного государственного строя. Мы его получим сразу и надеемся, что благодаря этому учреждению мы спасем Россию от беды. Государь с своей стороны сделал то, что́ делают все великие государи: не имея возможности справиться с делом одним приказным строем, он дополняет этот строй выборным и требует от нас преданности и искренности.

---

[1]) См. «Красный архив», т. IV (35), стр. 151—175.

Государь не ошибся. Он, конечно, встретит в России верных и преданных ему слуг. Теперь, господа, в конце января 1906 года, мы близко подходим к тому моменту, когда должны исполнить волю государя — должны приступить к выборам. Выборы начнутся, по всей вероятности, в половине февраля. Итак, нужно думать, что в половине февраля повсеместно начнутся выборы выборщиков. Не далее, как вчера, из газет было видно, что правительство считает нужным поторопить местные учреждения в составлении избирательных списков. Теперь нужно молить бога и желать, чтобы все было сделано в порядке. Господа, необходимо следить за тем, чтобы избирательные списки были сохранены в целости и исправности, потому что разрушители и мятежники, для которых Государственная Дума является чрезвычайно нежелательным учреждением, сделают все, чтобы уничтожить списки и, одним словом, уничтожить все касающееся этого учреждения; поэтому я предостерегаю — будьте осторожны, сохраняйте списки, чтобы они не были разорваны, будьте внимательны и осторожны к этому делу!

Я надеюсь, что «Союз 17 октября» занял среднюю позицию между всеми русскими политическими партиями. Это видно из деятельности наших провинциальных отделений, из всех сведений, которые мы получаем из провинции; это видно из нашего первого многочисленного собрания. Мы заняли среднюю позицию, и, надеюсь, мы отвечаем общественному мнению России. В наш «Союз» входят не только высшее, но среднее и низшее сословия. В наш «Союз» уже вступила и вступает масса народа, в том числе много рабочих и крестьян, так как законным путем простой труженик скорее получит обеспечение своих интересов, нежели будет следовать наветам мятежников. При удачности выборов, нам предстоит необходимость оказывать снисхождение нашим единомышленникам по программе. Основные положения нашей программы, которую мы выдвигаем, таковы: мы стоим за конституционную наследственную монархию; есть люди, которые хотят поставить монархию под вопрос; мы в этом отношении вопроса не допускаем и считаем незыблемым нашим строем монархический строй (а п л о д и с м е н т ы). Затем мы хотим передать нашим детям целую Россию, как мы сами ее получили; мы хотим, чтобы она была цела и неделима (а п л о д и с м е н т ы). Никаких автономий действительных и скрытых! (А п л о д и с м е н т ы.) Господа, мы будем бороться с противниками, с теми, которые спорят с нашими принципами, мы будем бороться, не уступая ни одного шага, мы объявляем нашим врагам борьбу беспощадную, врагам, которые хотят разрушить Россию насилиями; с такими врагами борьба будет вестись, не стесняясь никакими средствами.

На нашем здании *) написано: «Союз 17 октября». Название это напоминает о величайшем законодательном акте, который когда-либо объявлялся в России с тех пор, как Россия существует. Мы принимаем его с восторгом и будем настаивать на исполнении манифеста для всех, будем настаивать на исполнении его, не поддаваясь ни вправо, ни влево. Только при полной законности возможно обновление будущего управления России. Если под личиной манифеста будет скрываться что-либо другое, если мы будем уклоняться от правильного исполнения его вправо или влево, то Россия погибнет. Итак, позвольте просить вас принять во внимание, что наша партия ставит себе задачу общего объединения, с целью принимать все меры для поддержки счастья России, так как выше всего наша партия ставит славу и величие России (аплодисменты).

Теперь позвольте перейти к злобе дня. В декабре месяце, 4-го декабря, мы созвали первое в Петербурге общее собрание, на котором было заявлено об избирательном законе. На общем собрании был выяснен порядок нашей службы *), и после того, как был утвержден устав нашего «Союза», был выбран Центральный Комитет, который должен функционировать до Московского всероссийского съезда партии 17 октября, предполагаемого быть созванным 8 февраля. На этом съезде будет поставлен вопрос о переизбрании администрации «Союза» — т. е. двух Комитетов — Московского и Петербургского. Всероссийский съезд партии 17 октября представляет из себя власть всего «Союза». Таково положение дела. Нам казалось, что было бы наиболее целесообразным право переизбрания членов Центрального Комитета предоставить Московскому всероссийскому съезду, но в виду того, что мы не имеем по этому поводу ответа петербургского общего собрания, мы просим высказаться — быть может, собрание находит нужным и возможным произвести выборы Центрального Комитета сегодня? Решение этого вопроса зависит от собрания.

П. Е. Рейнбот [1]). Милостивые государи и государыни, Центральный Комитет возбуждает серьезный вопрос: не следует ли заменить нынешний состав Комитета другими лицами? Мне кажется, этот вопрос разрешается уставом «Союза 17 октября», в § 14-м которого сказано следующее: «Центральные Комитеты «Союза» имеются в обеих столицах; они составляются из лиц, выбранных первоначальными организаторами «Союза» или подлежащими общими собраниями». Таким образом, уставом предусматриваются два способа избрания Центрального Комитета: или первоначальными учредителями, или общими собраниями. Я полагаю, что эти слова: «или общими собра-

*) Так в подлиннике.

ниями» были поставлены на тот случай, если число организаторов в самом начале образования «Союза» было или недостаточно или в числе организаторов, возбудивших самую идею «Союза», не нашлось людей достаточно энергичных, людей, которые захотели бы взять на себя обязанности Центрального Комитета. Но если этого не было, если учредительное собрание избрало первоначальный Комитет, то, мне кажется, второй вопрос — о праве общих собраний переизбирать этот Центральный Комитет — отпадает. Я говорю это с точки зрения формальной, юридической, но позволю себе также посмотреть с другой стороны на этот вопрос, с точки зрения практической, с точки зрения членов «Союза 17 октября», к числу которых я имею честь принадлежать, и с точки зрения уездных комитетов. Время ли теперь менять состав Центрального Комитета? Я полагаю, что нет. (Г о л о с а: нет.) И вот почему. Можно смело утверждать, что, вступая в ту или другую партию, где нет таких резких различий, как между партиями крайней правой и крайней левой, очень многие руководствуются следующим: кто стоит во главе этой партии? Такой взгляд разделяется не отдельными частными лицами, но даже учреждениями, например, уездными комитетами. Второй вопрос — сегодня у нас 29 января; время ли за 10 дней до Московского всероссийского съезда партии 17 октября переизбирать всех членов нашего Центрального Комитета? Полагаю, что нет. По возбужденному господином председателем вопросу я позволю себе высказать мнение, что Центральный Комитет не подлежит переизбранию: во-первых, в силу устава и, во-вторых, — если бы общее собрание с этим не согласилось, — в силу того, что это было бы несвоевременно делать накануне всероссийского съезда. Общему собранию подлежит продолжить уполномочия, данные Центральному Комитету, до Московского всероссийского съезда (а п л о д и с м е н т ы).

П р е д с е д а т е л ь. Я должен знать мнение собрания: угодно приступить к выборам членов Центрального Комитета или нет? (Г о л о с а: нет). Те, кто желает приступить к выборам, потрудитесь поднять руку. — Итак, собрание решает к выборам не приступать. Собрание уполномачивает Центральный Комитет работать и продолжать свою службу до Московского съезда (а п л о д и с м е н т ы).

Теперь предстоит весьма важное сообщение, которое доложит Ю. Н. Милютин, о деятельности Центрального Комитета.

Ю. Н. М и л ю т и н. Милостивые государи и милостивые государыни, Центральный Комитет возложил на меня лестную обязанность сделать краткий очерк деятельности Комитета за время, протекшее от последнего нашего общего собрания, т. е. от 4 декабря. Все вы, вероятно, помните, при каких обстоятельствах собрание это состоялось. Это было время, когда, с одной стороны, были только что опублико-

ваны во всеобщее сведение слова, сказанные государем императором в ответ депутации, прибывшей из Москвы, слова, в которых еще раз твердо и бесповоротно было повторено решение его величества изменить законы в известном вам смысле. С другой стороны, это было до вооруженного восстания в Москве. Вот при каких обстоятельствах мы тогда собрались. На этом собрании были поставлены две резолюции. Так как на этом собрании было гораздо менее народа, чем теперь, и хотя резолюции его были напечатаны в газетах, я все-таки позволю себе прочесть их собранию. Первая резолюция — послать государю императору телеграмму такого содержания: (ч и т а е т) [2]). Поручение это было исполнено Комитетом в тот же день. Вторая резолюция была следующего содержания: (ч и т а е т) [3]). Вот относительно исполнения этой последней резолюции произошли кое-какие обстоятельства, на которых я позволю себе остановить ваше внимание. Раньше, чем Центральный Комитет, имевший в эти дни много неотложных дел, мог привести в исполнение поручение собрания, и в течение той самой недели, когда состоялось постановление общего собрания, со стороны правительства последовало такое мероприятие, которое поставило Комитет в большое затруднение. Именно, 10 декабря петербургский градоначальник запретил своей властью всякие собрания [4]). Запрещение это поразило нас всех, как громом. С одной стороны, мы были лишены возможности созвать общее собрание, каковое предполагалось на 18 декабря, через две недели после первого. Центральный Комитет придавал большое значение тому обстоятельству, чтобы члены «Союза» могли как можно чаще встречаться, в видах объединения и взаимодействия, и вдруг, совершенно неожиданно является помеха. Предполагалось устраивать участковые собрания в различных участках города, и все это сразу было прекращено. Предполагалась также усиленная пропаганда между всеми классами населения и устройство собраний во всех слоях общества. Все это было невозможно выполнить. В таком положении очутился не один «Союз», но все партии, которые впервые в русской истории стали прибегать к общественной деятельности во имя идеи порядка и законности. До сих пор пропаганда исходила только от отрицательных партий, а созидательные партии этого права прежде были лишены, и только за последнюю неделю началась деятельность этих партий, которая шла довольно успешно, и вдруг, сразу, все было прекращено, и это могучее оружие выпало у нас из рук. Каково было практическое значение этого факта всем понятно, но, помимо практического, он имел политическое значение. Это было, несомненно, яркое возвращение к прежней эпохе, и этим запрещением, напечатанным в виде простого объявления градоначальника, отменялся не только манифест, который касался

свободы собраний и прочих свобод, но отменялся положительный закон, который, при всех своих недостатках, удовлетворял живую, назревшую потребность общества и разрешал собираться, устраивать собрания явочным порядком, не требуя формального разрешения [5]). Правда, этот закон имел много недостатков, но все-таки основное дело он делал. И вот этот закон, изданный со всеми формальностями, необходимыми для издания закона, отменяется по распоряжению градоначальника, причем самая отмена его основывается на известных статьях положения об усиленной охране, которое вышло 25 лет тому назад, когда нельзя было предусмотреть ни манифеста 17 октября, ни Государственной Думы. Самое объявление было издано с неточными ссылками на закон.

Затруднение Центрального Комитета заключалось в следующем: для него было ясно, что общее собрание, если бы могло предвидеть такое запрещение, никогда бы не постановило своей резолюции. Нельзя было говорить о готовности содействовать правительству в твердом проведении в жизнь положений манифеста 17 октября, когда эти начала попирались. Однако не исполнить постановления общего собрания Комитет не считал себя вправе, и вот для него получается щекотливая дилемма.

Мы вышли из этого положения таким образом: председателю Комитета Министров гр. Витте было отправлено письмо, подписанное бар. Корфом, следующего содержания: (ч и т а е т) [6]). На письмо это гр. Витте ответил следующим кратким письмом на имя председателя Центрального Комитета: (ч и т а е т) [7]). Письмо это, как видите, чрезвычайно любезное, но оно совершенно умалчивает относительно главного — запрещения собраний; по поводу этого запрещения не говорится ни одного слова. Таким образом, Центральный Комитет остался в том же затруднительном положении. У нас возникали разные предположения, как из этого выйти. Одно время Комитет пришел, было, к решению обратиться к верховной власти с петицией и с жалобой на распоряжение градоначальника. Эта петиция была составлена, была совершенно уже готова, и предполагалось ее подать дежурному флигель-адъютанту, однако это осталось не выполненным. После совещания с московскими коллегами мы обратили внимание на весьма веское возражение некоторых членов Комитета против такого шага. С одной стороны, с формальной стороны, выходило — как будто неудобно обращаться к верховной власти с жалобой на распоряжение низшего распорядительного правительственного агента; с другой стороны, исход такого шага вызывал сомнение — он мог весьма легко остаться без всяких последствий, а если бы и оказались последствия, то эти последствия могли бы только ослабить положение

министерства; между тем ничто решительно не позволяло думать, что перемена министерства была бы к лучшему. Тем временем, пока мы занимались этим вопросом, со стороны некоторых правительственных лиц, которым стало известно наше намерение, были сделаны шаги к установлению с нами сношений. Это было и для нас выходом из затруднения. В результате Центральный Комитет получил приглашение от председателя Совета Министров пожаловать к нему, и 28 декабря Центральный Комитет в полном составе был принят гр. Витте. Вы читали, конечно, в газетах краткий отчет об этой беседе [8]). Беседа длилась более часа. Конечно, повторять подробности этой беседы здесь не место и не время. Обращу внимание ваше только на три пункта, — хотя действительно существенных было только два,— но я не могу не коснуться и третьего пункта, в виду того, что в печати о нем говорилось различно. Гр. Витте на наше заявление о необходимости отменить распоряжение градоначальника о запрещении собраний высказывал разные аргументы, по которым считал это распоряжение правильным. Он ссылался на разные причины, например, на то, что он отвечает за безопасность главы государства и проч. На замечание одного из нас, что есть опасность с другой стороны, есть опасность, что правительство совершенно утратит то доверие, которое ему оказало общество, когда общество увидит, что оно следует по пятам бюрократического режима прежнего времени, гр. Витте сказал, что было время, когда он заботился о доверии, когда он искал доверия, но тогда ему не было оно оказано, а теперь он уже об этом не заботится, теперь у него одна цель — спасти Россию, «и я ее спасу; как это сделать, я знаю». В сущности, большее впечатление произвело на нас другое выражение гр. Витте, а именно, в ответ на высказанные опасения, как бы не обнаружилось со стороны правительства стремление взять назад те обещания, которые даны манифестом, Витте отвечал, что этого опасаться нечего: — «клянусь вам, что воля государя в этом отношении непреклонна, и ничто не будет в силах остановить ее» (аплодисменты). По существу, на просьбу, с которой мы пришли к нему, чтобы было отменено распоряжение градоначальника о запрещении собраний, гр. Витте обещал, или почти обещал, высказав свое мнение, что около 15 января запрещение это будет снято. С этим нам пришлось примириться. Когда до обращения к гр. Витте мы имели в виду предположение об обращении к верховной власти, и возник по этому поводу обмен мнений с Московским Комитетом, выяснилась желательность совместного с ним обсуждения политического положения. Мы решили обратиться к московским коллегам с просьбой устроить соединенное заседание. В то же время в одной из петербургских газет появились какие-то безъимянные интервью с

гр. Витте, по которым ему приписывалось мнение, что никакой перемены в образе русской государственной жизни не произошло, что все осталось попрежнему. Это сообщение вызвало большую тревогу во всей России, — в Петербурге, может быть, менее, чем в других местах; в Петербурге мы лично могли оценить маловероятность этого интервью, но члены московского «Союза» были не на шутку встревожены. И в то время, когда мы выразили желательность устройства общих совещаний, они пожелали с своей стороны снестись с нами по поводу этих слухов. И вот 8 января состоялось соединенное собрание Московского и Петербургского Комитета, под председательством Д. Н. Шипова. Обсуждению подверглось прежде всего политическое положение, и, после весьма долго продолжавшегося обмена мнений, соединенный Комитет пришел к единогласному постановлению, которое было изложено письменно и в свое время сообщено во все газеты. Не знаю, господа, не затруднит ли вас чтение настоящего постановления и, может быть, вы находите излишним напоминать об этом, так как это было напечатано во всех газетах? (Г о л о с а: просим прочитать). (Ч и т а е т) [9]). Однако наше соединенное заседание не ограничилось рассмотрением только этого вопроса, ему предстояло рассмотреть и другие политические злобы дня, ему предстояло высказаться для самих себя: как оно относится к настоящему министерству, должно ли оно это министерство поддержать всеми своими силами или должно относиться к нему как-либо иначе — должно восстать против этого министерства? Вопрос этот был очень щекотлив. Сомнения не было и тогда, что политика министерства далеко не отвечает нашим надеждам, нашим желаниям, что начала манифеста 17 октября проводятся в жизнь недостаточно, но, с другой стороны, представлялся более чем важный вопрос — выиграет ли дело от перемены личного состава министерства? Центральные Комитеты пришли к убеждению, что всякая перемена в настоящую минуту в министерстве была бы к худшему, почему постановили принять к руководству стремление и впредь поддерживать министерство, но только в той мере, в какой оно действительно будет преследовать намеченные цели и не будет слишком далеко уклоняться в сторону. Комитеты постановили стараться влиять на министерство в том смысле, чтобы направить его на путь выполнения начал манифеста 17 октября. Мы исходили из того убеждения, что общественное мнение имеет громадное значение: если министерство будет знать, что вся страна ревниво следит за исполнением обещанных благ, то оно не посмеет наложить на это обещание свою руку, каковы бы *) скрытые пружины ни действовали в его со-

*) Так в подлиннике.

ставе или среди его подчиненных. Помимо этих вопросов, совместное заседание Петербургского и Московского Комитетов должно было обсудить много вопросов чисто организационного и тактического свойства. За последнее время «Союз» развился чрезвычайно; провинциальные организации его размножились сильно. Признано было необходимым созвать в Москве общий съезд всех представителей «Союза 17 октября» и представителей всех партий, которые причислили себя к его составу. Съезд этот назначен на 8 февраля, т. е. на среду масляной недели. На этот съезд приглашаются от одного до пяти делегатов всех существующих организаций «Союза». Конечно, организации есть разной величины — большие и мелкие, но Комитет решил не делать в этом отношении различий и постановил, что каждая имеет право прислать на съезд до 5 своих представителей. Пригласить большее количество представителей было бы неудобно, потому что тогда собрание было бы слишком многолюдно. Центральные Комитеты войдут в состав съезда целиком.

Когда мы возвратились из Москвы в Петербург, то нам пришлось ждать еще около недели того срока, когда было обещано гр. Витте разрешение собраний. Но Петербургский Центральный Комитет решил уже не выступать самостоятельно с такого рода ходатайством, а предоставил это дело Соединенному комитету конституционно-монархических партий [10]). Об этом комитете я имел честь докладывать в общем собрании 4 декабря; в нескольких словах я позволю себе сказать о нем сейчас то, что считаю необходимым. Еще в ноябре месяце собрались, по созыву нашему, представители нескольких партий, о которых нам стало известно отчасти случайно, отчасти потому, что о них все знали. Собрались представители таких партий, которые преследовали цели, близкие нашим, и которые не подвергали вопросам ни понятие о монархии, ни понятие о конституции. Собравшись, представители эти пришли к решению устроить комитет, который должен собираться периодически. В этот комитет должны входить представители от каждой из вошедших в соглашение партий, а таких партий насчитывается шесть. Действительно, с конца ноября, этот Соединенный комитет собирается еженедельно для того, чтобы обмениваться мнениями по поводу текущих политических событий, а также, отчасти, чтобы объединять деятельность отдельных партий, отчасти же для выработки некоторых общих практических мер. Я позволю себе в кратких чертах указать, какие партии вошли в этот комитет. Кроме нашей партии, в эту союзную организацию вошли «Партия правового порядка», «Прогрессивно-экономическая партия», «Всероссийский торгово-промышленный союз», «Демократический союз конституционалистов», который не следует смешивать с «Конституционно-демокра-

тической партией», и «Союз мирного обновления». Партии — весьма разнообразные по своему составу, в общем же они признают те основания, те начала, которые признаем и мы. Из них «Прогрессивно-экономическая партия» и «Торгово-промышленный союз» не могут быть названы чисто политическими партиями; это скорее профессиональные союзы, преследующие политические цели, совершенно сходные с нашими. Если сличить программу этих партий с нашей программой, то разница получится небольшая. У них вы найдете стремление к профессиональным целям, к профессиональному пониманию целей государства, но, в общем, они придерживаются такой же политики, как и мы. «Демократический союз конституционалистов» — это очень интересная, хотя, может быть, не очень многочисленная партия. Она состоит из демократов-идеалистов, из людей, искренно преданных демократической идее народного блага. Они находят его в историческом развитии России, в развитии закономерного порядка, а не в каких-либо переворотах. Этот союз обращается преимущественно к низшим классам населения, распространяя среди них идеи, которые мы не можем не признать нормальными, здоровыми и делающими много добра. «Союз мирного обновления» — это нечто вроде профессионального союза людей, объединенных умственными интересами. Партия эта не может считаться организованной, так как, благодаря запрещению собраний, она не могла до сих пор созвать своих учредителей в полном составе. Что касается «Партии правового порядка», то она очень многочисленна: она образовалась еще до манифеста 17 октября, и этот факт отозвался на ее программе. Если вы будете сличать политическую программу нашего «Союза» с программой «Партии правового порядка», то увидите большую разницу в изложении именно потому, что программа этой партии издана еще до 17 октября. Это — обстоятельство, которое необходимо иметь в виду, судя о программе «Партии правового порядка». Но по существу различия в наших программах нет, и если есть такие разноречия, то только в самых второстепенных вопросах. Со всеми этими партиями мы имеем возможность действовать вполне согласно, и хотя в нашем Соединенном комитете возникают довольно горячие прения, но, в общем, господствует полное духовное единение, взаимная помощь и поддержка. Мы неоднократно помогали друг другу, иногда оказывали поддержку отдельным партиям в их практических мероприятиях по устройству чайных, столовых и проч. Не подлежит сомнению, что все мы думаем выйти на выборы с одним общим избирательным списком. По крайней мере, по Петербургу это наверное так будет и, вероятно, так же будет и в других городах.

Итак, этому Соединенному комитету наш Центральный Комитет передал дальнейшую заботу о том, чтобы добиться свободы собраний. Т. е., когда я говорю — передал, это не значит, что формально передал, но Соединенный комитет стал заботиться об этом одновременно с нашим Комитетом, по инициативе некоторых членов нашего «Союза». Конечно, в Соединенном комитете решать вопросы гораздо труднее, чем в одном нашем Комитете, потому что, по существу дела, для решения вопроса требуется полное единогласие; если одна партия не примкнет к общему решению, то решения еще не будет или оно не будет иметь авторитета, так что приходится очень долго обсуждать и выяснять вопросы, пока не достигнется единогласное решение. В Соединенном комитете также возник проект обращения к правительству и, в конце концов, когда прошел назначенный гр. Витте срок, мы обратились к министру внутренних дел с самой краткой запиской. В ней было сказано следующее: (ч и т а е т) [11]). Для подачи этого краткого заявления была выбрана депутация из трех лиц: представителя «Прогрессивно-экономической партии», представителя «Партии правового порядка» и третьего лица — вашего покорнейшего слуги. Мы явились к министру внутренних дел, и первыми его словами было: «нет, этого допустить я не могу». Но после нескольких минут разговора он обещал исполнить наше желание, и, действительно, через два-три дня запрещение градоначальника было отменено. Я позволил себе остановиться на этих подробностях в виду того, что это объясняет, почему мы сегодня здесь собрались, и, главным образом, доказывает, что наше желание оградить свободы от всяких посягательств и влиять на правительство осуществляется всего лучше не в резкой форме натиска, а в виде более мягкого, но настойчивого давления. Итак мы получили несколько обещаний, и цель, в конце концов, была достигнута. В правительственных сферах было много голосов, которые выражали желание продолжить это запрещение еще на долгое время. Как бы то ни было, но в настоящее время мы здесь собрались. Я извиняюсь, что я так долго остановился на разъяснении этих предварительных соображений.

Теперь *) позволю себе перейти к некоторым, может быть, более скучным, но более деловым сторонам деятельности нашего Комитета. Во-первых, к издательской деятельности. Мы издаем большое количество листков и брошюр, рассчитывая на их широкое распространение. Некоторые из них имеют характер личный, частный, например,— воззвания, изданные нашим Комитетом в количестве полумиллиона

*) В подлиннике от слов: «Теперь позволю...» до слова: «деятельности» вычеркнуто карандашом.

экземпляров. Некоторые издания имеют характер полемики с другими партиями, например, воззвание не поддаваться стачкам, революционному движению и проч. Они печатались сначала в небольшом количестве экземпляров, но, в общем, имели большой успех. Многие брошюры пришлось переиздавать вторым и третьим изданиями. Большинство изданий имеют характер популяризации конституционных начал. Самый наибольший успех имел по своему популярному изложению листок «О Государственной Думе». Автор этого издания, которого я не имею права назвать, может похвастаться, что ни один русский писатель не получил для своего произведения в такой короткий срок столь широкого распространения, как он. Петербургский Комитет издал его брошюру в количестве 1 108 000 экземпляров, Московский Комитет переиздал его брошюру несколько раз, некоторые провинциальные также. Правительствующий синод переиздал в числе 2 000 000 экз. и разослал при «Церковных ведомостях», в некоторых военных округах эта брошюра была переиздана для войск. Во всяком случае нужно считать, что она разошлась в 4 млн., а, может быть, в 5 млн. экземпляров, и это с ноября месяца. Другое издание — «Беседа о свободе и неприкосновенности личности» — было издано в немного меньшем количестве, чем $^1/_2$ миллиона экземпляров. Это издание вышло позже и, естественно, не имеет еще такого распространения. Третье издание — «О стачках и забастовках», вышедшее всего месяц тому назад, распространилось пока в еще меньшем количестве, около 200 000 экземпляров, но все эти издания получили большое распространение. Другие наши издания также перепечатывались некоторыми местными и Московским комитетами. Местные комитеты, с своей стороны, печатают очень много всевозможных изданий. Вот господа, все, что касается издательской деятельности. В Петербурге, в общем, у нас разошлось 3 млн. экземпляров изданий. Петербургский Центральный Комитет просит заявить, что все наши издания имеются в продаже здесь по 1 коп., в одной из боковых зал. Большее количество экземпляров всегда можно получить в помещении канцелярии, где мы продаем по заготовительной цене. Конечно *), все это требует затрат. Но издательская деятельность, не единственная наша деятельность. Помимо того, что мы издаем для публики, есть масса циркуляров, писем, повесток, для которых необходимо содержание целой канцелярии, хотя бы, например, для составления избирательных списков. Все это требует расходов. Денежного отчета я представлять здесь не буду. Эта часть деятельности Центрального Комитета меня

*) В подлиннике от слова: «Конечно...» до слов: «требует расходов» вычеркнуто карандашом.

не касается, и вообще денежные расчеты политической партии не представляются общему собранию, а отдельному выбранному комитету или ревизионной комиссии. Такая комиссия будет избрана Московским съездом, и она просмотрит все наши отчеты. Здесь же позволю себе сказать: хотя мы еще не ощущали недостатка в средствах, но средства нужны все бóльшие и бóльшие, и я надеюсь, что усилению нашей кассы поможет и сегодняшнее собрание.

Затем позволю себе остановиться на некоторых других сторонах деятельности «Союза». Во-первых, на провинциальных отделениях. Сказать вам точно, сколько у нас имеется провинциальных отделений, в настоящую минуту невозможно. Во всяком случае, их более ста, т. е. таких, о которых я имею точные сведения. Провинциальные отделения возникают сами собой, как грибы после дождя, мы узнаем об их возникновении через некоторое время, иногда даже случайно. Происходит это оттого, что одни отделения уведомляют о своем возникновении Московский Комитет, другие — Петербургский. Многие учредительные комитеты прямо приступают к делу и делают дело прекрасно. Почти во всех городах Европейской России имеются отделения, — кажется, только в 5 или 6 городах их нет, — например, в Архангельске и на других окраинах. Такие комитеты имеются и вне Европейской России; они имеются даже в Сибири, — например, в Томске и других городах. Представитель Томского комитета находится здесь и, может быть, сообщит нам о своем отделении. Есть отделения также в Закавказье и Польше. Нам известно, что устраивается отделение комитета даже в Иркутске. Кроме губернских отделений имеются еще отделения в маленьких городках, иногда даже в бóльших селах. Все количество существующих отделений выяснится более точно на Московском съезде. Здесь же позволю себе сказать, что многие отделения издают периодические газеты; например, в Баку издается газета «Якорь», в Самаре «Самарский голос», в Двинске «Двинский листок», в Казани «Газета обновления» и так во многих других городах множество разных изданий. Помимо местных отделений в провинции, у нас есть отделения, которые отличаются от нас не только географическими признаками, и даже вовсе не географическими, а другими признаками своего состава. Даже в Петербурге образовалась немецкая группа «Союза 17 октября», которая принимает всю нашу программу и только свое внутреннее делопроизводство ведет на немецком языке. Она имеет свой комитет и присылает двух делегатов в наш Центральный Комитет. Один из них, вероятно, пожелает дать сведения об этой группе. Последнее время у нас стали появляться другого рода отделения — например, Р а б о ч е й партии.

После первого общего собрания у нас образовалось бюро пропаганды, взявшее на себя добровольно обязанности распространять нашу программу посредством живого слова. Если бы не запрещение собраний, то пропаганда имела бы большой успех. Но вообще не скажу, чтобы это дело пошло сразу легко. К сожалению, рабочие и другие низшие слои населения несколько испуганно и недоверчиво относятся к пропаганде. Они до сих пор имели дело либо с организациями чисто революционными, либо с такими, которые под видом хороших целей преследовали цели полицейские; например, общеизвестные организации, как зубатовская, гапоновская и проч.; все эти организации вселили в среду народа большое недоверие, и нашей пропаганде стоило большого труда превозмочь это недоверие. В настоящее время я могу сказать, что это предубеждение в большей мере побеждено; это нужно отнести к усердию и тактике тех лиц, которые работали в этом направлении. К сожалению, один молодой человек, который ведет все это дело, кн. А. В. Оболенский [12]), отсутствует здесь и не может сообщить нам подробности о своей работе; он отсутствует потому, что находится в общем собрании Рабочей партии 17 октября на окраине города (аплодисменты).

Теперь я подхожу к такому моменту нашей деятельности, который с каждым днем начинает становиться более важным, к вопросу о выборах. Ведение дела выборов будет, конечно, в зависимости от деятельности наших провинциальных организаций. Конечно, не имеет смысла давать указания нашим провинциальным организациям относительно тех лиц, которые должны быть выставляемы кандидатами, но я должен заметить, что эти организации имеют очень мало сведений относительно приема выборов, борьбы и проч. В Петербурге то же самое. Выборы у нас происходят по участкам. Приближающееся время выборов выдвигает на первую очередь вопрос об участковых отделениях нашего «Союза». В Москве это дело более подвинуто вперед, чем у нас, потому что Москва всегда отличалась большей отзывчивостью к таким вопросам. Наконец, в Москве собрания были разрешены в декабре месяце, а у нас только на-днях. Позволю себе в двух словах выяснить, как обставлено это дело в Москве. Центральный Комитет созывает в разных участках города собрания; для сего намечает лиц в каждом участке, которые могли бы оказать помощь; при помощи этих лиц устраиваются собрания. Эти лица, большею частью, выбираются в участковые комитеты; каждый комитет слагается из председателя, товарища председателя, казначея и секретаря. Все эти лица, во всех 17 участках города Москвы, собираются в один Городской совет, который служит общей инстанцией в Москве для

дела выборов. Этот совет выбрал из своей среды Исполнительный Комитет, состоящий из 15 лиц под председательством А. И. Гучкова, который ведет все дело. В Петербурге, благодаря запрещению собраний, мы не могли прибегнуть к устройству такой организации, но теперь мы точно так же наметили по участкам некоторых лиц, которые своей деятельностью могли бы способствовать устройству участковых комитетов. Некоторые из таких комитетов уже функционируют, некоторые еще образуются, но, во всяком случае, теперь дело пойдет гораздо быстрее. Я еще раз обращаюсь к вам и прошу обратить ваше внимание, как это важно; в этом направлении должны быть сосредоточены все наши усилия. На выборы мы должны будем пойти не одни, а также и те партии, о которых я уже говорил, т. е. которые приближаются к нам по своим основным принципам; они будут признаны нами в качестве наших союзников. Соглашению с этими партиями будет способствовать Соединенный комитет, но главная наша деятельность должна быть сосредоточена в участковых комитетах. В некоторых участках совместная деятельность идет уже во-всю, в некоторых же отдаленных участковых комитетах ее почти что нет, и там как будто наша партия сливается с другими.

Кроме союзников, у нас есть еще противники, но об этих противниках вам будут говорить другие лица. Я позволю себе указать, что противники у нас есть как с левой, так и с правой. В настоящее время самыми сильными противниками с левой являются конституционалисты-демократы, потому что они организованы уже давно, к организации уже привыкли, имеют большие денежные средства и, кроме того, еще не очень брезгают средствами для достижения своих целей. В настоящее время они кажутся самыми опасными противниками. Нельзя не указать однако, что с правой стороны происходит то же движение: правая партия группируется, и, может быть, через месяц и с этой стороны опасность для нас будет не меньшая. Таким образом нам нужно вести бой на два фронта — и налево и направо. Я не берусь сказать, чем это кончится, но я полон надежд на нашу победу. Мне невольно вспоминаются те ноябрьские дни, когда в одной из маленьких зал этого собрания собирались мы в количестве полутора десятка людей и вырабатывали программу 17 октября. В конце ноября, когда дело дошло до подписания устава Петербургского «Союза», нас собралось человек 30. Это первое наше учредительное собрание выбрало Комитет, который теперь сидит перед вами. С тех пор прошло два месяца и семь дней. Сегодня самый большой зал в Петербурге едва вмещает в себя всех желающих в него проникнуть. В то же время мы знаем, что в других городах Европейской России собираются такие же

собрания или даже более многочисленные. Одно это уже позволяет верить в успех нашего дела (а п л о д и с м е н т ы). Но есть и некоторые другие указания на нашу силу. Яростные нападки на нас со стороны левой и правой говорят также в нашу пользу. Левая партия, так называемые «кадеты», нападают на нас с большой силой, а правая партия нападает гораздо злее на нас, чем на революционеров, потому что опасность чуется им от нас, а не от тех. С другой стороны, мы можем похвастаться, что мы оказываем влияние не только на своих, но и на чужие силы. Возьмите, например, программы кадетов, программу их первую и вторую; вы увидите, что позднейшая программа стала более похожа на нашу. Их обвиняют в некотором подлаживании к нашей партии; в этом виновата некоторая обманная тактика, стремление привлечения большого количества членов в свою партию. Пусть так, но, привлекая к себе таким способом избирателей, они тем самым привлекают людей, которые потянут их в нашу сторону. Возьмите, с другой стороны, влияние наше на правых, главным образом, на правительство. Я не сомневаюсь, что выразителем истинного, русского, общественного мнения является «Союз 17 октября». Я еще раз настаиваю: желательно, чтобы наш голос раздавался тогда, когда это нужно, чтобы он побуждал правительство и общество к деятельности в желательном нам смысле, чтобы он не давал возможности бюрократическому направлению безбоязненно одерживать верх. Будущее, конечно, темно, и, что дадут выборы, мы не знаем, но мы должны верить в успех нашего дела.

Итак, позволю себе, господа, пожелать вам успешного производства выборов и просить вас об усиленной деятельности в этом направлении. Конечно, прежде чем начнутся выборы, вы привлечете к нашему «Союзу» еще немало сочленов, а пока простите меня за слишком долгое злоупотребление вашим временем (а п л о д и с м е н т ы).

Бар. М е й е н д о р ф [13]). Милостивые государи и милостивые государыни! Я говорю от имени немецкой группы, присоединившейся без самостоятельной программы к «Союзу 17 октября» (а п л о д и с м е н т ы). Вы имеете право спросить меня, что́ это за немцы? Эти немцы русские подданные, люди разных общественных профессий, разных положений, которые в значительном количестве присоединились к «Союзу 17 октября». Эти люди труда и порядка, следовательно, враги произвола и бесплодной критики, эти люди, которые значительную долю своей жизни провели за границей и хорошо знают заграничные порядки. Многие из них жили за границей не в качестве туристов, но в качестве работников в разных областях европейского мира; они

знают, что счастье народов зависит не от большинства верхней и нижней палаты, что счастье народа решается не осколками бомб, но это счастье основано на твердом уповании в терпение и труд, при условиях внешнего мира и внутреннего согласия (аплодисменты). Это знание, господа, может быть, помешало русским немцам вибрировать вместе с русским обществом в теперешнюю эпоху освободительного процесса. Многие из русских немцев перебродили, когда бродил Запад, и многим пришлось быть как будто безучастными и недовольными теперешним процессом, но это делает опыт. Все это внушает нам убеждение, что гражданское совершеннолетие России наступило. Тесная связь с Россией заставляет желать нас видеть Россию не бедной, не поруганной, не окровавленной, мы желаем ее видеть богатой, сильной, справедливой, христианской державой (аплодисменты). Поэтому, господа, мы решили присоединиться к той партии, которая, быть может, в настоящее время не вполне еще объединяет собою весь цвет *) русской интеллигенции, но в которой, нам чуется, есть то государственное чутье, то чувство меры, которое может выработать людей, людей твердых, людей приспособленных, людей закаленных, не людей только слова и суждения, но таких людей, которые при теперешних огромных опасностях (а желтая опасность идет с Востока, ибо, конечно, Китай растет и наводнит Россию своим дешевым трудом) найдут для России выход и не допустят ее гибели. Кроме того, опасность грозит со стороны 25 000 000 русских магометан, которые под влиянием идеи Магомета идут неизвестно куда. Итак нам нужны люди, которые, соединив свободу в действия **), могли бы призвать все разнородные племена, населяющие Россию, к объединению, для удовлетворения всех различных интересов разнообразных народов. Мы надеемся, что в «Союзе 17 октября» найдутся люди с таким характером, которых наши слабые голоса поддержат; мы надеемся, что Россия будет счастлива на утешение своего монарха и населяющих ее народностей (аплодисменты).

Председатель. На будущее время я прошу гг. ораторов придерживаться установленного нами правила — говорить не более 10 минут. Ю. Н. Милютин говорил более, потому что на него возложена Центральным Комитетом обязанность сделать доклад о деятельности Комитета. Следующих ораторов прошу строго придерживаться установленного правила говорить 10 минут.

---

*) В подлиннике «свет».
**) Так в подлиннике.

Столыпин [14]). Милостивые государи и милостивые государыни! Нашим «Союзом» были посланы разным лицам избирательные опросные листки с просьбой сообщить о согласии примкнуть к нашей партии. В числе многих сочувствующих ответов были, конечно, и отрицательные; были и такие, господа, анонимы, которые дали простор грубым побуждениям, выразившимся в непечатной брани. Но среди этих отрицательных ответов я невольно остановился на одном, где была не брань и не неприличные выражения, но был молитвенный возглас: «Спаси, господи, твое великое стадо от сих хищных волков!» Чем более я думаю над этим ответом, тем более для меня становится ясным взаимное непонимание между нами и другими партиями. Этот возглас настолько искренен, что, мне кажется, руку, писавшую его, двигала не простая недоброжелательность, а страх за судьбу близких, кровных, если бы судьба их была вверена нам. По образованию и умственному кругозору представителей, участвующих в «Союзе», для меня нет сомнения, что, сплотившись во имя свободы, равноправия и других идеалов, к которым так долго стремилось все образованное общество, у нас не было никаких других побуждений, кроме страстной потребности утверждения этих идеалов. Такого сомнения не было ни у меня, ни у вас, но оно могло и должно было существовать у других, именно у тех, которые всегда шли с нами по разным дорогам, причем наша дорога была средняя, удобная, менее торная, а им приходилось работать по очень тернистому и тяжелому пути. Теперь нам предстоит встретиться у общей цели, к которой мы шли такими разными путями. Нам предстоит встретиться и обменяться взглядами путем правдивых ответов на многие подозрительные вопросы с нашими будущими спутниками. Они будут указывать на свои усталые, грубые руки и говорить о тех страданиях, которые дают им право на утешение, на лучшую жизнь, право на более достойную долю, на более привлекательные условия существования, хотя бы в ущерб нашему благополучию. В ответ на это мы будем указывать на испытываемые нами страдания, причем мы должны указывать, что это лишь нравственные страдания, те муки сердца, которые бывают достоянием чуткого духа. Нам могут ответить, что это только слова. Теперь, пока мы еще не сошлись у общей цели, пока эта цель роковым образом отодвигается от наших нетерпеливых стремлений, есть еще время запастись таким оружием, чтобы создать то единство земли, которым мы, в ответ на установившийся годами враждебный отрицательный взгляд, докажем, что не мы — те хищные волки, от которых молят бога избавить великое народное стадо, но что, напротив, неусыпными заботами мы стремимся уберечь это стадо от хищников, и в известной мере уже уберегли. Я думаю, к очевидным и безошибочным признакам хищничества не должно

относить то свойство человека, по которому он от природы возмущается проявлениями хищничества. Хищный зверь, несомненно, кровожаден, а человек на высоте своего нравственного развития прежде всего правдив. Таким образом, мы видим, что лишь в борьбе с кровопролитиями всякого рода и при неуклонном служении правде мы можем ознаменовать себя теми признаками, которые отличают часть общества, стремящегося к заботам о благе народа, от общества, уклоняющегося от лучших стремлений. Наша программа отрицает всякий насильственный путь для достижения свободы, мы заранее указали, как нам чужды и отвратительны кровопролития, хотя бы оправданные защитой наших прав. Это послужило чертой, отмежевывающей нас от революционных партий. Как это ни кажется невероятным, но был момент, в который проявился настолько сильный упадок общественного сознания перед победным шествием революции, что потребовалась некоторая доля мужества для провозглашения коренного нашего несогласия с насильственными действиями революционной партии. Это мужество мы проявили. Но чтобы оно не было истолковано, как трусливое себялюбие, против которого готовится разрушение и которому угрожает гибель, мы должны с большей внимательностью ограждать себя не только от тех, кто по печальному долгу службы принужден тушить пожары восстания, не только от тех, которые продолжают проливать кровь, заглушив сознание ответственности перед государством, побуждаемые местью или охотничьей страстью, но и от тех, которым все это было наруку, от тех, которые не могут с должной силой негодовать, потому что радость о возвращении спокойствия, об обеспечении жизни, о спасении имущества пересиливает у них сознание ужасов. Я даже считаю излишним упоминание о таких партиях, как, например, «Союз землевладельцев» или «Союз русских людей», откровенно вербующих своих членов, громко зовущих людей назад, к невозвратному прошлому, которые свободно угнетают других и пользуются правом этого гнета, не прикрывая своих вожделений; все это свидетельствует о полном отсутствии их нравственного развития, о дикости их духовного строя и о близорукости их идеалов. Все, чего они могут достигнуть, это привлечение к себе известного количества членов, так же, как и их братья анархисты. По мере успеха той или другой партии насилия, эти неудачные члены могут переходить в тот или другой лагерь и участвовать во временной победе, достигнутой грубой силой. Пройдемте мимо этой накипи смутного времени, не уделяя ей много внимания, которого она не заслуживает. Гораздо важнее для нас те слои общества, которые сочувствуют принципам нашей программы и которые под влиянием трагичности событий могут в этих принципах поколебаться. Между тем твердые принципы

познаются ими тогда, когда они подвергаются испытанию, когда дорога их приходит в столкновение с революционерами и ненормальным ходом событий... *). Я согласен с тем, что старый режим потерпел крушение, но бывает время, когда всякое крушение должно рассматриваться как окончательное. После происшедшего крушения потери вознаграждаются воссозданием новой жизни, после этого уже нельзя будет возвратиться к старым пережиткам. Между тем, все-таки, раздаются голоса, оправдывающие суждения правительства, делаются шаги примирения с теми основаниями, которые были безвозвратно осуждены. В этом я вижу опасность и против этого спорить не буду. Но как правительство могло действовать иначе, когда безумные мятежники не сумели воспользоваться дарованными политическими благами, как зрелые граждане, когда они священные дары смешали с кровью? Конечно, правительство не могло иначе поступить! Но винить его следует в том, что оно приступило к действиям слишком поздно, уже после того, как начались бешеные приступы революции... (н е с л ы ш н о).

К р а с о в с к и й [15]). Милостивые государи и милостивые государыни! Я не стану вас обременять изложением коренных положений, которые составляют догматы нашей партии и которыми наша партия отличается или межуется с соседними. Все это очень трудно в таком большом собрании, все это требует много времени и серьезного внимания. Те, кто этим интересуется, кто хочет разобраться в том, где начинаются возражения одной партии и где кончаются возражения другой, а также, в чем заключается разница одной партии от другой, пусть возьмут программы, которым несть числа, и сличат их, здесь же это невозможно. Следовательно, я не претендую на то, чтобы заниматься этим вопросом. Я хочу указать, что среди лиц, записавшихся в наш «Союз», значительная часть которых, вероятно, присутствует в настоящем зале, далеко не все освоились с теми взглядами, которые защищает «Союз»; многие из них, бегло, наскоро, прочитав наши воззвания, не могут представить себе, чем отличается программа нашего «Союза» от программы других партий. Здесь было указано Ю. Н. Милютиным, что наш «Союз» занимает центральную позицию, что он отличается значительно от правой и левой партий. Какие ограничения его с правой стороны, было достаточно точно указано: правая партия стоит за старый порядок, за возврат к старине. Но гораздо труднее нам отграничиться слева — конечно, не от анархистов, не от социал-демократов, отрицающих существование всего строя и установившейся жизни и предполагающих внести господство тех элементов, которые

*) В подлиннике далее пропуск.

не могут господствовать и не подготовлены к этому, но гораздо труднее нам отмежеваться от тех лиц, которые говорят: мы за законность, за конституцию, мы всецело с вами, а между тем, как Комитет наш, так и «Союз» всецело против них. В чем же дело? Есть два способа исполнять выработанную программу: истинный способ и искусственный, т. е. способ, как средство, как тактика. В таком положении мы находимся по отношению к нашим близким родственникам — «кадетам». Они в настоящее время стали монархистами, но тут же говорят, что они за монархию стоят не потому, что они видят спасение в конституции, а потому, что русский народ — непреклонный монархист. Такого рода монархисты не послужат укреплению и спасению монархии, они не дадут устойчивости этой идее, потому что они смотрят на этот институт, как на большой этап. Такие защитники нам не нужны, и я должен прибавить: упаси нас, господи, от таких друзей, а с врагами мы сами справимся. Затем эти господа говорят: мы полагаем, что принцип собственности должен быть, но мы, и в особенности те из нас, которые присутствовали на московском съезде представителей земских и городских деятелей, не можем забыть того великодушного протягивания рук социалистам, которое не мирится с указанием согласия нашей программы *). Нельзя быть социалистом и стоять за принцип сохранения частной собственности. Мы говорим: мы стоим за необходимость твердой монархической власти, так как Россия есть страна разнообразных условий, не имеющая твердо сложившихся границ, страна еще не культурная и требующая мощной государственной власти, для того, чтобы масса населяющих Россию племен и народов, не имеющих за собою политического прошлого, слилась в один могучий народ и дала то, что́ мы видим за границей, в Северо-Американских Штатах, населенных тысячами разнородных племен и объединенных и воодушевленных идеей преданности своему отечеству. Нам нужно единение, а не разделение, не расчленение России.

Мы не можем забыть, что эти же наши ближайшие соседи весьма охотно принимали на московском съезде такого рода предложение, которое под секретом называлось автономией, — обещание почти полного расчленения России. Наконец, нам стало ясно из ближайших отношений с левой то, что так называемое благо народа понимается ими неправильно: под этим понимается право конституционалистов-демократов быть управителями страны. Мы понимаем это шире. Независимо от интересов тех или других партий, существуют еще особые интересы, которые руководят всем русским населением, есть особые

*) Так в подлиннике.

принципы, основания которых должны быть дороже господства какой-либо партии. Мне кажется, благо народа заключается в стремлении к справедливости, к труду и любви к порядку. Вот чем мы отличаемся от ближайших наших соседей, вот почему это отличие в политическом отношении будет гораздо труднее провести между нами и конституционалистами-демократами, чем между нами и крайними партиями. Крайние партии мы жалеем, как заблуждающихся, а «кадетов» мы боимся и не только в интересах нашей партии, но в интересах будущего счастья нашей родины.

Чистяков [16]). Милостивые государи! Со времени 17 октября прошло три с небольшим месяца, а кажется нам, что мы пережили целые года: слишком много мы видели, много испытали в этот период времени. Радость, с которой мы приветствовали манифест 17 октября, уже прошла. Без всякого оживления, без всякого интереса идут приготовления к выборам, и едва ли возможна избирательная борьба там, где является кровь, где не прекращается смута. А к выборам нужно готовиться, время не ждет. Под влиянием тех событий, которые совершаются теперь, мы видим, что недовольство растет: левая партия снова становится сильной и привлекает к себе много убежденных приверженцев. Господа, больше мужества! Нельзя распускать себя, нельзя менять свои убеждения под влиянием событий, нужно итти определенной дорогой. Если мы будем сворачивать то вправо, то влево с намеченного пути, то потеряем только время и заблудимся. Необходимо внимательно присмотреться к общественным течениям и выбрать из них то, которое более всего соответствует интересам родины. Было время, когда партии плодились, как грибы, но время это прошло, прошло увлечение программами, и теперь может только новичок попасться на эту удочку. Дело не в программе, это каждый из нас понимает. Нам нужна не реклама, а важно то, что кроется за этой рекламой. Кроется за ней сущность партии, и все зависит от того, какой общественный элемент составляет ядро партии, какая среда людей интересуется партией, как они относятся к родине, чего они от нее хотят. В этом отношении общественные течения уже обозначились у нас давно. Таких основных течений у нас два: государственное — которое полагает своим благом государственный строй, и космополитическое — которое стремится создать общественное счастье во всем мире. Представители последнего направления находят, что благу человечества более всего мешает в России старый режим, и они вступили в борьбу с ним. Эта борьба захватила их, и они сильно пострадали; они так глубоко ушли в эту борьбу, что она составляет главное условие их деятельности. Вспомним эти полтора тяжелые года, начавшиеся японской войной. Разве вы не были свидетелями того, что масса просвещенных людей в России радовалась

разгрому наших войск? Они говорили: отлично, лишний сильный удар, лишнее наше поражение расшатывает старый режим. Страна теряла свои силы, родина вздрагивала от ударов, а они радовались: пусть гибнет честь — это ничего, лишь бы ослабить существующий строй, существующий режим нашего врага, с которым мы боремся и будем бороться до конца. Они ускорили это. Нет страны, которая, двигаясь вперед, могла бы быть счастливой, если народ забыл свою родину и борется только за власть. Если такие государства, как Англия, Германия и Соединенные Штаты могучи и сильны, то только благодаря беспредельной преданности народа своему государству. Если японцы победили нас, то только благодаря исключительной преданности и любви их к родине. А разве можно любить родину и радоваться ее позору? Нет, эти люди под влиянием борьбы со старым режимом стали фанатиками, и России ждать от них нечего. То же самое продолжалось и после, когда правительство пошло на уступки: началась пропаганда о всеобщем, прямом, равном и тайном избирательном праве — знаменитой четыреххвостке избирательного права. Каждый из нас понимает, что это избирательное право, эта тайная, прямая подача голосов— одни лишь красивые слова, за которыми скрывается нечто другое — возможность путем усиленной агитации набрать среди некультурного населения голоса с тем, чтобы захватить депутатские места. При двухстепенной выборной системе этого сделать невозможно. Если партия будет иметь власть в руках, то назвать себя учредительным собранием ей не трудно и провозгласить какой угодно режим.

Вот, стремясь к этому, это течение обнаружило полное незнакомство с интересами родины; для него все средства оказались хороши; появилось сочувствие со стороны этих партий к автономии окраин. Но что же матушку Россию жалеть? Пусть она обращается в лоскутки! Необходимо проводить идеи самоопределения всех племен, населяющих Россию.

Началось разжигание национальностей. Говорят о свободе, а пропагандируют национализм, забыли, что он есть синоним вражды, а не свободы. Нам нужна государственность, нам нужно, чтобы все граждане соединились вокруг одного стяга, нам нужно, чтобы все слилось воедино; не место развивать национализм, никому от этого добра не будет. Вспомним, например, Австрию, до чего она дошла в этом отношении? Там этот вопрос обострился до крайности! Спросим себя, к чему привела политика крайнего национализма, к которой руссофилы стремились? Она нисколько не укрепила государства. Нет, господа, национальная вражда — это есть слабость страны. Если Германия и другие государства

сильны, то потому, что там тесно связаны отдельные племена. Мы весьма хорошо знаем, что́ приводит к ослаблению государства: возьмите Персию, Турцию, Китай. Не дай бог нам дожить до этого позора!

Итак, направление этого общественного течения и его ядро совершенно определились. Направление это, несомненно, антигосударственное. Забывая истинные, современные, политические условия существования государств всего мира, люди желают делать над Россией всевозможные теоретические опыты и эксперименты, но опытам должно подвергать то, что возможно, а делать опыт над 150 млн. людей, это безумно и жестоко. Этот вопрос, определяющий известное течение общественной группы, вызвал среди нее усиленный раскол: нашлись люди, у которых хватило мужества протестовать. Они ушли и образовали другую группу, противоположного направления. Это группа — «Союз 17 октября». Этот «Союз» отделяется не для того, чтобы выработать свою программу, но в силу того, что он разнится от левой всем своим складом. Совершенно неправильное понимание, что мы ставим своей задачей во что бы то ни стало защищать наш «Союз». «Союз» желает защищать государство, «Союз» желает, чтобы наша родина крепла и процветала, как одно целое, на основании одинаковых общесправедливых законов для всех, а не как набор посторонних, чужих племен, не связанных между собою прочным союзом, не понимающих идеи единства государства. Это государственное положение нужно объяснять и толковать всем нашим избирателям, нужно дать понять, какую смуту переживает сейчас страна и какая опасность грозит ей, если это направление не восторжествует.

Да, господа, тяжелое время мы переживаем! Но я обращаюсь к вам и говорю: сплотитесь, употребите все силы на это и помните наш девиз: свобода и государственность! Этот девиз необходим для жизни нашей родины. Вперед! За благо нашей родины, за ее силы и будущность! (Аплодисменты.)

Пиленко [17]). Меня просили сказать несколько слов о политике гр. Витте за последние три месяца. У вас, вероятно, возникнет вопрос, отчего я буду говорить о политике гр. Витте и почему я буду на нее нападать, потому что я буду на нее нападать.

Гр. Витте, как известно, это — большой политик, великий политик, это человек, который известен во всех культурных государствах на земном шаре, главным образом среди банкиров, конечно. Гр. Витте — один из тех китов, на которых стоит Россия, а я, ваш покорнейший слуга, просто так — партикулярный человек, ничем специально не занимающийся и вдруг... буду нападать на этого слона! Я усердно прошу не думать, что это буду делать для того, чтобы на

мне оправдалось глубокомысленное изречение Спинозы *), который сказал: «Ай, Моська, знать, она сильна, что лает на слона». Я думаю, что Центральный Комитет, поручив мне эту задачу, руководствовался более правильной мыслью: он хотел взять рядового человека, который ничего общего не имеет с гр. Витте, которому нечего делать с ним; он хотел, чтобы этот рядовой человек выразил здесь не свои мысли, а мысли, которые вас воодушевляют, чтобы он сформулировал эти мысли в слова, не в слова Пиленко, а в слова человека, который бросает вызов гр. Витте.

Три с половиною месяца тому назад история сказала гр. Витте: «Вперед, ибо назад тебе дороги нет!» С тех пор прошло три с половиною месяца — это ровно 100 дней от опубликования манифеста до сегодняшнего дня. Я вам скажу, что можно сделать во 100 дней.

Первого марта 1815 года Наполеон высадился на южном берегу Франции, у него в то время было столько свиты и администрации, что она поместилась на семи маленьких шлюпках. Он пошел на север, и ровно 18 марта он входил в Париж. 23 апреля была опубликована конституция, в которой было объявлено о четырех свободах, а 30 апреля эта конституция была предложена на плебисцит всего французского народа и была им принята. 11 июля были открыты обе палаты, которые начали сейчас же функционировать, а 18 июля Наполеон потерял свою корону. Но в это время он успел создать двухсоттысячное войско с артиллерией! Вот что можно создать во 100 дней, если иметь много ума и энергии! Если бы наш Наполеон высадился 8 октября в Севастопольской бухте, то теперь он был бы не дальше как в Симферополе, и все думал, на какой стул ему сесть? (А п л о д и с м е н т ы.) Я, господа, покажу вам, что́ наш Наполеон сделал за 100 дней. Он 100 дней тому назад выдал маленький вексель русскому народу, напоминание о котором было бы ему очень неприятно, если бы он здесь присутствовал. Вы помните эту бумагу, которую вечером 17 октября мы все рвали из рук газетчиков? Она называется манифестом и всеподданнейшим докладом государю, который написал на нем: «Принять к руководству». Вы, может быть, забыли, и гр. Витте забыл, что написано в нем, так я вам прочитаю: (ч и т а е т). Закон о свободе печати, действительно, издан, но в настоящее время 150 редакторов уже посажены в тюрьму. Я знаю, что со мною будут спорить и скажут, что когда человека призывают в определенное... **), то нельзя его не посадить в тюрьму. Но существует формальное указание закона: «передача всех дел, преступлений...» (ч и т а е т). Этого у нас не сделано.

---

*) Так в подлиннике.

**) В подлиннике пропуск.

Что касается свободы собраний, то почтеннейший Ю. Н. Милютин об этом уже докладывал.

О законе личной неприкосновенности я знаю только то, что в Дмитровском уезде все врачи посажены в тюрьму, а тех, которым нехватает места в тюрьме, посылают проехаться в места не столь отдаленные. До сих пор правительство не заявляло, что оно приступило к осуществлению этого закона, следовательно, ничего этого не исполнено.

Второй пункт манифеста гласит так: (ч и т а е т). Этого не сделано. 3-й пункт говорит: (ч и т а е т). Я утверждаю, что до тех пор, пока существует усиленная чрезвычайная охрана, правительство не в состоянии не вмешиваться... (Ш у м.) Затем 4-й пункт гласит таким образом: весьма важно произвести реформу Государственного Совета на началах... (ч и т а е т). Это даже до сих пор не сделано! В конце этого доклада, как вам известно, была такая приписка, такой моральный принцип, которому гр. Витте собирался следовать: во-первых, он говорит: «прямота и искренность во всех действиях и установление гарантий, данных 17 числа», т. е. гарантий свободы. Что касается гарантий, то я не знаю, какие существуют у нас гарантии? Что касается искренности, то к прямоте и искренности гр. Витте настолько близок, что крайние революционеры его ненавидят, левая партия не особенно ему доверяет, а правая партия его распинает на всех перекрестках. (Ш у м.)

Так как я говорю по поручению и распоряжению Центрального Комитета и г. председателя, то я буду слушаться только председателя и прошу собрание не выражать мне своего одобрения или неодобрения.

Следовательно, в данную минуту нет таких партий, которые доверяли бы гр. Витте вполне искренно. В этом отношении, я думаю, что он следует заветам лорда Брума [18]), который говорит, что великий реформатор не должен останавливаться ни перед порицаниями, ни перед похвалами; он говорит — реформатор не нуждается в похвалах, так как плохой тот реформатор, который придает значение похвалам. Следовательно, он желает этому завету следовать. В этих принципах есть еще указание, — он говорит: я буду стремиться к устранению исключительных законоположений. Практика нам говорит совершенно обратное. В третьем пункте он говорит о согласовании действий всех органов правительства и устранении репрессивных мер против действий, явно не угрожающих обществу и государству. Правда, о введении военного положения в царстве Польском гр. Витте сказал, что это было сделано без его содействия. Наконец, пятый пункт — «противодействие действиям, явно угрожающим обществу и государству, опираясь на закон и в духовном единении с благоразумным большинством общества»... (Ш у м.) Я позволю себе остановиться на этом еще

одну минуту, но есть господа, которые говорят мне: «Довольно»; в таком случае я кончаю. Но мне дана еще одна минута для окончания моей речи. Вы помните, что было до 15 декабря, когда обнаружился привоз в Москву массы оружия, когда обнаружилась страшная резня в Москве? Я спрашиваю вас, почему он, гр. Витте, столь осторожный, допустил эту резню, почему полиция не могла предупредить этих событий? У него была такая мысль: у вас было желание свободы, но вы не сумели ею пользоваться, что̀ показали эти два месяца, полные преступлений. Я должен сказать, что гр. Витте в два месяца установил анархию, чтобы нас испугать.

Мне кажется, господа, это устрашение не должно быть принято нами во внимание. Нет, не революция заставила нас дойти до нашего убеждения, а наш разум; анархией нас не устрашишь! Только нашим разумом, только убеждением мы постигли, что реформы необходимы, и только реформами мы можем спасти Россию. Я призываю вас соединиться под одним общим знаменем: нет спасения для России иначе, как в свободе; она есть средство, которое приведет нас к окончательным, благополучным результатам. Но только тогда, когда мы объединимся все, как один, и один, как все, только тогда мы достигнем свободы, а без нее нет выхода! Каждый из нас должен повторить слова Лермонтова... (ч и т а е т). Только тогда наш «Союз» будет сильным, крепким и могучим! (А п л о д и с м е н т ы.)

П р е д с е д а т е л ь. Я не лишен права голоса и потому должен заметить, что уважаемый товарищ прекрасно выразил то, что он хотел сказать, но позволяю лично от себя сказать, что гр. Витте меня менее занимает, чем Россия. Если он наделал много ошибок и делает их до сих пор, то нужно учесть то мятежное время, которое мы переживаем. Выполнить манифест о переустройстве государственного управления — задача чрезвычайно трудная. Конечно, этого можно было достигнуть в более короткое время, но это удел такой гениальности, которая не всякому дается. Будем надеяться, что гр. Витте до конца доведет дело, и будем до конца защищать законность.

Г р и б о в с к и й [19]). Милостивые государи и милостивые государыни! После блестящих ораторов, которые говорили предо мною, после тех жгучих тем, которые затрагивали самые сокровенные, быть может, стороны нашего сердца, мне трудно будет говорить, потому что предмет моего сообщения не государственно-общественный, а, так сказать, государственно-юридический, предмет до известной степени сухой. Я буду очень признателен присутствующим, если они согласятся с теми умозаключениями, которые я сейчас попытаюсь представить. Несомненно, что наш успех в обществе основан до известной степени на том названии, которое носит наша программа. Противо-

положным партиям необходимо было выработать ту или другую программу, в то время, как программа нашей партии явствует из самого ее названия: «Союз 17 октября». С одной стороны, наша программа ясно находится в непосредственной связи с теми началами, которые выражены в манифесте, но, с другой стороны, у некоторых, может быть, возникнет вопрос: как относится наша партия к этому манифесту? Относится ли она рабски, т. е., основываясь на букве его или основываясь на духе его? Я должен отметить, что мы основываемся не на букве манифеста, а на духе его. В этом отношении недавно, в общем собрании, мы вотировали всеподданнейший адрес, который был направлен монарху от свободного народа, и, касаясь в этом документе вопроса о конституции, мы решили его не по букве закона, а по существу. В дальнейшем, господа, точно так же я полагаю, мы должны этот вопрос толковать не по букве его, а по существу. Если в этом вопросе откроются некоторые пробелы, то мы не должны этим смущаться — мы должны строго стоять на почве конституционных начал, хотя бы в этом манифесте были противоречия и неточности. Если мы обратимся к манифесту, то увидим, что, действительно, здесь есть если не противоречие, то умалчивание, которое было проведено в таких мелочах, что многие не обратили на это внимания. Казалось, что это умалчивание само собою разъясняется и настолько понятно, что о нем не стоит говорить. Я позволю себе не согласиться с этим и позволю себе сказать, что в этом манифесте есть умалчивание, между тем как его не должно быть, так как манифест должен быть тем краеугольным камнем, на котором будет созидаться будущий строй государства Российской империи. В первом пункте манифеста сказано: «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». А где же право петиций, право челобитья, как говорилось у нас в старину? Повидимому, этот пропуск незначителен, но в действительности он очень важен. Все конституции в том или другом виде говорят о праве петиций, о праве обращаться с заявлениями о народных нуждах. Мы знаем, что во всех государствах народ боролся за свободу путем петиций, и отсутствие этого права может очень тяжело отозваться на народном благе. Следовательно, мы говорим, что это есть не противоречие какое-либо в манифесте, в данном случае законодатель вовсе не желал отрицательно отнестись к этому вопросу, но этот вопрос понимается сам собою: мы постоянно обращались с петициями к правительству. Но мы знаем и такой факт: еще недавно, несмотря на существование законодательного положения, законодательного порядка, правительственным распоряжением запрещены как свобода союзов, так и свобода собраний. Нечто подобное может встретиться и в будущем. Вопрос

этот чрезвычайно важный, и я должен заявить, что там, где осуществлены свободы, там существует и право петиций. У нас существовала когда-то комиссия о петициях; по нашему законодательству, дворянству, в известном порядке, а также городским и земским учреждениям предоставлено право обращаться с прошениями о каких-либо нуждах к правительству; затем было предоставлено право обращения к верховной власти с известными заявлениями и разного рода общественными требованиями. Следовательно, при существовании в данном случае этого права, мы могли бы быть спокойными, но, между тем, это право у нас формально не существует. Мы не должны упускать из виду, что в единственном, имеющемся по этому поводу законодательстве говорится следующее (ч и т а е т) [20]). Т. е., право петиций, которое было дано указом 18 февраля, законом 6 августа отменяется. Так что, если, с одной стороны, мы видим в манифесте умалчивание об этом вопросе, и это умалчивание мы растолковываем в свою пользу, то, с другой стороны, мы не можем не принять во внимание, что указом правительства 6 августа это право петиций отменяется, т. е. между указом 18 февраля и указом 6 августа, с другой стороны, является противоречие. Это нас в данном случае не должно смущать, так как фактически мы это право осуществили; мы, так сказать, захватили это право, но это является не настоящим законным правом. Это называется захватным правом, но в этом случае может явиться и та или другая преграда в осуществлении этого права. Мы знаем, например, что свобода печати осуществлена, но это не мешало представителям печати натолкнуться на большие неприятности. Точно так же, имея закон, который говорит о свободе собраний, мы также натолкнулись на некоторую неприятность. Следовательно, мы не можем быть спокойными за будущее, так как, пока мы находимся в согласии с руководящими правительственными сферами, пока они не считают нужным ставить известные преграды, мы получим удовлетворение наших интересов, но мы знаем, что обстоятельства могут измениться, и если не в ближайшем будущем, то в дальнейшем будущем, мы можем натолкнуться на преграды в этом отношении. Между тем, при отсутствии этой основной свободы, положение 17 октября является неполным, и те начала, которым мы служим, которые положены в основание нашего «Союза» и за которые мы готовы жертвовать собою, не вполне проведены в манифесте. Таким образом, в некоторых случаях «волу молотящу» уста могут быть заграждены. Вот, господа, я думаю, что нам нужно вотировать, нужно остановиться на этом вопросе. Поэтому я предлагаю, во-первых, следующее: право петиций, право обращения к верховной власти есть одна из существенных свобод для блага народа; мы и должны поставить ее наравне с остальными четырьмя свободами. Во-вторых, я обращаю внимание

присутствующих, что умолчание манифеста об этой свободе, с одной стороны, и указание запретительного закона 6 августа, с другой стороны, является некоторым недосмотром в редакции манифеста. В-третьих, я бы предложил возбудить ходатайство или указание, по крайней мере, на необходимость петиций в том или другом виде. Необходимо осветить и выяснить это противоречие в законодательных актах, чтобы оно не приводило в смущение народ, как, например, употребляющееся слово «самодержец», чтобы оно не послужило преградой в будущем для достижения гражданской свободы, которую мы все так страстно жаждем (аплодисменты).

А. Я. Брафман. Центральный Комитет, милостивые государи и милостивые государыни, ознакомил вас со своею деятельностью по возможности в области политических идей, в смысле их организации и в смысле направления, направления по тому пути, который указан в манифесте 17 октября. В этом смысле Центральный Комитет оправдывает свое название — Центрального, но далее он не идет, ибо за этой общей направляющей деятельностью остается область практического применения всех идей и начал, положенных в основание «Союза 17 октября», и это практическое применение лежит своей тяжестью всецело на вас, милостивые государи и милостивые государыни. И вот, в настоящую минуту для каждого из вас возникает, и должен возникать, строгий вопрос: куда и как нести свой коллективный ум и свое патриотическое сердце на служение нашей родине? Одним словом, можно было бы ответить на это: к технике простых действий, которыми проявляется человеческая воля. Вот на меня Центральный Комитет возложил обязанность по возможности кратко и схематично указать, в чем заключается наша задача, милостивые государи и милостивые государыни, в предстоящих нам выборах. Если бы можно было графически обозначить всю выборную систему, то я сказал бы, что она изображает собою конус, которого мы являем собою основание, а вершину его будет составлять Государственная Дума. Если действие начнется снизу, то в результате на поверхность государственного законодательного органа вынесутся достойнейшие люди русской земли. Практически это выразится в участковых, местных выборах. По отношению города Петербурга это будет выражено в так называемых местных избирательных участках. Петербург разделен в этом отношении на 12 частей, и каждому из вас, а также каждой из вас, если не непосредственно, то косвенно, придется принимать деятельное участие в выборах, именно, чтобы выборы были такими, как того желаете все вы и наш «Союз». Вам небезызвестно, что по закону город Петербург должен дать только 6 человек в Государственную Думу, и эти 6 человек будут являть собою результаты выборов более обширных, именно

их выберут от Петербурга 160 человек. И вот этих 160 человек должны выбрать вы, господа! Таким образом, на вас лежит первая политическая обязанность не уклоняться от участия в выборных действиях, а заняться этими выборами. Другими словами, в чем может выразиться это участие в выборах? Когда этих выборов еще нет, оно выражается в большей сплоченности лиц, которых соединяют идеи, положенные в основание нашего «Союза». Затем, адептов нужно вербовать, как это делают правая и левая. Чтобы не быть побитыми правой или левой, нужно пользоваться вербовкой членов посредством печатной пропаганды и еще более посредством устной; живое слово есть наилучший способ пропаганды. В этом отношении для вас открывается деятельность — предвыборная агитация. Те из вас, которые желают послужить на пользу родины, будут участвовать в этой предвыборной агитации. Вот ваша задача — живое слово. С этой целью «Союз» отчасти уже осуществил, а отчасти осуществляет немедленно 12 избирательных комитетов по числу избирательных участков города Петербурга. Центральный Комитет приглашает вас туда: идите туда и несите ваш труд, ваш разум, ваше сердце для того, чтобы распространять идеи, положенные в основание «Союза 17 октября». Может быть, у вас возникнет затруднение, как и с чего начать, какие идеи пропагандировать? Каждый должен начать со своей маленькой семьи, но вы ни на одну секунду не должны выпускать из виду, что для русских граждан открывается священное право влиять на судьбы своего отечества. Это обращается в вашу обязанность, от которой вы не имеете права уклоняться. На какие темы предстоит вам беседовать? Темы безбрежны, как море: вы можете поднимать вопросы экономические и политические, вопросы чисто духовного свойства, воспитательного характера, словом, всякий в своей сфере найдет свои интересы, найдет такие темы, которые представляются для него важными, потому что в настоящее время неважных тем нет; каждый пусть послужит своей родине тем, чем он может. Вот для выполнения этой продуктивной работы Центральный Комитет рассчитывает на ваши духовные силы. Господа! Как никак, хотя и тревожное время мы переживаем, но это время воистину счастливое: наконец-то мы приобщились к сонму тех цивилизованных народов, которые имеют право исповедывать свои политические убеждения и громко говорить о нуждах и пользах своей родины. Приветствую вас в этот счастливый для всех нас день! Как идолопоклонники в праздничной одежде идут на поклонение восходящему светилу, так и вы, бодрые духом и телом, идите вперед к этому счастливому моменту, к восходящему солнцу русской свободы. Бог помощь вам в сознательной политической деятельности! (Аплодисменты.)

Председатель. Записано еще четыре лица, но теперь Комитет считает необходимым привлечь ваше внимание к выводам, которые можно сделать из речей, слышанных нами здесь. Некоторые речи носят характер описательный, другие же носят характер положительных предложений. Может быть, вам угодно в результате предложить Комитету составить проект резолюций? Мне кажется, что нам не следует непосредственно обращаться теперь к правительству с какими бы то ни было резолюциями, потому что через полторы недели предполагает собраться всероссийский съезд нашего «Союза», который будет представлять собою высшую инстанцию «Союза» и будет иметь очень большую компетенцию; поэтому я предлагаю принять нижеследующие проектируемые Комитетом три резолюции и передать их на усмотрение предстоящего Московского съезда. Первая резолюция, чтобы правительство вернулось на путь неуклонного исполнения высочайшей воли, выраженной в манифесте 17 октября (аплодисменты). Второе предложение, чтобы правительство не только ускорило всеми мерами выборы в Государственную Думу, но назначило бы точно срок созыва ее. Третье предложение, чтобы, наряду с обеспеченными народу гражданскими правами, было обеспечено право петиций.

Теперь я спрошу мнение собрания по каждой из трех отдельных резолюций. Если они будут приняты, мы отошлем их в Москву на утверждение всероссийского съезда.

Итак, первая резолюция такова: чтобы правительство вернулось на путь неуклонного исполнения высочайшей воли, выраженной в манифесте 17 октября. Угодно принять это предложение? (Голоса: Да!) Кто против, потрудитесь поднять руку. Предложение принято.

Второе предложение: чтобы правительство не только ускорило всеми мерами выборы в Государственную Думу, но назначило точный срок ее созыва. (Голоса: Принимаем!) Несогласных прошу поднять руку. Предложение принято единогласно.

Третье предложение: чтобы в ряду обеспеченных народу гражданских прав было разрешено право петиций. Несогласных с предложением прошу поднять руку. Предложение принято.

Все три резолюции вам угодно было принять, следовательно, они будут посланы на утверждение Московского всероссийского съезда. Затем я должен доложить, что записалось еще четыре оратора, но, ввиду позднего времени, я считаю необходимым спросить собрание: угодно ему выслушать еще четырех ораторов?
(Голоса: Да!).

Бородина. Я прошу уделить мне три минуты, чтобы сказать несколько слов.

Председатель. Хорошо. Слово принадлежит господину Грюнвальду.

Грюнвальд. Милостивые государи! После тех блестящих речей, которые вы слышали здесь, мне становится неловко говорить вам, потому что я в своей краткой речи не могу сказать ничего такого, что бы внесло в ваш умственный кругозор то или другое расширение, что бы так или иначе настроило бы вас в серьезном политическом смысле. Я ставлю себе узкую, но, смею надеяться, полезную задачу. Господа! Мы переживаем тот исторический момент, когда формируются личности, формируются русские граждане. Все, кто стояли на этой кафедре, употребляли все усилия осветить, каковы должны быть эти личности. Депутаты, которых вам предстоит выбрать, должны быть личностями не только строго развитыми в политическом смысле; в каждом человеке, кроме деловой стороны его натуры, живет еще одна в высшей степени важная сторона его существа — проявление духа. Господа! Нельзя жить без идеала. И вот об этом идеале, об этом идеале истинно русского человека, которого в настоящее время Россия, может быть, забыла или от которого, может быть, отложилась, об этом идеале я хочу сказать несколько слов. В переживаемое нами тревожное время многие факты жизни проходят без должного внимания, с каким бы к ним следовало относиться. Двадцать пять лет прошло со дня смерти великого русского человека. Двадцать пять лет тому назад умер Достоевский, но этот человек до сих пор жив в своих великих творениях, и он жив в эту минуту, так как дал нам образ истинно русского человека, которого он воплотил в типе «Алеши». В чем проявился истинный дух этого русского человека? — В том, что этот русский человек, нарисованный нашим художником, падает в религиозном экстазе на землю и целует ее.

Если вы будете выбирать депутатов, то, кроме ума, кроме всестороннего развития, которыми эти люди должны обладать, они должны любить свою родину. Выберите человека, который более всего сумел бы любить русскую землю, — он сумеет отстоять интересы русской земли, и вы не раскаетесь никогда в своем выборе! (Аплодисменты.)

Председатель. Госпожа [Кульнева] предлагает прочитать свое стихотворение. Один из членов Центрального Комитета будет так любезен — прочтет это стихотворение. (Читается стихотворение г-жи [Кульневой][21]). Аплодисменты.)

Клименко. Господа, меня просят говорить как можно короче. Благодаря тому предложению, которое я намерен внести, я постараюсь быть очень кратким. Господа! Когда мы входим в учебное заведение для изучения юридических наук, то первое, что нам внушают:

«без суда не может быть наказания». И вот 17 октября раздались царские слова о полной свободе и полной неприкосновенности личности. Сегодня не один уже оратор говорил, как вылились эти свободы. И вот мне казалось бы, после того, как вы выслушали много речей, я имею право рассчитывать, что мое предложение будет принято вами с полным чувством согласия. «Союз 17 октября» образовался для того, чтобы на практике, в жизни, провести те принципы и основания, которые были провозглашены в манифесте 17 октября. В настоящее время, мы уже более месяца как читаем в газетах, что для блага человека отнимается жизнь у него. Это мы читали вчера, читаем сегодня. В маленькой газете, которая раздавалась при входе в этот зал, говорится: «Преступница, которая стреляла в адмирала Чухнина, по распоряжению его, была немедленно расстреляна». Такие факты встречаются каждый день. Я, как юрист, как специалист по юридическим наукам, требую, чтобы у меня не отнимали жизнь раньше, чем меня не выслушает суд. Когда при революционном восстании человека захватывают на улице и он оказывает сопротивление, тогда каждое правительство вправе прибегнуть к лишению его жизни, потому что иначе порядок восстановить нельзя, но положение совершенно изменяется, когда революционер положил оружие, когда он сдался; в это время он не составляет предмета опасности для полиции, и тогда его должно судить, хотя бы военным судом. Но возможно ли действовать так, как действуют в настоящее время? Какой-либо батальонный командир приказывает немедленно расстрелять преступника, без всякого суда и следствия. Я не стану входить в критику этого положения, но предлагаю вам доказать на практике, что все вы, собравшиеся здесь, действительно желаете настаивать на том, чтобы основания, положенные в манифесте 17 октября, осуществлялись. Я предлагаю поручить Центральному Комитету теперь же ходатайствовать перед правительством, чтобы отныне такого рода расстреливание не практиковалось; в случае крайности, пусть применяется полевой суд, но не расстреливание. Этим ходатайством, может быть, мы спасем жизнь не одного невинного человека. Председатель Центрального Комитета барон Корф говорит, какова сила общественного мнения, — виноват, это, кажется, говорил Ю. Н. Милютин: когда депутация явилась просить министра внутренних дел об уничтожении запрещения свободы собраний, то он сначала, было, отказал, а потом одумался. Чтобы настоящее собрание наше не было бесплодным, чтобы оно вылилось в чем-нибудь реальном, будьте добры, поручите Центральному Комитету ходатайствовать, чтобы отныне не было распоряжений о расстреливании по исполнительным листкам, составленным неведомо кем и, по всей вероятности, агентами тайной полиции (а п л о д и с м е н т ы).

Председатель. Принцип, который сейчас был приведен говорившим оратором, едва ли встретит в нашей среде какие-либо возражения, но сейчас собранию угодно было принять резолюцию, которая гласит: чтобы правительство вернулось на путь неуклонного исполнения высочайшей воли, выраженной в манифесте 17 октября. В этом манифесте указано — никто без суда не может быть наказуем. Мне кажется, что это пожелание, выраженное в речи г. Клименко, вполне справедливо, но не выражается ли оно в манифесте? (Голоса: Да!)] Не угодно ли собранию согласиться с тем, что предложение, сделанное г. Клименко, заключается в резолюции, только что нами принятой?

Клименко. Я просил собрание принять резолюцию в том виде, как я ее предложил. Если я буду служить в тайной полиции и буду зол на кого-либо, то из чувства мести или личных отношений я совершенно спокойно могу уничтожить известное лицо; таким образом, я каждого из вас могу убить. Против такого произвола я возражаю.

Председатель. Угодно собранию принять предложение? (Голоса: Принять!)

Председатель. Собранию угодно ходатайствовать перед правительством, чтобы смертная казнь не была налагаема? (Голоса: Да!)

Бороздина. Я просила слова для того, чтобы задать два вопроса для выяснения недоразумения, которое у меня составилось после прочтения в газетах двух известий: господин Милютин в начале заседания доложил нам о деятельности Центрального Комитета по изданию разных воззваний. Недавно, — кажется, сегодня, — я прочитала в газетах, что наш «Союз» просит не считать действительными изданные им ранее воззвания. Правда ли это?

Голос. Ничего подобного не было.

Бороздина. Теперь второй вопрос. Здесь говорилось о необходимости пропаганды. Точно так же в газетах я прочитала, что для пропаганды в других городах наш «Союз» имел в виду командировать в провинцию несколько лиц, причем... (Шум.)

Голоса. В какой газете это было напечатано?

Бороздина. Я не помню. Кажется, в «Петербургских ведомостях».

М. В. Красовский. Господа! Наше собрание приходит к концу. Я не намерен много говорить, а хочу только сказать несколько слов для того, чтобы сгладить тяжелое впечатление, навеянное на вас некоторыми прорвавшимися замечаниями ораторов, что будто бы по манифесту 17 октября у нас ничего не сделано, что мы топчемся на одном месте. Действительно, в настоящее время у нас далеко не то,

что было обещано. Я не отрицаю того, что Россия переживает сейчас тяжелое время, но я говорю о России и не буду говорить о личностях — личности здесь не так важны. Благодаря тому, что существует многое из старых зол, многого еще не сделано. Но мне кажется, если мы обратим внимание на прошлое и вспомним все обстоятельства нашей жизни, хотя бы год тому назад, то каждый из нас сознает, что течение жизни нашей значительно изменилось. 28 января прошлого года мы не могли собираться, не могли свободно говорить или выслушивать без боязни то, что говорим и выслушиваем теперь. Это доказывает, что мы не стоим на месте, что нам дано неотъемлемое право свободно собираться, думать и рассуждать о том, что́ мы считаем благом для нашей родины. Эта дарованная свобода думать и свободно выражать свои мысли открыто, гласно, представляет для нас такое важное приобретение, за которым остальные идут сами собою. Советую не печалиться о том, что у нас нет Наполеона, и напоминаю, что от Александра Македонского до Цезаря прошли века. Наше отечество, вся наша страна пережила много тревоги, но правда восторжествует, порядок будет установлен, и народ пойдет вперед. Я верю, что нам нужны не Наполеоны, но нам необходима дружная, объединенная работа для того, чтобы Россия без Наполеона, без спасителя пошла вперед!

Председатель. Программа сегодняшнего собрания исчерпана. Мне остается поблагодарить присутствующих за проявленное терпение и пожелать успеха в предстоящих вам выборах! Объявляю собрание закрытым.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Рейнбот, П. Е., член Петербургского ЦК «Союза», присяжный поверенный.

[2]) Подробности об этом первом собрании петербургских октябристов, ярко выявившем монархически-реакционное его лицо, см. «Новое время» 1905 г., № 10677.)

[3]) Резолюция эта (4/XII), которую было постановлено отправить председателю Совета Министров, гр. С. Ю. Витте, гласила: «Первое общее собрание членов «Союза 17 октября» постановляет: выразить полную свою готовность всеми своими силами содействовать правительству, твердо проводящему в жизнь начала манифеста 17 октября». (См. «Новое время», № 10677.)

[4]) Постановление петерб. градоначальника распубликовано было 13 декабря 1905 г. и отменено 22 января 1906 г.

[5]) Речь идет, повидимому, о «Правилах о собраниях» 12 октября 1905 г.

[6]) Письмо бар. П. Л. Корфа гр. С. Ю. Витте, повидимому, опубликовано не было.

[7]) Ответ С. Ю. Витте П. Л. Корфу, так же как и письмо Корфа, повидимому, опубликован не был.

[8]) Об этой беседе см. Д. Н. Шипов, «Воспоминания и думы о пережитом», М., 1918 г., стр. 408.

[9]) Упоминаемое в тексте сообщение см. в кн. Д. Н. Шипова «Воспоминания и думы о пережитом», М., 1918 г., стр. 409—410.

[10]) В Соединенный комитет конституционно-монархических партий входили: «Союз 17 октября», «Прогрессивная экономическая партия» (образовалась при Петербургском О-ве для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности, с 1906 г. преобразовавшемся в О-во заводчиков и фабрикантов), «Партия правового порядка», «Всероссийский торгово-промышленный союз» (партия петербургского купечества), «Демократический союз конституционалистов», «Союз мирного обновления» (левая октябризма), «Лига скорейшего созыва народных представителей» (очень быстро распалась).

Соединенный комитет действовал на основании следующего соглашения, состоявшегося 5 декабря 1905 г.: «1. Для постоянной связи и взаимодействия между участвующими в соглашении организациями и для объединения их деятельности образуется Соединенный комитет конституционных партий. 2. Комитет состоит из представителей всех участвующих в соглашении организаций в числе от одного до пяти. 3. Средства комитета составляются из добровольных вкладов от партий и посторонних поступлений. 4. Действия Соединенного комитета должны быть направлены, главным образом, к объединению и облегчению соответственной деятельности вошедших в соглашение партий, причем комитет отнюдь не должен вступать с ними в конкуренцию». (См. Иванович, «Российские партии, союзы и лиги», СПБ., 1906 г., стр. 141.)

[11]) В деле № 154 О-ва зав. и фабр. (ЛОЦИА) имеется вырезка из «Нового времени» следующего содержания: «Ввиду того, что известное распоряжение СПБ. градоначальника, запрещающее всякие собрания, до сих пор не отменено, Соединенный комитет конституционно-монархических партий постановил обратиться к министру внутренних дел с запискою следующего содержания: «Соединенный комитет конституционных партий имеет честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство отменить запрещение собраний по государственным и общественным вопросам». Записка эта была представлена министру 19 января через особую депутацию, в состав которой вошли три члена комитета: Ю. Н. Милютин [Союз 17 октября. *В. Р.*], Я. П. Беляев [Прогрессивно-экономическая партия. *В. Р.*] и М. В. Маркевич [Партия правового порядка. *В. Р.*]. После краткой беседы П. Н. Дурново заявил депутации, что желание Соед. комитета будет осуществлено в известных пределах.

[12]) Оболенский, А. В., кн., чиновник особых поручений при министре внутренних дел.

[13]) Мейендорф, А. Ф., бар., лифляндский помещик, пр.-доц. Петербургского ун-та, один из основателей «Союза 17 октября»; впоследствии член III и IV Госуд. Думы; в 1913 г. вышел из «Союза».

[14]) Столыпин, А. А., помещик, брат м-ра вн. дел П. А. Столыпина, сотрудник «Нового времени».

[15]) Красовский, М. В., член Петербургского ЦК «Союза», организатор «Клуба общественных деятелей» в Петербурге, вокруг которого концентрировалась крупная буржуазная общественность.

[16]) Чистяков, П. С., член «Союза», присяжный поверенный, впоследствии гласный Петерб. городской думы, директор правления Русского нефтепромышл. о-ва.

[17]) Пиленкс, А. А., профессор международного права в Петербургском университете; после поражения октябристов на выборах в I Думу выступил в «Новом времени» с обвинениями против Центр. Ком-та («Н.В.» №№ 10783 и 10784). В своем ответе ему А. А. Столыпин («Н. В.» № 10785) указывал, что, даже находясь в стане «врагов», Пиленко не мог бы принести столько вреда Союзу и пользы кадетам, сколько он принес своим выступлением в печати.

[18]) Брум, Г. П., лорд (1778—1868), известный английский политический деятель, юрист, принадлежал к партии вигов.

[19]) Грибовский, В. М., пр.-доцент, юрист, впоследствии профессор Петербургского ун-та по назначению Кассо.

[20]) В высочайшем указе 18 февраля 1905 г. говорится: «Возложить на состоящий под председательством нашим Совет Министров сверх дел, ему ныне подведомственных, рассмотрение и обсуждение поступающих на имя наше от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» (Собр. узак. № 30, 18 февраля 1905 г., стр. 245). Наоборот, высочайший указ 6 августа 1905 г. гласил: «Приняв засим в уважение, что виды и предположения по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния, имеют восходить к нам порядком, в учреждении Государственной Думы установленным, повелеваем: действие указа нашего Правительствующему Сенату 18 февраля 1905 г., по изъясненному предмету данного, ныне же отменить» (Собр. узак. № 141, 6 августа 1905 г., стр. 1326).

[21]) Стихотворение О. Кульневой «Союз 17 октября» содержало призыв «сплотиться тесней» и «гордо поднять белое свое знамя» под лозунгом: «да здравствует наш царь, да здравствует народ, да здравствует свобода».

К истории процесса 21.

(Письма и показания П. Ф. Якубовича.)

В истории «Народной Воли» до недавнего времени привлекала почти исключительное внимание исследователей эпоха так называемого расцвета ее деятельности, время ее крупнейших террористических предприятий, время, которое казалось многим современникам временем наступающей великой революции. Но первое марта отзвучало, революция не произошла, правительство еще крепче повело курс на реакцию, самодержавие укрепляло свои позиции, и эти впечатления действовали не только на современников, но и на историков. И обычно история «Народной Воли» после первого марта считалась какою-то концовкою в отношении к первому периоду ее деятельности и именовалась ее «разложением», «распадом» и тому подобными терминами.

Впрочем, и состояние источников должно было способствовать укреплению такого взгляда. Именно, для первой полосы истории «Народной Воли» мы обладаем материалом крупнейших политических процессов (1880 г. — шестнадцати; 1881 г. — первомартовцев; 1882 г. — двадцати; 1883 г. — семнадцати; 1884 г. — В. Н. Фигнер), и именно к этой же эпохе относится ряд первоклассных (иногда — классических) мемуарных произведений. Можно с уверенностью сказать, что вряд ли для истории этого периода «Народной Воли» будут отысканы документы, которые в какой бы то ни было значительной мере изменили бы состав наших первоисточников.

Совсем иначе обстоит дело с позднейшею эпохою в истории «Народной Воли». Мы не знаем источников этой эпохи, мы обладаем до сих пор незначительным количеством мемуарных документов (и то начавших появляться в печати совсем недавно), и все построения в этой области гораздо более похожи на шаткую гипотезу, основывающую свои утверждения на найденном обрывке документа, чем на обоснованное научное утверждение. Причина такого состояния разработки этого периода однако не случайна, и лежит она в новом характере народовольческого движения, нашедшем, в свою очередь, и отражение в другом характере документации этого движения.

В до-первомартовскую эпоху все силы «Народной Воли» были прежде всего сосредоточены на напряженнейшей борьбе с русским абсолютизмом. В программе «Народной Воли» фигурировали отнюдь не эти только цели, и в особенности широко и в программе и на деле была поставлена деятельность среди рабочих, впитавшая и в Петербурге и в Одессе остатки северного и южного «Рабочих Союзов». Лучшие силы Исполни-

тельного Комитета, как Желябов и Перовская, и лучшие кадры студенческой молодежи были брошены на этот фронт, но террористическая борьба в решительный момент отнимала все средства, в том числе и средства рабочей организации. Не забудем, что почти все участники первого марта (Желябов, Перовская, Гриневицкий, Рысаков, Тимофей Михайлов) были деятелями рабочей организации, и часть их пришла в партию именно через рабочую организацию: перед первым марта, по словам самого Желябова, народовольцы «затерроризовались». С другой стороны, именно в этот период получила завершение и организационная структура «Народной Воли» в виде Исполнительного Комитета, как строго централизованного тайного учреждения. Этот конечный результат развития организационных форм революционной партии в течение всех семидесятых годов стоял в теснейшей зависимости и от поставленной «Народной Волей» задачи политической революции — центрального террористического акта, требовавшего тайны, требовавшего величайшей централизации всех наличных революционных сил для нанесения решающего удара самодержавной власти, и вместе с тем для руководства последующими событиями, в особенности восстанием, если оно будет вызвано цареубийством, что считали возможным не только одни народовольцы.

Первое марта не привело к непосредственному результату — крушению абсолютизма, но его последствия для революционного движения и для революционной партии были неисчислимы. Если Запад мог восторгаться народовольцами, поражаясь их самоотверженною борьбою и сочувствуя ей, ибо давно пережил сам ту ступень политического развития, которую сокрушала «Народная Воля», то для оценки политического успеха «Народной Воли» после первого марта наиболее показателен, конечно, шаг ее самых упорных противников — чернопередельцев, которые первыми пошли на переговоры о соединении с «Народной Волей» и вслед затем на частичное соединение. Первое марта разбудило в то же время самые глухие углы по всей России, оно дошло до тех мест и до тех кругов, до которых ни живое слово пропагандиста, ни агитационный листок не могли бы дойти. И «Народная Воля», переживающая после первого марта крушение своего центра и гибель Исполнительного Комитета (в июне 1882 г. на свободе оставалась уже только одна В. Н. Фигнер), вызывает в то же время широкое движение, которое идет под ее знаменем, часто без инициативы агентов центра, самостоятельно зарождаясь в отдельных местах и затем находя нужные организационные связи. Однако это разрастающееся революционное движение значительно изменяет свой характер. Местные организации не помышляют теперь о центральном терроре, и даже крупные центры, столичные и провинциальные, как Киев, Харьков, Ростов, не ставят себе целью его практиковать. И в столице, в самом Петербурге, и в провинции, в только что упомянутых городах и длинном списке других городов, то связанных с ними, как с центрами, то являющихся самостоятельными центрами, деятельность народовольцев в 1882—1883 гг. перекидывается решительно в среду рабочих, и группы народовольцев в этом деле начинают видеть основную задачу своей работы. Так, напр., Бурцев, попавший тогда в Петербург и в 1883 г. вошедший в народовольческую организацию, пишет, что других разговоров, кроме как о рабочем деле, здесь не было. Один из самых выдающихся рабочих-народовольцев, В. Панкратов, в своих воспоминаниях говорит о том, что «с весны 1882 г. было обращено

особенное внимание на такие окраины, как Ростов, Севастополь, Екатеринослав и д р у г и е п р о м ы ш л е н н ы е ц е н т р ы» (подчеркнуто нами). Насколько это явление было всеобщим, можно судить по словам С. Иванова, который, характеризуя 1883 год и всеобщее стремление иметь связи среди рабочих, замечает, что «не иметь хотя бы только фирмы ради своих рабочих считается обыкновенно непростительным для революционеров какого-нибудь большого города, претендующих на название группы». Наши сведения слишком скудны, чтобы попытаться подвести количественный итог этой деятельности. Но, напр., Росси, киевский народоволец, ставший впоследствии предателем, в своих показаниях считал, что число распропагандированных на юге рабочих в это время (тот же 1883 год) достигло тысячи. Совокупность этих указаний, таким образом, позволяет утверждать, что именно деятельность среди рабочих в местных народовольческих группах занимает первое место.

Выше было указано, что состояние источников этой эпохи обусловлено именно новым характером народовольческого движения. Действительно, историку здесь предстоит изучение многих местных историй движения. А эти истории не могут не быть разнородны: если в Ростове-на-Дону численность рабочих за 1879—1884 гг. возросла вдвое, то в Киеве за это же время она увеличилась только на 10—12%; если в Ростове народовольцы действовали в железнодорожных мастерских, где работало около 1 000 рабочих, то в Киеве им приходилось действовать в среде мелкого производства и т. д. Вместе с тем, документальное изучение этого периода представляет значительные трудности, ибо движение разрослось, а вместе с тем разрослась и его документация: вместо нескольких крупных политических процессов, отчасти ставших известными, как напр., процесс шестнадцати или первого марта, еще в то время, когда они слушались, теперь перед исследователем проходят десятки и сотни дознаний, остававшихся окутанными тайной вплоть до того момента, когда он их раскрыл, и в том огромном виде, в каком эта документация существует, навряд ли наступит время, когда она будет полностью издана.

Эта новая полоса истории народовольчества, разросшегося в ширину и вместе с тем связывающего свою революционную деятельность с рабочим классом по преимуществу, должна была найти свое отображение и в попытках переоценки того идейного наследия, которое было получено от прогремевшей эпохи Исполнительного Комитета. Правда, эта переоценка могла произойти путем постепенной эволюции старых взглядов и старых организационных форм в новые взгляды и в новые формы. И сперва могло показаться, что именно по последнему пути пойдет дальнейшее развитие народовольчества. 17 октября 1883 г., при обстоятельствах не вполне ясных, собрался народовольческий съезд в Петербурге, на котором однако кроме петербуржцев присутствовал один лишь провинциал, уже упоминавшийся выше киевлянин Росси. На этом съезде «окончательного ничего не решили», но при этом предварительном характере решений (предварительном, так как постановлено было созвать новый, более полный съезд), тем существеннее, что «согласились только с тем, что необходимо усилить деятельность в среде рабочих»; с этою же целью было постановлено «устроить на юге типографию и издавать рабочую газету». Упор в этих постановлениях на деятельность в среде рабочих повел

на съезде и к пересмотру основного тактического наследия Исполнительного Комитета — террора: из области общеполитической его признано было необходимым передвинуть в область рабоче-крестьянскую (в последнюю — теоретически), и, таким образом, под всею предыдущею деятельностью народовольчества проводилась определенная черта. Вторая группа постановлений съезда намечала новые организационные формы. Здесь «находили необходимым усилить самостоятельность местных групп, хотя бы пришлось совсем уничтожить Исполнительный Комитет и ввести очередные съезды представителей местных групп». Как видим, в сфере организационной этот новый период сказывался не менее радикально, чем в сфере тактической. Сочетать крепкую централизованную организацию с опорою ее именно в рабочем классе, что впоследствии дало возможность начать новую мировую революционную эпоху, революционерам восьмидесятых годов, и народовольцам и тогдашним социал-демократам, казалось невозможным (достаточно вспомнить борьбу Плеханова против «якобинства» «Народной Воли»), и объяснить этот факт, конечно, возможно еще недостаточностью концентрации рабочего класса, а кроме того, и тем, что, по существу, это были еще первые местные попытки деятельности среди рабочих.

К каким последствиям повел бы съезд и как далее пошло бы развитие народовольчества, об этом трудно судить. Но возможно, что оно пошло бы путем компромиссов с эмигрантскими идеологами Исполнительного Комитета: мы знаем, напр., что Тихомиров, столь резко разорвавший с Плехановым, тем не менее стремился к установлению связи с петербургскими социал-демократами и к договоренности с ними.

Однако новые тенденции резко противопоставили себя народовольческой традиции, и их сторонники уже вскоре после съезда сделали даже попытку организации новой революционной партии. И вызвано это было дегаевщиной, которая сделала на время невозможным какое бы то ни было деловое общение эмигрантов, считавших себя хранителями традиций Исполнительного Комитета, с русскими деятелями народовольчества.

16 декабря 1883 г. был убит Конашевичем и Стародворским глава имперского розыска, инспектор секретной полиции, прославленный еще со времен Осинского Георгий Порфириевич Судейкин. В революционных кругах тотчас стало известно, что убийство произошло на квартире Сергея Дегаева, признанного руководителя тогдашнего народовольчества. Парадоксальность того факта, что глава розыска явился посетителем квартиры главы революционной партии, скоро была разрешена, и сношения Дегаева с департаментом полиции были разгаданы. Но в узком революционном кругу стало тотчас же известно и другое: то именно, что Дегаев почти прямым маршрутом со своей трагической квартиры на Невском проспекте проехал через границу и что до границы его сопровождал не кто иной, как Станислав Куницкий. Куницкий, уже тогда один из виднейших деятелей польского социально-революционного движения, теснейшим образом связанный с ранних студенческих лет также с народовольчеством (в среду которого его ввел Дегаев же), незадолго до того был за границей и видел Тихомирова. Все эти факты без труда связывались в той лихорадочно быстро работавшей мысли, которая искала разгадки происшедшего. И легко поэтому далось то заключение, что заграничный народовольческий центр, до сего времени считавшийся последним остатком Исполнительного Коми-

тета и хранителем его традиций, что этот центр знал о предательской роли Дегаева, что он знал о том, что Дегаев, держащий главнейшие нити народовольческой организации, является в то же время агентом Судейкина, и, что зная это, он не только допустил Дегаева действовать в среде русской организации, но и сам руководил его действиями.

Мы уже видели на примере октябрьского народовольческого съезда, что между традицией, программной, тактической и организационной, и между новыми тенденциями была значительная пропасть. Если до декабря 1883 г. можно было гадать, будет ли в переговорах русского новаторского народовольчества и заграничных представителей народовольческой традиции достигнут какой-либо компромисс или последует идейная борьба, то в начале 1884 г. стало совершенно ясно, что никаких переговоров теперь и быть не может и что наступил момент организационного конфликта.

Однако именно то, что наступил конфликт, именно это повело за собою для вновь назревавших взглядов необходимость оформиться в возможно полную систему и выступить на арену борьбы в качестве особого политического направления, противопоставляющего себя заграничному центру и его идеологии. И действительно, эти взгляды оформились в течение первых месяцев 1884 г., пока не получили, наконец, своего организационного завершения в так называемой «Молодой партии Народной Воли». Среди деятелей этого нового направления одну из наиболее крупных ролей играл Петр Филиппович Якубович, а в качестве идеолога и литературного выразителя новых идей ему принадлежала, несомненно, крупнейшая роль. Последним и определяется значение ниже печатаемых документов для изучения этого момента в истории «Народной Воли», в котором наиболее ярко отразилась одна из линий (не единственная) того развития, по которому «Народная Воля» пошла после первого марта. Можно утверждать, что ни в одном из документов той эпохи, вообще немногих, не получила такого точного отражения, как у Якубовича, социологическая обусловленность развития народовольчества в сторону защищаемых им тогда взглядов. В одном из своих показаний он определеннейшим образом заявляет, что не те «пререкания», которые были последствием дегаевщины и составили, как увидим далее, предмет записей Якубовича в книжке Овчинникова, явились «причиной» «открытого разделения организации на две партии». Такою «главною причиною» был, по словам Якубовича, именно «рабочий вопрос»: «молодые народовольцы» решили «все усилия пропаганды и агитации направить на рабочих фабрик и заводов, вообще на низшие сословия городов». А крестьянство, традиционный предмет революционных размышлений 70-х и 80-х годов? Существеннее всего здесь то, что эта новая полоса народовольческой истории, которая, по словам Якубовича, должна была повторить «знаменитый» опыт хождения в народ семидесятых годов, оставляла крестьянство, подобно традиционному народовольчеству (вспомним известное выражение о том, что работать в народе — это биться, словно рыба об лед), «по разным причинам в стороне» и собиралась итти, таким образом, только к рабочим. Этим-то молодые народовольцы отличались от народников 80-х годов, для которых, как и в 70-х годах, крестьянство, работа в его среде и надежды на него продолжали оставаться руководящими моментами деятельности. Теперь нетрудно определить, в сторону каких именно программных взглядов шла эта эволюция «Народной Воли». От политического террора в сторону массовой деятельности, и притом не

вообще в «народе», а именно среди рабочих фабрик и заводов, — в этих положениях не так уж трудно узнать начала, положенные также в основу нарождавшегося в те же годы в Петербурге, с одной стороны, и в эмиграции, с другой, социал-демократического движения. И действительно, то, что оба эти направления своею практическою деятельностью взаимно сближались, это прекрасно сознавали представители обоих течений, и благоевцы и молодые народовольцы, в особенности же Якубович. В своем показании от 26 мая Якубович прямо ссылается на брошюру Плеханова «Социализм и политическая борьба» и видит в ней подтверждение «сочувственного отношения» «народников», как по старой памяти он (и не только он) называет первых социал-демократов, к «этому новому течению в партии «Народной Воли». А так как брошюра вышла еще в сентябре 1883 г., задолго до появления на свет «Молодой партии», то, естественно, и «сочувствие» приходится передвинуть: если вышедший ранее Плеханов не мог сочувствовать позднейшим взглядам «молодых», то наличие сочувствия означает несомненные настроения молодых в отношении к Плехановской брошюре. Что это высказывание Якубовича не стоит одиноко, доказывает изданная в феврале 1884 г. (также в этой части написанная Якубовичем) программная прокламация «Союза молодежи», в которой читаем, что для «Союза» вопрос о захвате власти, так же как и для «гг. Плеханова и Аксельрода», лишен практического значения и является «одною из бесчисленных pia desideria». Еще резче подтверждается это известной из других источников посылкою денег «молодыми народовольцами» за границу для покупки литературы группы «Освобождение Труда», а также и фактом отправки именно в Женеву к Плеханову специального делегата, о личности и о результатах поездки которого, к сожалению, у нас нет более точных сведений.

Что же касается вообще той «массы новшеств в теории и практике», о которой говорит Якубович в своих показаниях, т. е. программной, тактической и организационной стороны новых взглядов, то и здесь наши материалы являются важнейшим первоисточником. В особенности «Письмо к товарищам» (№ 2), несомненно, должно занять первое место среди всех известных нам документов того времени. Составленное, повидимому, в тот момент, когда приехавшая в Россию «Распорядительная комиссия», во главе с Г. Лопатиным, приступала к своей практической работе, это письмо говорило от имени не лица и от имени не одной организации, а возвышало свой голос от совокупности «членов различных организаций». Нет другого документа, который бы с такою отчетливостью обрисовывал кризис, вызванный дегаевщиной и который бы обосновывал с такою решительностью новые организационные взгляды. Вопрос о децентрализации народовольческой организации, об усилении местных групп ставился, мы видели, уже на октябрьском съезде, на котором, — что любопытно, — будущие «молодые» были представлены и решений которого они не оспаривают. Но лишь в этом письме эти положения продуманы так, что они связываются со всею историею Исполнительного Комитета, время которого «миновало» и лишь имя которого «должно остаться в революционной истории».

Нет нужды в этих кратких вводных замечаниях воссоздавать фактический ход событий, которые пройдут перед читателем показаний Якубовича: они очень четко вырисовы-

ваются в его изложении. Правда, очень многое скрыто Якубовичем от следственных властей даже в тех строках, которые неискушенный читатель сочтет искренними признаниями: в этом отношении помочь читателю должны примечания.

Петр Филиппович Якубович принадлежит, без сомнения, к числу немногих выдающихся представителей так называемой гражданской поэзии, — того литературного жанра, который теснейшим образом связывает творчество с социально-политическими переживаниями поэта.

Одновременно с поступлением в 1878 г. в университет Якубович выступил в печати со своими стихотворениями. Тотчас он обратил на себя внимание революционных кругов. Когда же в конце 1880 г. была написана его «Битва жизни» [1]), она получила, по словам Якубовича, «широкое распространение», и с автором пожелал познакомиться Желябов. «Был назначен день и час свидания, но что-то задержало в этот вечер «Тараса», и я так и не познакомился с знаменитым вождем народовольцев»,— пишет об этом Якубович.

Однако Якубович очень скоро перестает удовлетворяться рамками, которые дает сотрудничество в периодических изданиях, и в 1881 г., совместно со своим сотоварищем по университету, Вячеславом Николаевичем Шаталовым, делает опыт издания студенческого литературного сборника, при сотрудничестве также некоторых известных литераторов. Изданный под названием: «Отклик» и отпечатанный на льготных условиях не кем иным, как А. С. Суворинным, сборник этот тотчас был задержан цензурой, и на следующий же день, 4 апр. 1881 г., состоялось распоряжение цензурного комитета о выпуске сборника лишь под условием предварительной цензуры. Цензор Ведров, которому поручено было составить доклад об этом сборнике, в заседании 6 апреля сообщил, что «заглавие сборника совершенно соответствует его содержанию: действительно, это отклик на страдания народа, отклик бойцам, вышедшим на борьбу за свободу, за правду против дикого бесправия, упрек в равнодушии масс». «Нет почти ни одной статьи прозаической или поэтической, — писал Ведров, — в которой бы не отражалась тенденция недовольства, народных страданий, похвалы самоотвержению, стремления к революционной пропаганде». Специальные строки посвятил Ведров стихотворениям сборника, в которых «с таким откровенным цинизмом высказывают поставленные себе гражданские задачи, говорят о борьбе с бесправием, о своих героях, павших в битве, так явно зовут к себе сочувствие и содействие толпы, что всякие комментарии излишни». Цензор настаивал на исключении ряда произведений и в том числе на исключении четырех стихотворений Якубовича. Однако вместо исключенных статей и стихотворений было получено разрешение дополнить «Отклик» другими статьями, и сборник все же вышел в свет [2]). Впрочем, для Якубовича неудача с «Откликом» послужила лишь побудитель-

---

[1]) П. Я. Стихотворения, изд. 6-е, Спб. 1910, стр. 18—20. На экземпляре именно этого издания, хранящемся в Государственном Музее Революции в Ленинграде, нанесены цитируемые здесь и далее пометки Якубовича.

[2]) Общее заключение цензора гласило: «Цензор, находя определение общественных социальных вопросов во всех статьях сборника несогласным с настоящим строем нашего отечества и находя опасным для современного взволнованного моло-

ной причиною к новому опыту взять коллективно в свои руки «Русское богатство», опыт, который быстро окончился продажею журнала со стороны издательницы в руки Л. Оболенского.

1882-й год оказался решающим для политического самоопределения Якубовича. Из певца своего поколения он становится его активным деятелем. Повидимому, его вхождение в «Народную Волю» произошло через Красный Крест, путь, по которому не один только Якубович прошел в ряды действующих революционеров. В собрании стихотворений Якубовича есть одно — 1882 года, в котором он пишет: «Пока есть капля крови в жилах, не будем плакать на могилах — идем бороться, мыслить, жить». «Осенью 1882 г., — пишет Якубович в примечании к этому стихотворению,— действительно, я, наконец, успокоился душевно: одна чашка весов окончательно перетянула, и я официально вступил в одну из народовольческих организаций». «Революционером-учителем», который, по словам другого примечания Якубовича, ввел этою осенью его, М. П. Шебалина и других в «центральную организацию партии «Народной Воли» [т. е. в центральную петербургскую], был И. Н. Комарницкий, направленный сюда В. Н. Фигнер.

Дальнейшие моменты революционной деятельности Якубовича так ясно обрисовываются в печатаемых ниже его показаниях, что, описывая ее, пришлось бы их пересказывать. Можно лишь дополнить устанавливаемые при их помощи факты некоторыми штрихами, характеризующими обстановку и среду, в которой приходилось Якубовичу «на труд итти великий, победить иль славно пасть».

дого поколения, способного в борьбе за идеалы выставлять героями виновников недавних смут или видеть героев в Робеспьере, обаятельном Стеньке Разине и Пугачеве и во всяком, кто в массовом движении первый бросился в борьбу, и, как говорят французы, проломит лед, представляет комитету задержание сборника». Кроме стихотворений Якубовича: «В час веселья...», «Упреки» (первоначальное название «Битвы жизни»), «В театре», «Весенняя сказка», были исключены — стихотворение А. Барыковой: «Поэт» и статьи: Н. В. Шелгунова — «Исторические факторы смутных мировоззрений», Михайловского — «Герои и толпа», Цебриковой — «Литературные профили французской реакции XIX в.». Издание сборника с заменою этих статей другими было разрешено после специального расследования чиновника для особых поручений Балашева, который установил все псевдонимы и выяснил, что сборник действительно студенческий и что весь материал его был сдан в набор ранее первого марта (см. дело Спб. цензурного комитета, 1881 г., № 42, «О бесцензурной книге «Отклик», и дело канцелярии главного управления по делам печати «О бесцензурной книге «Отклик»). Сборник этот произвел немалое впечатление в цензурных кругах. Несколько позднее (1884 г.) известный Ф. Еленев писал о нем: «Среди многих бессодержательных и бесталанных статей так называемого либерального направления, назначенных только для придания книжке десятилистового объема, избавляющего ее от предварительной цензуры, в «Отклике» были помещены статьи с явным сочувствием к злодеянию 1-марта: они-го, по понятиям авторов и издателей книжки, и составляли «отклик» на это событие. Особенно было ужасно стихотворение — «Весенняя сказка», изображавшая гибель «Царя-Мороза» под лучами взошедшего весеннего солнца» и т. д. (Ф. Еленев, Наше молодое поколение, М. 1899, стр. 22). Экземпляр уничтоженного сборника имеется в Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде, а вырезанные страницы его в упомянутом деле цензурного комитета.

Уже в феврале 1883 г., в виде записок, адресованных Е. Демидовой, мы имеем первые документальные подтверждения революционной деятельности Якубовича. Из тех немногих воспоминаний о 1883 годе, которые мы имеем, видна все бо́льшая роль, которую Якубович начинает играть в петербургском центре [1]). Несомненно, что знакомство с Дегаевым имело в этом отношении немалое значение и что Дегаев вовлекал Якубовича все глубже и в литературную и в организационную работу. Осенью 1883 г. Якубович пишет свое первое нелегальное произведение — листок о Тургеневе [2]); по прямой инициативе Дегаева, но не по его замыслам, Якубович немногим позже приступает к формированию «Союза молодежи партии Народной Воли»; наконец, среди немногочисленных участников октябрьского народовольческого съезда находим и Якубовича. Таким образом, среди действующих в Петербурге народовольцев, одни из которых отдались специально типографскому делу, как Шебалин, другие — работают специально среди рабочих, как Попов, Флеров и др., именно Якубович, если оставить в стороне Дегаева, находится в курсе общих дел и выполняет разные функции.

Но если Дегаев играл в революционной карьере Якубовича немалую роль, как это можно установить из показаний Якубовича, хотя возможно, что Якубович здесь и преувеличивает, сваливая на Дегаева и то, что к нему не относилось (как, например, начало своей деятельности, которое передвинуто на год вперед и не связано, конечно, с именем Комарницкого), то Дегаев же в отношении Якубовича выполнил и другую свою обязанность — судейкинского агента. Во всеподданнейшей записке от 12 декабря 1884 г., подписанной П. Дурново, исполнявшим в то время обязанности директора департамента полиции (к этой записке были приложены копии первых показаний Якубовича), сообщалось, что «первые указания па преступную деятельность арестованного 16-го [не 16-го, а 15] минувшего ноября дворянина Якубовича получены были осенью 1883 года от известного Дегаева, вследствие чего за Якубовичем тогда же учреждено постоянное наблюдение, продолжавшееся, таким образом, более года» [3]). Однако планы Дегаева и Судейкина в отношении Якубовича шли гораздо дальше простой слежки. В записях, которые Дегаев сделал после своего побега за границу вслед за убийством Судейкина, находим следующую заметку о филере Зарудном: «довольно интеллигентный, так что Судейкин думал приказать ему открыться Якубовичу и предложить свои услуги революционерам» [4]). Итак, к Якубовичу предполагалось не только приставить особого агента (помимо Дегаева), но еще и обыграть его при помощи провокации.

В атмосфере политического возбуждения, которая воцарилась после убийства Судейкина, Якубович развивает энергичнейшую деятельность и становится, как выше уже

[1]) См. воспоминания М. П. Шебалина и И. И. Попова, помещенные в «Трудах кружка народовольцев при Всесоюзном обществе политкаторжан и сс.-поселенцев», вып. I—II, М. 1928—1929.

[2]) Литература партии Народной Воли, Париж, 1905, стр. 951—954.

[3]) Архив Революции и Внешней Политики. Еженедельные записки по департаменту полиции, 1884 г., т. II, записка за 3—10 декабря 1884 г.

[4]) Отрывок копии этих заметок имеется в Музее Революции СССР. Впрочем, эта копия возбуждает ряд сомнений, которые возможно разрешить, лишь имея подлинник.

было указано, фактическим главою, идейным и организационным, оформляющейся оппозиции. Именно Якубович ведет литературную подготовку выступлений оппозиции, он же лично едет в Киев для установления связи и содействия, пишет в одни места письма, в другие — рассылает агентов. Все эти месяцы Якубович находился под наблюдением, и это повело к катастрофическим последствиям. Во время той поездки в Киев, о которой только что было упомянуто, Якубовича сопровождали два петербургских агента, Антонов и Сергеев, для установления места «сборища съезда народовольцев». Здесь в Киеве было прослежено свидание Якубовича с Рехневским, и, чтобы замести следы, Рехневский был арестован уже в поезде, а не в самом Киеве [1]). Но еще хуже оказалось другое. По словам уже цитированной записки Дурново о наблюдении за Якубовичем, «первоначально наблюдение это не давало особых результатов; вскоре же после убийства подполковника Судейкина, в январе 1884 г. Якубович отправился в Киев, куда за ним были посланы агенты, выявившие сношения его в названном городе, и этим путем установлены квартиры и личность супругов Шебалиных, самостоятельное наблюдение за которыми установило личности большинства членов Киевского преступного кружка и послужило основанием к киевским арестам 4 марта сего года». Таким образом, косвенным результатом этой киевской поездки была гибель этого местного и самого значительного ответвления оппозиции.

В ликвидации раскола Якубович принял самое горячее участие, хотя он же в Дерпте уже успел приступить к печатанию программной прокламации. Потом он засел на все лето и осень в дерптской типографии. Здесь Якубович оказался под непосредственным наблюдением восходящей агентурной звезды — Геккельмана, — будущего Гартинга, которому в своих показаниях посвятил любопытные для характеристики приемов розыска строки.

Наконец, последняя полоса еще более ответственной работы наступила для Якубовича, когда после ареста Лопатина и Саловой он вторично должен был принять на себя функции руководства революционной организацией. Письма Якубовича к Тихомирову, печатаемые здесь, характеризуют и тот подъем (la révolution est morte, vive la révolution) и вместе с тем ту безнадежность, с которою Якубович принялся за дело, которое ему пришлось вести лишь немногим более месяца.

15 ноября были арестованы и Якубович и все связанные с ним лица. Для Якубовича потянулись продолжительные месяцы (более двух с половиной лет) предварительного заключения. Несколько крепостных документов слегка приоткрывают завесу над внешнею жизнью Якубовича в эти годы, служа опять таки лишь дополнением к его тюремной поэзии того времени [2]). Они связаны с мучительными для Якубовича переживаниями, что в его дело замешана и невеста его Р. Ф. Франк, привлеченная к до-

---

[1]) Дело департамента полиции, 1884 г., № 173, «О студенте Спб. университета Фаддее Рехневском и др.», лл. 1—2 и 8 (из Киева Якубович обратно выехал 2 февраля).

[2]) См. также Д. Якубович, Пять писем П. Ф. Якубовича, «Каторга и ссылка», 1928 г., № 12, стр. 135—143.

знанию именно по связи с ним. 13 ноября 1885 г. Якубович обращается с прошением о разрешении ему вступить в брак с Р. Ф. Франк, после того как несколько ранее, 9 октября 1885 г., сама Франк подала аналогичное прошение о разрешении ей приехать в Петербург для принятия христианства (Франк была еврейкой) и для вступления в брак с Якубовичем [1]). В своем прошении, приведя ряд доводов в пользу непричастности Франк к революционным делам, Якубович далее использует те разговоры, которые с ним, повидимому, неоднократно велись, как велись они и с другими привлеченными по делу Лопатина. «Из уст представителей правительства я постоянно слышу, — пишет Якубович, — о полном и окончательном торжестве правительства над террористическою партиею и вижу в них твердую, повидимому, уверенность в том, что Россия ныне вступает в новую эру — примирения и восстановления взаимного доверия между правительством и обществом». Якубович даже готов был дать честное слово («как бы это ни было для меня тяжело»), что не попытается «даже заговорить с Франк во все время венчания и тем вполне гарантировать безопасность упомянутых интересов» (следственных властей). Вторичное прошение Якубовича в департамент полиции от 21 декабря 1885 г. было столь же безрезультатно, как и первое, причем мотивом департамент выставил то, что венчаться Якубовичу с Франк нельзя потому, что ей запрещен въезд в Петербург. [2]) И вот, Якубович пытается апеллировать к министру юстиции прошением, которое приведу здесь полностью:

Его высокопревосходительству
господину министру юстиции.

Утруждая ваше высокопревосходительство своей покорнейшей просьбой, я должен прежде всего заявить, что я — арестант, заключенный в С.-Петербургской крепости, по обвинению в государственном преступлении, с 15 ноября 1884 г.

Одновременно со мною была арестована невеста моя, слушательница V курса женских врачебных курсов, Роза Франк. Освобожденная после 4-месячного заключения, несмотря на вполне констатированный прокуратурою факт, что вины ее заключались лишь в частном знакомстве со мною, она была выслана на родину, в губернский город Каменец-Подольск и с тех пор на все свои просьбы о дозволении вернуться в Петербург, чтобы держать выпускные экзамены, получала категорический отказ. Но, примиряясь с этим несчастием, нам хотелось бы, по крайней мере, обвенчаться, — главным образом, с тою целью, чтобы получить законное право иметь друг с другом хотя письменные сношения, которых в настоящее время мы лишены (по крайней мере, я) вот уже втечение 1½ лет.

Однако и на эти просьбы, неоднократно адресованные как мною, так и ею, в департамент государственной полиции и заключавшиеся в том, чтобы ей разрешено было приехать в столицу лишь на короткий срок, необходимый для крещения ее в православную веру (так как Франк по рождению еврейка) и совершения венчального обряда, — мы получили такой же, ничем не мотивированный отказ. Только на-днях г. директор госуд. полиции, лично посетивший крепость, объяснил мне его настоящую

---

[1]) На этом прошении департаментская пометка гласит: «Объявить, что принять православие может на родине».

[2]) Цитированные прошения Франк и Якубовича находятся в деле департамента полиции, 4 делопроизв., 1884 г., № 417, т. V, лл. 145, 185—185 об., 222.

причину. А именно, по словам г. директора, сказанным в присутствии прокурора судебной палаты М. М. Котляревского, — в виду того, что я, по всей вероятности, буду лишен по суду всех прав состояния, для государства неинтересно передавать мои дворянские права другой личности, тем более еврейке.

Таким образом, оставляя даже в стороне вопрос о том, какой же это суд, если администрация заранее предрешает его приговоры и руководится в своих действиях этими предрешениями, — даже помимо подобного вопроса, оказывается, что я, не будучи еще законно судим, уже лишен не только своих гражданских, но и чисто человеческих прав: прав обвенчаться с любимой девушкой, передать ей права своего звания (которых меня еще никто не лишал) и иметь возможность писать ей как жене и от нее также невозбранно получать вести о здоровьи и проч. Как известно вашему высокопревосходительству, в настоящее время чужд всякой гласности даже суд по политическим делам, на котором я мог бы протестовать против подобного нарушения всех божеских и человеческих прав еще не осужденного человека. Не имея почти никаких юридических знаний, лишенный свободы, даже возможности получить от кого-либо разумный совет, я совершенно бессилен придумать что бы то ни было для их защиты.

Мне остается обратиться к вашему высокопревосходительству, как к верховному блюстителю правосудия в государстве: не найдете ли вы возможным войти по этому поводу в сношения с департаментом госуд. полиции и что-нибудь сделать для меня и Розы Франк.

Кандидат историко-филол. факультета Петр Якубович [1]).

С.-Петербург, 9 мая 1886 г.

Еще один тюремный документ характеризует положение Якубовича в крепости. Якубович жалуется 14 ноября 1886 г. на появление глухоты. Но доктор Вильмс, хорошо нам известный по воспоминаниям заключенных, был иного мнения об арестанте, содержащемся в камере № 63. По мнению Вильмса, общее состояние здоровья номера 63 «значительно поправилось», и он, «видимо пополнел», относительно же глухоты — он «положительно не верит в действительность таковой», однако все же находит возможность «некоторого ослабления слуха вследствие случайного катарра зева» [2]).

Против приемов составления обвинительного акта протестовал не один Якубович. В своем заявлении от 17 мая 1887 г., когда он втечение суточного срока должен был не только просмотреть обвинительный акт (около одиннадцати печатных листов), но также составить свои замечания, Якубович писал, что «некоторые показания свидетелей, которыми г. военный прокурор воспользовался в качестве улик против меня, никогда не были мне предъявлены во время дознания, иные из них были предъявлены, но не во всей полноте. Иные же показания, хотя и читанные мне во время следствия, появляются в обвинительном акте совсем в другом виде». Указав еще на небрежности при составлении обвинительного акта, Якубович заключает, что все это и заставило его «утрудить внимание военно-окружного суда своим протестом против подобного способа составления обвинительного акта» [3]).

[1]) Дело мин. юстиции 2 угол. отд. 1885 г., № 10938, лл. 42—43.

[2]) Дело департамента полиции, 4 делопроизв., 1884 г., № 417, т. VI, лл. 86—87.

[3]) Дело Петербургского военно-окружного суда, т. I, лл. 76—76 об. Здесь же Якубович просил о назначении ему защитником Спасовича и о вызове некоторых свидетелей, от чего отказался 19 мая. Там же, л. 99.

Ход дела на суде известен в литературе по брошюре, как теперь оказывается, составленной братом самого Якубовича [1]). Якубович был присужден к смертной казни, которая была заменена каторжными работами сроком на 18 лет.

Период каторжной жизни Якубовича на Каре и в Акатуе нашел себе разностороннее отражение в мемуарной литературе, а также в произведениях самого Якубовича [2]). Опять таки приведу здесь лишь немногие документальные данные, еще не вошедшие в литературный оборот. На Кару Якубович прибыл 20 февраля 1888 г., а 1890 г., когда была уничтожена Карийская мужская тюрьма, Якубович был переведен вместе с другими карийцами в Акатуй, столь памятный по книге Якубовича. Для того положения, которое Якубович завоевал здесь своим трудом и стремлением быть наравне со всеми каторжанами (политические здесь не были отделены от уголовных), чрезвычайно любопытно донесение в департамент полиции генерала Хорошихина, военного губернатора Забайкальской области, от 20 ноября 1891 г., в котором он пишет о Якубовиче: «За время своего пребывания в Акатуйской тюрьме всего один раз был в лазарете, куда был отправлен по приказанию начальника тюрьмы, помимо желания Якубовича, как страдавший флюсом и зубной болью и как нуждавшийся в отдыхе; все же остальное время своей жизни в Акатуе он был здоров и бодр, здоровее и бодрее остальных своих товарищей по заключению, не исключая даже многих из общеуголовных преступников. Определенное судом наказание относит [sic!] твердо, спокойно, с глубокой уверенностью на [sic!] лучшее будущее. Работал в руднике сперва в качестве бурильщика, но вследствие ревматических болей в руках был назначен сперва молотобойцем в горной кузнице, а затем буроносом, каковую обязанность исполняет и в настоящее время. Свободное от работ время посвящает чтению выдаваемых начальником тюрьмы книг научного содержания и беседует со своими товарищами, общеуголовными преступниками, о разных научных вопросах. В общем, Якубович — очень светлая личность, заслуживающая всякого облегчения своей участи».

Несколько месяцев спустя положением Якубовича (и арестантов вообще) заинтересовался сам департамент полиции, повидимому, встревоженный каким-либо перехваченным письмом. 28 апреля 1892 г. он запросил приамурского генерал-губернатора по поводу полученных им «совершенно негласным путем сведений, что в Акатуйской тюрьме политические преступники крайне раздражены обращением с ними тюремного начальства, могущим подать повод к каким-либо серьезным беспорядкам. При этом указывается, что особенно сильное впечатление производит это обращение на ссыльно-каторжного преступника Якубовича». Генерал-губернатор, барон Корф, в своем ответе от 8 мая только и мог подтвердить, что ему «известно тяжелое впечатление, которое производит на политических ссыльно-каторжных обращение с ними наравне с обычными преступниками, но что изменить этого я не в праве, так как имею самые категорические указания его высокопревосходительства г. министра внутренних дел».

---

[1]) «Процесс 21-го». Женева, 1888, изд. кружка народовольцев. Составитель брошюры, В. Ф. Якубович, указан нам В. И. Сухомлиным.

[2]) Статья Якубовича «Vae victis!» — «Современные записки», 1906 г., № 1, и известная книга: «В мире отверженных».

Уже ко времени этой переписки к Якубовичу был применен указ 17 апреля 1891 г., срок работ сокращен на одну треть, и с июня 1891 г. он был переведен в разряд исправляющихся. В 1893 г. Якубович был переведен в Кадай (2 июня 1893 г. департамент дал свое согласие на разрешение Якубовичу переписки с Франк) и 2 ноября 1893 г. прибыл туда, где и был уволен на жительство вне тюрьмы. 22 августа 1894 г. состоялся, наконец, и брак Якубовича с Франк.

Выйти на поселение Якубовичу предстояло лишь 5 февраля 1898 г. Но случай здесь помог ему. Сестра Якубовича справлялась в департаменте о сроке выхода Якубовича на поселение, и, после запроса у забайкальского губернатора, ей было по ошибке указано 15 ноября 1895 г. Однако потом выяснилось, что срок кончается гораздо позже и что департамент своею справкою поставил себя в самое затруднительное положение. Когда в апреле 1895 г. обнаружили эту ошибку, то выйти из нее решили путем применения к Якубовичу манифеста 1894 г., ссылаясь на его «безукоризненное поведение». По всеподданнейшему докладу от 27 апреля 1895 г. это было сделано, и уже 31 мая 1895 г. Якубович получил разрешение поселиться в Кургане.

Опубликованные недавно документы [1]) дают материал для истории одного эпизода курганской жизни Якубовича, так называемого дела Зобнина, к которому было привлечено немало ссыльных (в том числе и В. И. Ленин). Для Якубовича создалось в связи с этим невыносимое положение, которое яснее всего из его заявления в департамент полиции, в котором он изобличает ротмистра Вонсяцкого и в подкупе свидетелей и в фальсификации показаний и просит, наконец, о переводе его в Тюмень.

Якубович получил разрешение на этот переезд, но болезнь привела его сначала в Казань, а затем и в Петербург, где он остался жить на одной из ближайших станций около Петербурга, на Удельной [2]). Только теперь для Якубовича наступило время спокойной литературной работы, которой он и отдался целиком.

Два документа, открывающие далее печатаемое собрание, были составлены Якубовичем в пылу возгоревшейся борьбы. Первый представляет из себя ряд заметок, занесенных в записную книжку М. П. Овчинникова перед предполагавшимися переговорами оппозиционеров с приезжающей из Парижа «Распорядительною комиссией». По объяснению самого Овчинникова, заметки были занесены в его книжку потому, что Овчинников предполагался ко введению в создаваемый русский центр, Якубович же не предполагался, и, таким образом, именно у Овчинникова должна была явиться возможность предъявлять «господам приезжим» те или иные требования. То, что эти заметки принадлежат Якубовичу, устанавливается не только рукою Якубовича (рукою Якубовича за это время написаны и другие дошедшие до нас документы, ему, повидимому, не принадлежащие), но и его собственным признанием.

---

[1]) Ф. Виноградов, Из жизни П. Ф. Якубовича в Кургане, «Каторга и ссылка», 1929 г., № 6, стр. 143—151.

[2]) Все вышеприведенные факты заимствованы из дела департамента полиции, 3 делопр. 1903 г., № 1671, «О мещанине Петре Филипповиче Якубовиче».

Несколько сложнее история второго документа, «письма к товарищам». Он дошел до нас в копии, найденной при обыске у Лопатина, и не был приурочен ни к одному из лиц, как преданных суду, так и сосланных административно, и не обратил на себя должного внимания следственных властей. Поэтому и показания подсудимых, в том числе и Якубовича, не дают нам никакого ключа к установлению происхождения этого письма. Если внимательное его чтение однако сразу же покажет ряд сходных моментов и в заметках книжки Овчинникова и в содержании этого письма, то это предположение об авторстве Якубовича найдет себе решительное подтверждение в указании одного письма Лопатина о циркулировании письма именно Якубовича против Исполнительного Комитета.

Что касается до писем Якубовича, то приходится отметить лишь то, что печатаемые письма, частью захваченные при обысках, частью перлюстрированные, составляют лишь часть значительной, повидимому, деловой переписки, которую вел Якубович.

Наконец, показания Якубовича печатаются нами не все. Мы приводим ниже основные показания Якубовича, в которых он дает связное повествование о своем участии в революционном движении, либо о характере организаций, в которых он участвовал, и опускаем те мелкие его показания, которые были им даны по ряду частных вопросов, ему предлагавшихся. Читатель этих показаний довольно легко заметит разницу двух этих групп: первой, когда Якубович был еще в неведении о сумме фактов, уже известных властям, и давал поэтому объяснения лишь по поводу вещественных доказательств, а для того, чтобы найти себе выход из таких бесспорно уличающих его фактов, как, напр., его письма-автографы, для этой цели ввел фиктивное и созданное лишь его литературным воображением лицо «Зиновия Андреевича»; и вторую группу, когда маска этого «покойного» руководителя и друга была сброшена, и Якубович давал показания, обусловленные лишь желанием не впутать еще кого-нибудь, но уже довольно точные (не во всем, конечно) в отношении себя самого [1]).

С. Валк.

I. Март 1884 г. Заметки в записной книжке М. П. Овчинникова [1]).

1) Передовая статья, кроме общих фраз о политической борьбе, должна трактовать о необходимости популяризации партии в народе,

---

[1]) Из печатаемых ниже документов показания воспроизводятся нами по подлинникам в деле Петербургского военно-окружного суда, 1887 г., № 298, т. V. Остальные материалы печатаются по копиям: записка в книжке Овчинникова — во всеподданнейших докладах за 1884 г., т. I, 23—30 апреля 1884 г.; письмо к товарищам — в упомянутом деле, т. I, лл. 42—43; киевские письма — в деле департамента полиции, 1884 г., 4 делопроизв., № 293; письма Н. М. Саловой, в деле департамента полиции, 1884 г., 4 делопроизв., № 417, т. II и дело суда, т. I и т. V; письма И. И. Попову и Моисееву — то же дело департамента полиции, лл. 9—17 и 291—293; письма Тихомирову — во всеподд. докл. 1884 г. (Архив Рев. и Вн. Пол.). Все подчеркнутые в письмах места, кроме оговоренных особо, а также в письме И. И. Попову, в подлинниках были зашифрованы. Пунктуация копий писем в ряде случаев не сохранена, как явно ошибочная версия копииста.

во-первых, путем пропаганды (главным образом печатной) и, во-вторых, введением в сферу террора лиц, более понятных народу и близких к его непосредственным интересам.

2) Мы, пятеро представителей работавшей в последнее время организации [2]), являемся ли в настоящем собрании, по мнению гг. приезжих [3]), голосами совещательного характера или же решающего и равноправного с ними. Иными словами: смотрят ли они на Исполнительный Комитет как на группу уже организованную или организующуюся?

В виду уяснения недоразумений мы ставим следующие вопросы:

А) На каком основании лица, живущие за границей, узнав в августе месяце об истинном значении Дегаева [4]), не сообщили этого немедленно в Россию?

Б) Если правда, что ему было предписано в течение недели уничтожить Судейкина, то чем объясняется дальнейшая скрытность?

В) Почему немедленно по получении показаний Дегаева они не были отправлены в Россию [5])?

Г) Вопрос о Стасе [6]), знавшем истинную роль Дегаева еще в апреле 1883 года.

Д) Вопрос о шпионах.

Е) Исполнительный Комитет есть ли группа выборная или не выборная (в настоящую критическую минуту, т. е. вопрос момента, а не принципиальный)?

4) Существует ли Исполнительный Комитет? История его? Как его найти? Если он существует, то как появился Дегаев, когда об нем знали Нат. Гр., Тихомиров [7]) и др.? Почему оставшиеся члены Комитета только теперь вздумали заявить о своем существовании?

З а к л ю ч е н и е. Чего мы требуем и в случае неисполнения чего мы разойдемся:

1) Исполнительный Комитет, раз он существует в настоящее время в непрерывной связи с Комитетом 1879 г., должен быть ответствен: а) за молчание во время деятельности Дегаева и всей его организации, которую Комитет санкционировал в лице Льва Тихомирова, б) за то, что, узнав об истинной роли Дегаева, не дал об этом немедленно знать в Россию, в) за то, что немедленно не прислал показаний Дегаева, г) одним словом, за гибель целых сотен людей, за потерю обаяния партии в обществе, за деморализацию в революционной среде и т. д.

Раз группа, именующая себя Исполнительным Комитетом, виновна во всем этом, мы не можем ей повиноваться.

2. Апрель 1884 г. Письмо к товарищам.

В виду крайней серьезности настоящего момента, требующего немедленного соглашения всех деятелей и немедленной выработки общего организационного плана, а также в виду настоятельной потребности выступить, наконец, перед обществом с действительно солидной и отчетливо формулированной программой работы партии и тактики ее по отношению к различным слоям населения, мы, нижеподписавшиеся члены различных организаций [8]), считаем своей нравственной обязанностью высказать наш взгляд на современное положение дел, на средства разрешить путаницу и гарантировать будущее от подобного же хаоса. Это тем более наш нравственный долг, что мы не имеем никаких осязательных данных для слепой веры в то, что юридически существующий центр стоит на правильном пути к разрешению этих сложных вопросов и обладает для того достаточными силами.

Прежде всего, во избежание всяких недоразумений в будущем, мы категорически заявляем, что впредь не допустим никакого соприкосновения С. П. Дегаева с действующей внутри России организацией, как человека, принесшего, по нашему глубокому убеждению, делу русской революции страшный вред, как фактический, так еще более нравственный, как человека, сознательно тормозившего стремление активных сил к организации и борьбе с врагом и ровно ничем не искупившего своей вины перед партией и родиной. Из подобного взгляда на С. Дегаева естественно вытекает и наш взгляд на так называемый революционный съезд 17—19 октября 1883 г. [9]) и на его решения. Мы отнюдь не протестуем против самого факта съезда, потому что в этом смысле считаем его вполне законным и необходимым, но, во-первых, на нем присутствовало меньшинство лиц, имевших на то полное право, меньшинство, находившееся к тому же в течение целого года под деспотическим произволом одного человека, занявшего такое положение в партии единственно в силу своих законных связей, а не благодаря нравственной силе или умственному превосходству. Во-вторых, созыв съезда произошел так внезапно и притом с такими предупреждениями и просьбами не поднимать таких-то и таких-то вопросов, что притти к каким-либо свободным и неизменным решениям съезд не мог. И действительно, предложение избрать Распорядительную комиссию с диктаторскими полномочиями, сразу указавшее на лицо, которое будет президентом этой комиссии, было естественным и неизбежным концом съезда. Программный вопрос, обсуждавшийся, действительно, с большей свободой, нежели организационный, также, в конце концов, был скомкан и недостаточно

ясно разработан. Плоды подобной постановки дела вскоре сказались. Право диктатуры, предоставленное комиссии членами съезда в известных только пределах и, во всяком случае, неясно формулированное, фактически стало полным правом. Остальные члены собрания обратились в сырой материал, которым комиссия могла распоряжаться по своему усмотрению. Право комиссии самостоятельно пополняться новыми членами, также не вполне ясно формулированное, право — очень опасное, в виду малочисленности комиссии — обратилось также в факт. Она стала какой-то несменяемой диктатурой. Но несмотря на все это мы свято повиновались решениям съезда до тех пор, пока видели к этому малейшую нравственную возможность, пока доверяли главе комиссии. Теперь положение дел иное; карты, в которые шла с нами игра в течение целого года, раскрыты, и мы считали себя в настоящую минуту, если не единственными вершителями революционных судеб России, то призванными к революционному делу с тем же правом голоса, как и кто бы то ни было. Глубоко уважая некоторых лиц из центра, существующего в России и за границей, мы не можем, тем не менее, скрывать от себя и от них (в общественных делах такого серьезного характера нет места какой-либо ложной деликатности, щепетильности), что первые составляют меньшинство деятелей в России, слабое не только по количеству, но и по средствам, какими оно располагает, — что же касается вторых, находящихся за границей, то еще раз заявляем о нашем глубоком уважении к некоторым из них, остальные [же] или совершенно неизвестны нам по своему революционному прошлому или так давно выехали из России, что могут вступить, как нам кажется, в действующую организацию только на равных правах со всеми начинающими работниками.

Таким образом желания наши заключаются прежде всего в следующем: № 10 «Народной Воли», которому мы придаем громадное значение, должен быть составлен не остатками Распорядительной комиссии и ее литературных агентов и тем более не за границей (на том основании, что № 10 должен иметь в высшей степени жизненный и боевой характер), а здесь в России и с ведома представителей всех работающих в России групп. Особенно это имеет смысл по отношению к передовой статье. В данном случае не может быть и речи о какой-либо редакции, в дела которой мы не имели бы права вмешиваться. Во-вторых, серьезно обдумав настоящее положение дел, мы пришли к такому взгляду на организацию партии «Народной Воли». Строгий централизм в революционных делах, по нашему убеждению, безусловно необходим, как и прежде, но на несколько иных основаниях.

Время Исполнительного Комитета, имя которого, конечно, успело сильно популяризироваться и потому должно остаться в революци-

онной истории, хотя бы и в виде фикции, тем не менее, миновало; в действительности, в Исполнительном Комитете, как в особой группе, стоящей вне местных интересов и руководящей ходом дел, в такой группе нужды больше не имеется; она только тормозила бы широкий рост революционной организации, революционной мысли и инициативы. Централизация «Народной Воли» должна быть построена, по нашему мнению, на совершенно иных началах. Центр партии должен состоять в настоящее время из суммы местных центров, т. е. из представителей местных групп. Орган единства и само[со]знания этого центра — революционный съезд, периодически собирающийся и состоящий из 5—10 человек, из которых каждый заручается полномочиями от своей группы, за пределы которых не может выходить. Все функции революционной деятельности (что легко понять) сводятся к функциям чисто местного характера и значения: местный террор, издание местных революционных органов, типографское и паспортное дело, пропаганда и агитация в обществе, в молодежи, в рабочих классах и т. д. Только две функции выходят из пределов местных интересов и обнимают интересы всей партии, имеют общее революционное значение: издание центрального революционного органа, в котором, в литературной форме, выражается единство и самосознание партии, и ведение общеполитического и, быть может, общесоциального террора, но это вовсе не такие функции, чтобы из-за них следовало создавать какой-то срединный *) центр с диктаторскими полномочиями. Съезд может избрать из своей среды 1—2 личности наиболее интеллигентные и, так сказать, литературные, которым и поручит, совершенно самостоятельно, составить центральную редакцию и вести литературное дело. Контролем над редакцией будет следующий съезд, который может снова утвердить избранных перед тем литературных агентов и может сменить их.

Тот же съезд избирает из среды своей нескольких лиц, которым поручает создание боевой дружины, и такая боевая дружина будет только исполнительным органом съезда, обсуждать же общий характер террора и даже намечать лиц, подлежащих казни, может только съезд. Гарантией тайны подобных решений и приговоров будет малочисленность членов съезда, их строгий подбор и строгая централизация местных групп. Наконец, что касается сношений между организациями, то в настоящее время, а равно и в ближайшем будущем, таких организаций предвидится не бесчисленное количество, и гораздо удобнее, быстрее и конспиративнее будет самостоятельное сношение их друг с другом, без всякого посредства каких-либо цен-

*) Так в копии.

тральных бюро. В заключение мы предлагаем немедленный съезд после выпуска № 10, приготовляться же к этому съезду (в смысле намечения лиц, выбора места, изыскания денежных средств и т. п.) следует, по нашему мнению, начать теперь же.

3. Письмо М. П. Шебалину [10]).

21 февраля 1884 г.

Михаил Петрович. В тот день, как выедете, телегр[афируйте] в Пушк[инскую] ул. Пал[е]рояль, Эртелю [11]). Ваш гонорар выслан. Кулишер. Для нас это важно. Если найдете необходимым выехать с супругою [12]), прибавьте слововесь (т. е. гон[орар]). Возможно это для нас в смысле заготовления для *) кв. и т. п.

Алекс[андр] Иван[ович].

Конец.

4. Письмо М. П. Шебалину.

28 февраля 1884 г.

Третью и четвертую страницу отдайте Мак[ару] Ник[олаевичу] [13]). Мих[аил] Петрович. Не скупитесь, пожалуйста, на письма. Столько человек и писать почаще не можете. Если думаете немедленно ехать на наше приглашение (а почему вы не сделали этого, не могу себе представить — здесь быть в наст[оящую] минуту, без сомнения, важнее), то почему не телегр[афировали], как я просил в последнем письме (вчера, по кр[айней] мере, днем — не было). Приезжала ли барыня с письмом от Алексея [14])? Мы письма не посылали, но отправили несколько десятков прокл[амаций], от «Союза» [15]). На все, что пишет Алексей, повторяю еще раз, — не обращайте внимания. Теперь имею тем большие основания говорить, что приехал на днях Ив[ан] Алекс[андрович] (старик [1]) и до того возмущен деятельностью Станисл[ава] [6]), на котором зиждется все величие, весь ум и все «полномочия» Алексея, что не хочет признавать в настоящее время никакой распр. **), а с Ал[ексеем] не хочет никаких дел иметь и потому уже, что его ровно никто во всем нашем мирке

*) Так в копии.

**) Так в копии; быть может, имеется в виду Распорядительная комиссия, которая, впрочем, в Петербурге еще не появилась.

не знает и никто не ручается. Редакция (13, 12 [16]) и др.), также порвали с Алексеем, и мы приступили к печ[атанию] номера [17]). Ив[ан] Ал[ександрович] останется здесь устраивать на широких началах паспо[ртное] бюро, явился еще один человек из Сибири [18]). О Вас[илии] Ал[ексеевиче] [19]) пока ни слуху ни духу. Не знаете ли вы чего-нибудь? Мих. Петрович и М[ихаил] Адамович [20]) ждем. Пишите поскорее, как то дело. Вот если бы!..

Ваш Алекс[андр] Ив[анович].

Конец.

5. Письмо М. П. Шебалину.

29 февраля 1884 г.

Только в руки Мих[аила] Петровича.

Только в руки М[ихаила] П[етровича] или Прасковьи Фед[оровны] [21]). Дорогой М[ихаил] П[етрович] и многоуважаемая Прасковья Фед[оровна]. Пишу вам это письмо и почти убежден, что вас нет уже в живых. Сегодня приехал Мих[аил] Ад[амович] и как громом поразил нас вестью, что вы все еще на лег[альном] полож[ении]. А между тем в Петербурге составлен уже относительно вас официальный обв[инительный] акт, и ваша фамилия известна всем. Если вас не взяли до сих пор, то или по какому счастливому и небывалому в летописях русского государства недоразумению или же с шпионскими целями, что еще хуже и страшнее. И отчего же вы до сих пор не писали мне о вашей халатности (я одно всего письмо получил, в котором ни слова об ней не было). Я был убежден, что решение, принятое в день моего отъезда, исполнено. Получили мою телеграмму за подписью М. П. [21]) и приняли ль ее во внимание? Если нет, то теперь, в этом письме, и уже в последний раз повторяю я вам, как друзьям и товар[ищам], убедительно прошу ради вас самих и ради дела: переходите на нелега[льное] пол[ожение], т. е. бросьте немедленно кв[артиру]. И если нет над[ежного] дубл[иката], то или поскрывайтесь некоторое время в Киеве или же, самое лучшее, отправляйтесь немедленно-немедленно сюда. Здесь, во-первых, вас решительно никто не знает, во-вторых, у нас хорошо организовано квартирное дело, так что недели две легко прожить без паспорта, в третьих — здесь нужно ваше присутствие. Ну, конечно об этом раз навсегда. Теперь о делах. К вам приехал Павел Иванович [22])... Думаю, что вы преждевременно поступили, отдав ему все связи, зная, кто он и как он ведет дела. Это во-вперых, а во-вторых, вот что. Приедут сюда этаких 8 господ [23])

с целью мудрить над нами. Они там — решили, видите ли, то-то и то-то, и мы должны их слушаться. Общество ждет нового слова от передовицы, а они привезли общие фразы [24]). Мих[аил] Ад[амович] прочитал имеющуюся у нас передовую статью и в восторге от нее [25]). Т и п [о г р а ф и я] н а ш а [26]) стоит недурно, что можете видеть по присланной вам п р о к л [а м а ц и и] С о ю з а, и мы приступаем к п е ч [а т а н и ю] н о м [е р а]. Привезенной Павлом Ивановичем статьи не возьмем ни за что — это значило бы разочаровать людей и нанести делу громадный вред. Во всяком случае нашу передовицу пустим под конец, чтобы успеть дать ее прочитать возможно большему числу лиц. Если будет наша статья взята, то может быть еще нечего *) будет помещать объявление о Сергее Петровиче [27]). Затем есть горячая и прекрасная статья о конституц[ионалистах], противоположного прежней содержания [28]). Затем статья о Неустроеве с его предсмертным письмом [29]), затем арестная хроника. Жаль, что денежного отчета не прислали с М[ихаилом] А[дамовичем]; что касается внутреннего обозрения, то если пойдет наша передовица, довольно объемистая, то и без него на первый раз можно обойтись — в «Вестнике» [30]) есть прекрасное вн[утреннее] об[озрение], от номера же публика ждет главным образом перед[овой] статьи, но может быть, и вн[утреннее] об[озрение] будет. Дальше вот что. Жаль, что за границей так и не подняли вопроса о том, что за птицы Стась и Ал[ексей] Кон[стантинович] (поведение обоих в высшей степени двухсмысленно). Кривенко [31]) просит из дома п р е д [в а р и т е л ь н о г о з а к л ю ч е н и я] не доверять А[лексею] К[онстантиновичу]. Затем наводили справку в военных кр[ужках] и в полку, в котором он служил, никто даже не знает его. Все это следует принять во внимание. Наконец, если бы все эти подозрения были и неосновательны, то почему он держит в своих руках такие важные связи, чем он заявил себя для такого огромного доверия? Что касается его революцион[ных] способностей, то он за это время заявил себя абсолютной бездарностью: единственное, что можно поставить ему в заслугу, — чиновничья пунктуальность. В заключение всего, человек мерзкий, мелочный, лживый. Впрочем, боюсь, чтобы в конец не обвинили меня в пристрастии и личной вражде. Но лично я вполне доверяю своему внутреннему чутью — и работать вместе с Алексеем отказываюсь. Помимо того, что я сказал выше о Павле Ив[ановиче], если бы он не рассердился на то, что его инкогнито перед мной нарушено (хотя я сохраню его в страшной тайне), я послал бы ему теплый привет. Он, значит, в тысячу раз лучше, чем я думал про него. Но он человек, привыкший

*) Так в копии.

ходить на помочах, не умеющий распознавать людей, халатный и пр. и пр. и мне неприятно, что не те прекрасные юноши или не другой кто-нибудь, а он будет стоять во главе киевских дел [32]). У А[лексея] Ко[нстантиновича] д у б л [и к а т о в] нет, у нас пока лишних также, но есть надежда, что в течение двух-трех недель будет много. Передайте Павлу Ив[ановичу] адрес нашей группы — пусть пишет. Около нас, во всяком случае, все русские (здешние) силы; Мих[аил] Ад[амович] (он не будет видеться с Ал[ексеем]), Ив[ан] Ал[ександрович], Алексей Павл[ович] [33]) (приехал), ждем Вас[илия] Ал[ексеевича], другие лица — легальн[ые] и нелегальн[ые]; литераторы, окончательно порвавшие с Алексеем [34]), у нас же и тип[ография]. Ал[ексей] Кон[стантинович] один, с Стасем за спиной, с своим сомнительным происхождением и, к сожалению, с явкой, на которую будет являться народ. Напишите, сколько вам нужно денег.

А л е к с а н д р И в а н о в [и ч].

6. Письмо М. П. Шебалину.

4 м а р т а 1884 г.

Пасп[ортное] бюро наше все еще в плохом положении, т. е. нет бланков и дубликатов, резчики же у нас великолепные, и печатей заготовлено уже много. Следовательно, выслать вам в настоящую минуту пасп[орт] не можем. Но если бы вы, Мих[аил] П[етрович] и Пра[сковья] Фед[оровна], явились сюда, то для М[ихаила] П[етровича] есть прекрасный подлинный документ (только для Питера годный). Пр[асковье] же Ф[едоровне] изготовили бы паспорт в близком будущем или же предложили бы к ее услугам массу квартир для спокойного проживательства (так, напр., в с а м о й т и п [о г р а ф и и]). Что касается этого последнего учреждения, вы совершенно напрасно сомневаетесь: прокл[амация] Союза вышла прелестно, гораздо лучше чем ваш первый опыт [35]); затем на-днях вып[ускаем] пр[окламацию] Исп[олнительного] К[омитета] с согласия А[лексея] К[онстантиновича], Ив[ана] Алекс[андровича], Алексея Павл[овича], теперь у нас — это произведенье уже верх совершенства, все думают, что это дело л е г [а л ь н о й] т и п [о г р а ф и и][36]). Прибыл ваш с т а н о к из Москвы [37]), достали еще здесь и на-днях надеемся еще достать. — Р а м а и в а л таковы, что можно п е ч [а т а т ь] зараз ч е т ы р е с т р [а н и ц ы], четыре н а б о р н и вне т и п [о г р а ф и и] и вполне достаточное число н а б [о р] щ и к о в. П е ч [а т а т ь] рассчитываем три тысячи э к з. Теперь о л и т [е р а т у р н о й] стороне дела. П е р е д [о в а я] должна

быть помещена непременно та, какая у нас — прекрасная, по мнению всех, кто ее читал, и действительно отвечающая тем надеждам, которые на нее возлагаются, а не та шумиха общих фраз, которую, по словам Мих[аила] Ад[амовича], привез к вам из-за границы Павел Ив[анович]. Затем у нас имеется статья о конституционалистах, противуположная прежней по содержанию, но такая, под которой, конечно, всякий народоволец в настоящее время подпишется без брани, но и без расшаркиваний. Дальше статья о Неустроеве (с его предсмертным письмом), которая уже н а б и р [а е т с я], арестная хроника и денежный отчет. Внутреннее обозрение придется отложить до следующего раза, во-первых, потому, что номер и без того выйдет очень велик, а во-вторых, теперь и не успеть создать чего-нибудь солидного, тем более, что есть прекрасное внутреннее обозрение в «Вестнике». Если бы вы прислали поскорее вашу варшавскую корреспонденцию, которую мы дополнили бы имеющимся у нас польским материалом, да пообделали бы — и все будет готово. Что касается статейки о С[ергее] П[етровиче] [27]), то если она так умна и тактична, как отзывается об ней Мих[аил] Ад[амович], то, конечно, можно бы ее напечатать; но необходимо ли это? Обдумаем этот вопрос еще раз строго и хладнокровно. Мнение всех питерцев, за исключением А[лексея] К[онстантиновича], попрежнему отрицательное. Об этом деле давно уже замолчали и те, кто говорил, а мы его раздуем. Не домашнее ли это наше дело, до которого нет дела обществу? Во всяком случае, заявление это много вреда принесет, а пользу— какую? Во всяком случае, надо скорее собрать голоса по этому вопросу, и, вероятно, гг. заграничные не станут настаивать на большей силе с в о е г о голоса. Да и имеют ли они на это право, кто бы они там ни были? — Пишу после перерыва, и потому не помню на чем остановился, — быть может, на середине предложения. С А[лексеем] К[онстантиновичем] мы порвали всякие сношения, связью служит только А[лексей] Павл[ович], который уже начинает бояться его, как и все.

Из-за границы пока, кажется, никто не приезжал, и потому вышлите немедленно статью о С[ергее] П[етровиче] и все прочее з а к [а з н ы м] п и с [ь м о м], на случай оставив у себя дубликаты, по следующему адресу: Литейн[ый], дом одиннадца[ть], кв. двенадц[ать], Апполинарии Андреевне Хворостанской [38]). Пишите скорее, скорее.

А л е к с а н д р И в а н [о в и ч].

Конец.

7. Письмо М. П. Шебалину.

5 марта [1884 г.]

Мих[аилу] Петровичу посылаю еще письмо вслед за вчерашним. — У нас нет адреса, по которому можно было бы послать вам имеющиеся у нас печатные произведения — от «Союза» и от И[сполнительного] К[омитета] — последнее гласит следующее *):

«От Исполнительного Комитета партии Народной Воли. Правительство назначает денежные награды в несколько тысяч рублей тому, кто предаст лиц, казнивших начальника тайной полиции, жандармского подполковника Судейкина. Исполнительный Комитет объявляет, что смерть грозит каждому предателю».

Если можно, отпеч[атайте] их у себя, но они имеют значение, конечно, главным образом, для простонародных масс, для мира дворников, швейцаров, лакеев, рабочих и т. п., а не для интеллигенции. В виду этого у нас было широко организовано распространение этих прокламаций в Питере: в определенный день и час назначенные для того кружки и лица расклеили их и разбросали в конвертах 1 000 экз., каждый в избранном им участке. Это событие произвело большую сенсацию; два дня после того ходили по городу патрули, и был увеличен штат «наблюдателей». Послали по нескольку сот в Москву, в Харьков и даже Казань. Как видите, работаем. Ах, если бы вы, Мих[аил] П[етрович] и Пр[асковья] Фед[оровна], приехали к нам, захватив с собой хоть немного п р о б е ц **). Главным образом п р о п [и с н ы х] б у к в. Тогда мы на удивление всему свету сгрохали бы н о м [е р]. Но так как, приедете вы или нет, стало очевидно, что честь о т п е ч [а т а н и я] н о м [е р а] выпадает на нашу долю, и мы уже приступили к делу, то привозите или присылайте по вчерашнему адресу, но лишь бы елико возможно скорее и н о с т р [а н н о е] о б о з р [е н и е], с т а т [ь ю] о С [е р г е е] П [е т р о в и ч е], д е н [е ж н ы й о т ч е т], а р [е с т н у ю] х р [о н и к у], особенно киевскую и пр. Пожалуйста, поскорее. Что касается с т [а т ь и] о к о н с т и т [у ц и о н а л и] с т а х, то сегодня начались по этому поводу разногласия, и, вероятно, этот вопрос, как вопрос своего рода программный и коллективно еще не решенный, придется отложить, Ergo, и статью. Вас[илий] Ал[ексеевич]***) пишет, что его задержало

*) В копии текста прокламации нет, а есть лишь пометка кописта: «Следует текст прокламации по поводу объявления о розыске Дегаева». Этот пропуск восстановлен нами по подлиннику прокламации, которая намечена: «СПБ. 26 февраля 1884 г. Тип. партии Народной Воли».

**) Так в копии; речь идет, очевидно, о шрифте.

***) В копии: Ан.

безденежье, но теперь ему деньги посланы, и он должен быть на-днях. Жалуется на неписьменность киевлян. Не упрямьтесь, М[ихаил] П[етрович], приезжайте.

Ваш Алек[сандр] Иван[ович].

Конец.

Мих[аил] Ад[амович] говорит, что посылки на Фунд[уклеевскую] улицу нужны большие, непременно большие — не меньше пуда. Вышлите другой адрес, более легковесный.

8. Письмо М. Н. Васильеву *).

13 марта 1884 г.

Дорогой Макар Николаевич. Ответьте хоть вы поскорее на это письмо, если так упорно молчат те, кто обязан вести правильную переписку. Не случилось ли с Мих[аилом] П[етровичем] какого несчастия [39])? Послушался ли он, наконец, нашего предупреждения (телеграммой и письмами) и если да, то отчего не едет к нам? Сообщите ему, что на-днях арестован здесь А[лексей] К[онстантинович], и объяснить этот арест мы ничем не можем. Вообще во всей атмосфере что-то напряженное, выжидательное. «Текущие дела» идут ничего себе. Вас[илий] Ал[ексеевич] писал с неделю назад или больше, что едет, да и опять чего-то заглох. Пусть пишут ради бога и пишут немедленно. Неужели у вас крах случился? Этого недоставало. Пусть высылают немедленно привезенное Павлом Иванов[ичем] из-за границы для «Н[ародной Воли»], а также прежнее, что предназначалось для этой же цели, по следую[щему] адресу: (в зак[азном] письме): его превосходительству Андр. Ив. Никонову; во внутр[еннем] конв[ерте] (непременно так) для Марьи Дмитриевны [40]). Адрес: Вас. Остр., восьм. лин., д. № четыре, кв. № четыре. В этой же посылке пусть отправляют и 15 штук (или хоть 10) имеющихся у них солдатских книжек, которые нам очень нужны. Наконец, если до получения этого письма нам еще не было писано (на-днях) никем из вас, то, пожалуйста, немедленно отправьте телеграмму Эртелю, Пушкинская ул., Пале Рояль, за подписью Кулишера, утвердительного характера в случае благополучия и отрицательного — наоборот. Это непременно сделайте. Очень беспокоимся. Денег, в крайнем случае, сейчас же вышлем.

Александр Иванов[ич].

*) В дешифрованной копии этого письма зашифрованные места не имеют особых отметок и поэтому не установлены.

9. Письмо Н. М. Саловой * [41]).

[А в г у с т.] В т о р н и к.

Очень жаль, что неудачи наши с поисками недостающего все еще продолжаются. Нам удалось достать образец и, что касается клише [42]), то Г[ригорий] П[етрович] [43]) оказался прав, что вырезать нужно только наиболее крупную вещь. Затем г о д п я т ы й и ч и с л о вверху у нас есть. Нужно, значит, достать только немного п е т и т а для боковых штучек и для середины несколько букв, которые, повторяю, легко достать у ш а н с о н а [44]). Не дожидайтесь, пока скопится все, т. е. п е т и т а д л я х р о н и к и и о т ч е т а, тем более запасной ш р и ф т, а все усилия пока направьте только на к л и ш е. Тогда можно приступить к работе, а пока дойдет до х р о н [и к и], авось, и отыщется желаемое. Если же нет — туда пустим к о р п у с. Лишь бы поспеть к сентябрю: теперь, при таких проволочках, даже и это желаемое. Мы приступаем к т и с и [е н и ю] с т р а н и ц, о которых я писал вам. Выходит нечто блестящее для первого раза. Конечно, лучше бы подождать Г. П., чтобы посоветоваться с ним насчет кой-каких мелочей, но время не терпит — и, не см[отря] на неполучение от вас никаких инструкций на этот счет, я все же считаю лучшим рискнуть. Если же существует, пусть и к нам забредет 2 № «Вестника», а мож[ет] быть, и еще что-нибудь интересное. Вот, если бы запасного ш р и ф [т а] побольше — тогда дело пошло бы. Всяких вам благ земных и небесных. Да еще вот что. Ключ наш [45]) вечно напоминает, будто между нами все еще лежит что-то, что в один прекр[асный] день может снова воскреснуть, а между тем теперь я всеми силами души хочу и молю, чтобы это не повторилось. Страсти, вызванные страшным нервным напряжением, кот[орое] длилось перед тем столько времени, теперь улеглись, ум прояснился — и я сознаю, что, будучи во многом правым, я лично много сделал ошибок и проступков, кот[орых] теперь не повторил бы. Не виню себя и не каюсь, пот[ому] что тогда я верил в правоту каждого своего шага, и все они были искренни, но сознаю, что увлечение и страстность завели меня дальше, чем я пошел бы в прежнее время и теперь. Мы и теперь в очень многом расходимся с Г. П., но — расхождение не таково, чтоб выносить его на площадь. Впрочем, тут не переговорить обо всем. До свидания.

Ваш А [л е к с а н д р] И [в а н о в и ч].

Конец.

---

*) Химический текст.

10. Письмо Н. М. Саловой *).

14 сентября 1884 г.

№ 4. Спешу ответить на № 6 (что касается № 5, то почти ничего не мог разобрать — повторите, пожалуйста, факты). За посылку спасибо. Упакована прекрасно и получена без задержек. Ради бога перешлите Г[ригорию] П[етровичу] след[ующее] письмо: «Почтеннейший Г[ригорий] П[етрович]. Вам, конечно, тяжелее нашего замедление с ном[ером], находясь в самой сутолоке револ[юционной] жизни. Но — помните — при вас мы, чисто по-плюшкински, рассчитали, что раньше 15-го выпуск немыслим. Естественно, что действит[ельность] представила кучу препятствий, о кот[орых] мы и не подозревали. И вот дней на 10, а то и всех на 15 дело затормозилось. О том, что усердие прилагается полное — говорить, конечно, нечего; но теперь я ручаюсь только вообще за сентябрь. Кроме технич[еских] затрудн[ений] одно время внешние обстоятельства (аресты) заставили нас чуточку присмиреть и потратить дня два-три. А самое главное вал. Даже последний (медный), заказ[анный] здесь, неудовлетворителен, и мы можем делать в день — самое большее — 400—500 экз. (одностор.). Будь же возможность хорошим валом прокатывать по листу один только раз, мы, конечно, делали бы в день даже больше 1 000 экз. В виду всего этого не упрекайте и... помиритесь с поздним выходом. При хорошем вале, для будущего, у нас всетаки, вероятно, лучше, чем где-либо. Варш[авскую] корресп[онденцию] я убедительно просил и прошу Е[вгению] А[лександровну] [41]), а теперь вас, отложить до «приложения», вот почему. Без нее можно вогнать номер в $3^1/_2$ листа, с ней же выйдет еще одна форма, на кот[орую] потребу[ется] еще несколько дней, а между тем и без того, как я сказал выше **), — так как добиться, чтоб помеченный на 1-м листе «Сентябрь» соотв[етствовал] истине. При этом, если у нас выкинуть, то следует, конечно, выкинуть и у наших коллег [46]). Да, по моему, и резон не делать исключения именно варш[авской] корреспо[нденции], содержание которой к тому же излагается почти все в «договоре» [47]) и арестной хронике.

Ваш А[лександр] И[ванович].

Пишите, пишите.

---

*) Химический текст.

**) Далее в копии очевидный пропуск.

11. Письмо Н. М. Саловой *).

19 сентября 1884 г.

№ 5. После № 6, на кот[орый] немедленно ответил зак[азным] письмом, по новому адресу, до насто[ящей] минуты не получал от вас больше писем. Теперь о деле. Выеду с первой партией штук в двести в один из 3-х дней: 27, 28 или 29. Хоть голову с плеч снимайте — раньше никак нельзя. Что кас[ается] того, как я приеду, устроюсь и найду сохр[анное] и надежное место на первое время, об этом я уже позаботился, и вы об этом не беспокойтесь. Я принял во внимание и новые правила Грессера (с ума он что ли сошел?) о дворниках, и сам вещей никуда, конечно, не повезу. Кстати: неужели у вас с 4 часов дня действительно никого незна[ко]мого не впускают в дом, не спросив «куда» и «зачем»? В виду этого я убедит[ельно] просил бы вас приготовить мне к приезду п а с п [о р т] — нечего и говорить, что хорошо бы п о д л и н[н ы й]. Но опять к делу. До моего отъезда «мои барышни»[48]) были без всякого надзора и даже, с др[угой] стороны, без особенно радикальных знакомств. Если они не «запачкались» за это время, то я вот что предполагал бы сделать. Утром, в день отъезда, я вышлю вам телеграмму (какого бы ни было содержания) по адресу, кот[орый] вы укажете. На след[ующий] день по получении вами телеграммы, часов в 11—12 утра, я приду к ним (к бар[ышням]) — значит, вам нужно только предупредить их, чтобы непременно ждали. Приду, разум[еется], без вещей, и тогда одна из барышень сама уже сходит по указ[анному] мной адресу и перевезет к себе вещи (для двойной очистки: не зная, конечно, какие вещи); что вы на это скажете? Если согласны, то переговорите с ними — я знаю, что для меня они на все согласятся; говорю, для меня, потому что не знаю, в каких вы с ними отношениях. Ведь для нас самое важное здесь — «чистота» лиц. Затем немедленно же пришлите мне адрес одной из них (я не знаю его), более подходящий, так как они, кажется, собирались жить отдельно. Не забудьте и про адрес для телеграммы. Жалею, что давно не сообщил вам следующего: почерка моего эти барышни не знают, и летом я написал отсюда специально к ним письмо, как бы от моего товарища, извещающего их, что он только что приехал из Ростова на Дону, где оставил меня, что я шлю им поклон, надеюсь быть в половине сентября и т. д. Если вы им ничего не говорили, то и пусть они останутся в этом заблуждении. Еще вопрос: повторите первую фамилию второго некролога: Наддачин, Неудачин [49]), или иначе как? Ответьте, пожалуйста, поскорее. Я, может быть, за неимением времени, больше не буду писать вам, если вы не попросите какого-нибудь непременного ответа. Ваш А [л е к с а н д р] И [в а н о в и ч].

* Химический текст.

12. Письмо Н. М. Саловой *).

20 сентября. Утро.

№ 6. Приходится еще писать и так скоро. — Как пометить: Петерб. и ли же Северн. Тип. партии, о послед. был непрочь и Г[ригорий] П[етрович]. Но ведь недурно было бы и первое, тем еще более, что листы приедут почти сырыми. Но вдруг, если и коллеги наши сделают то же? Непременно сообщите ваше мнение — мож[ет] быть еще успешнее. Потом вот что. Самое бы лучшее — предназначаемое для других городов не везти в Питер, а отправить прямо с «родины». Нет ли подходящего человека? Не доверяя всего, ему можно бы сказать, что человек, повезший уже окольным путем, — не может дальше ехать и ждет себе смены. По приезде моем, мы условились бы окончательно. Что касается Питера, то дня через два после первой, явится вторая более значительная партия.

Отчего не пишете? До свидания.

Ваш А[лександр] И[ванович].

Что касается присылки мне адресов, то не бойтесь. Помнится, я однажды говорил уже вам, что за время конспират[ивной] деятельности я ни разу не записал ни одного адреса, и единственная адресная книжка моя — память, кот[орой] могу похвалиться. Письма всегда имел привычку немедленно уничтожать.

Конец.

13. Письмо Л. А. Тихомирову.

СПБ. 31 октября 1884 г.

Сегодня, 31 окт[ября] (по старому стилю) получил я, наконец, ваше письмо, и, право, оно влило в меня новую бодрость и силу, — конечно, не фактами, которые прискорбны, а своей верой в дело и готовность продолжать его во что бы то ни стало, хотя бы рок сулил нам еще не один раз втаскивать на верх горы камень Сизифа. — Словом — la révolution est morte, vive la révolution!.. Но задумываться, тем не менее, приходится, и даже очень серьезно. Обо всем трудно написать сразу. — Относительно ареста Григ. Петр.[43]) ходит множество вариантов: то, будто, взят он в мин. гос. имущ., то при выходе из госуд. банка. — Последнее правдоподобнее. Указал на него какой-то признавший чин. — на него напало сразу шесть человек, и он не успел уничтожить имевшихся при нем адресов (по слухам из офи-

*) Химический текст.

ц[иальных] сфер, числом 28) [50]. Последнее — факт, так как мне удалось видеться с одной выпущенной особой, взятой именно потому, что ее адрес был найден у Гр. Петр. — Ев[гению] Ал[ександровну] [51]) взяли, очевидно, или во время свидания с ним или несколькими минутами позже. Квартиру ее нашли только три дня спустя (на Озерной ул.). Его квартиру открыли, предъявив карточки дворникам. Фамилии обоих известны. В квартире Гр. Петр. взяли 50 экз. 10 №, целый склад разных изданий и (это, кажется, верно) динамит и даже готовые бомбы. На-днях, слышно, его камеру посетил Толстой... [52]). Царю донесли об аресте видного революционного вожака в ту минуту, когда он собирался в оперу — он немедленно ускакал в Гатчину... Более или менеее интересных подробностей процесса сообщить не могу — сам не знаю. Но вчера разнесся слух, что Ашенбреннер подал прошение о совершении над ним смертной казни, после отказа дал пощечину кому-то из начальства — и расстрелян [53]); что летом расстреляли за то же Минакова в Шлиссельбургской крепости, вы, конечно, знаете [54]). Здесь массовые аресты прекратились. Из 150—200 чел[овек], арестованных между 6—15 числами (по нашему счету), большинство уже выпущено. Тогда арестован еще нелегальный Михаил Сабунаев [55]), 12-го народный учитель Скворцов [56]), на-днях снова взят Алексей Кирпичников [57]). Еще в июле арестован в Павловске прапорщик Губаревич-Рыдабыльский [58]). Уличного шпионства в Питере я подобного не запомню. Сегодня получено известие, что в Москве взято на-днях 29 человек. Раньше несколько, но после 6 окт[ября] арестован там студент Петр[овской] ак[адемии] Виктор Беляевский, теперь его сестра Зоя [59]). В Харькове, в начале октября, слышно, взято пятеро видных людей, между прочим, будто бы, нелегальный Иванов (Сергей). Шифрую указанным вами ключом: с в я з и с Ю г а н и к а к о й, с М о с к в о й т е п е р ь п р о п а л а, должно быть там все п о г и б л и. Ваши письма оба дошли благополучно — не следует ли думать, что мое письмо, хотя бы по чудесной случайности, не читалось? Можете писать еще на тот адрес, по которому посылались к Александре Ивановне [41]) письма № 7 и 9, уже не заставшие ее. Я не знаю этого адреса, но письма с нею получаю и буду получать аккуратно. Не знаю, какой барышне с ужасным именем был адресован № 8 — он не получен. Данные мной прошлый раз адреса тем хороши, что оба фикции. Теперь вот положение здешних дел, как они есть, без преувеличений:

1) Н и г р о ш а д е н е г. Эта вещь, кажется, в последнее время обстоявшая сносно, была прекрасно законспирирована, как и все; но теперь, к сожалению, остается лишь восхищаться красотой конспирации.

2) Этот пункт целиком следовало бы зашифровать, но времени нет — уже утро белеет, а завтра непременно хочу послать письмо. Да и собьешься еще. Напишу так. Руководителей, вожаков, почти нет. Я и относительно себя постоянно мучусь мыслью, что этой роли недостоин; но с горечью предвижу, как скверно отразится на внешнем положении дел даже мой арест. Я все таки сумею, хоть и с грехом пополам, удержать в более или менее стройной связи отдельные части машины, — все надеясь, что вот прибудут товарищи и поставят дело на надлежащую высоту. А одушевление, вызванное 10 №, всеобщее. Не думают (да так и следует), чтобы самоуверенность и энергия передовых статей покоилась только на силах, унесенных последним погромом. Обязательно оправдать это воодушевление. Народ, повторяю, встречается часто очень ценный, но или склонный и способный лишь к специальному делу или молодой, еще недостаточно созревший, еще недостаточно приготовленный к «центральной» деятельности. Впрочем, есть несколько таких человек, и хорошо бы успеть мне посвятить их кое во что, и по возможности, связать. Назову вам нескольких:

a) Лярский — чиновник мин. финансов Булгаревич [60]). Человек солидный, неглупый, надежный, но пользовавшийся с давних пор какой-то странной репутацией в революционной среде. Для малознающих его людей в обращении его сквозит что-то неприятное, будто «генеральство». Но это только манера, явившаяся, может быть, как результат не раз обиженного самолюбия, когда его без причины систематически не подпускали к организации. Мне больше нравится, когда человек беззаветно отдается делу, не справляясь с его значением; Лярский же прямо, без обиняков, говорит, что на «посылушках» быть не намерен. По крайней мере, говорится это громко и чистосердечно. Во всяком случае, мое мнение, что относительно Лярского всегда существовал какой то «предрассудок», не больше. Ему доверяли, с ним были близки (между прочим, и Евгения Александровна), но ввести в какую-нибудь серьезную организацию всегда колебались. Напишите ваше мнение.

b) Николай Иванович Семенов [61]), самый видный из петербургской молодежи. Я уговорил его уехать на время в деревню, пока выяснится одно обстоятельство, которое может заставить его перейти на нелегальное положение.

c) Студент-горец Иоффе, [62]), интеллигентный, симпатичный и очень энергичный юноша.

d) Василий Павлов Моисеев [63]), член прошлогодней рабочей петербургской группы, вышедший из нее весной. Взгляды его на рабочее дело — старого закала: выработка отдельных лиц, главным образом для политической борьбы и на ее почве. Прекрас-

ный и энергичный человек, хотя и узкий несколько. В настоящую минуту, мне кажется, именно такие люди нужны. На него я думаю обратить наибольшее внимание.

е) О других лицах, о типографии, о целой важной группе, в руках которой она, сообщу в следующем письме.

Если же до того времени провалюсь, то обратиться к медичке Розе Франк или Рыковской, — сказать, что от меня «за тьмой египетской». — Здесь Григор. Наум. [64]), о котором я уже писал вам на адрес Fernando (дан мне был на один раз, но я принужден был воспользоваться два раза). Сегодня он еще раз пишет вам о своем деле. Ответьте поскорее насчет двух других пароходов и напишите, что это за человек. Я же об нем ничего и ни от кого не слышал — потому спрашиваю.

3) Что скажете о террористическом факте (Толстой) [65])? Он необходим. Люди есть, бомбы изготовить можно. Затрудняет лишь денежный вопрос и как. Подробно об этом на-днях. Съездить к вам и лично обо всем перетолковать было бы, конечно, очень желательно, но трудно это сделать при настоящих обстоятельствах. И в какой мере необходимо? Адрес, во всяком случае, постараюсь выслать.

Ваш Вяч[еслав].

14. Письмо Л. А. Тихомирову.

3 ноября.

№ 3. Получили ли 1 и 2 №№, посланные уже на указанные вами адреса? В случае моего ареста с вами вступит в переписку, кроме Якова Павловича [66]), еще один человек или 2-й или 3-й из названных мной в 1-м №. С ними ключом вашим пусть будет на первое время хоть: Народная воля, одни гласные. На-днях арестовали и выпустили некоего Пирогова, служащего в правлении конно-железных дорог, потому что нашли его адрес у какого-то Лоренса в Одессе, хотя и зашифрованный, но разобранный ими [67]). Меня всегда смущало это обстоятельство, что они умеют разбирать шифры. Я вот что бы предложил вам, если согласитесь: будем вперед шифровать так, чтобы каждая четвертая цифра ничего не значила. Дольше, но зато вернее. Начну так писать, только когда узнаю, что это письмо вами получено. Это тем более важно, что как бы сами вы не старались умалить свое значение для партии [68]), я не могу не глядеть на вас, как на старшего товарища, к которому всегда стану обращаться не только за духовной поддержкой, но и за советами самого реального характера. Впрочем, об этом я хочу в скором времени специально поговорить с вами. В ближайших письмах я постепенно при-

шлю вам список всех выдающихся лиц, на которых, мне кажется, следует опереться. Такой список у вас, за границей, будет очень полезен — никто не будет потерян из виду из достойных людей, что так часто случалось прежде. Относительно того лица, про которое я уже писал вам, что явилась небольшая надежда на его существование, получил достоверное сведение, что оно было живо еще 17 окт[ября] (по нашему счету), и уже отправил ему письмо [69]). Некоторые сведения относительно типографии я нашел нужным теперь же передать Якову Павловичу; хотя это дело так обставлено, что весьма важно, чтоб знало про него возможно меньше людей. Но то, что я писал вам в № 1, все же имейте в виду на случай ареста и Як. Павл. Теперь о «Вестнике». Я могу сообщить вам некоторую радость: «15-го декабря мне будет выдано одним лицом специально для «Вестника» 500 р., — это деньги не сомнительные, а верные — могу ручаться на том основании, что прежде это лицо никогда не обманывало и давало довольно солидные куши. Затем вообще с нашей стороны будут употреблены все усилия поддержать ваше дело в денежном отношении (500 р. будут высланы аккуратно и без меня). Самое важное, конечно устроить пути в Россию. «Вестник» погибает не от равнодушия публики, а оттого, что она его не знает. Судите сами: в Петербурге за все время 1-го № вряд ли было больше 15-ти, вторых — 10, третьих всего 2... Это ли не досада? На юге, говорят, больше. Масса лиц предлагает по 20-ти, по 50-ти и даже больше рубл[ей] за экземпляр, но удивительно ли, что не хотят давать денег вперед, когда вечно только и слышат что о провалах транспортов книг. А почему происходили эти провалы? Потому что нередко, слыша краем уха (говорю про известный мне случай), что где-то и каким-то образом уже предполагается провоз, отстраняли массу довольно солидных предложений частных лиц. Мимоходом: известен ли вам один богатый армянин в Париже (эмигрант), очень богатый человек, сочувствующий нашему делу и, кажется, всегда готовый помочь ему? Если вышлете паспорт, то пошлите не посылкой, а ценным или заказным письмом. Может быть, действительно, кому-нибудь понадобится рано или поздно поехать. Но как дорого и как долго обошлась бы и продолжалась бы эта поездка? По каким адресам высылать материалы для «Вестника»? Напр., у меня все еще лежит окончание рукописи о положении карийских каторжан. Пишите обо всем, обо всем: это необходимо.

Ваш В я ч[е с л а в].

15. Письмо провинциальным народовольцам.

Уважаемые коллеги! Вот уже месяц, как над Питером разразился страшный погром, и мы, оставшиеся здесь люди, сидим оторванные насильно от иногородних товарищей, между прочим, и от вас. Я делал

несколько попыток к восстановлению с вами сношений — несколько раз писал на адрес, привезенный сюда известным вам Василием [63]), но ответа до сих пор никакого не получил, а между тем разнесся слух о вновь происшедших арестах и у вас. Поехать к вам кому-нибудь из организации не представляется возможности (по разным, очень веским причинам), и таким образом вторично приходится отправить с настоящим письмом простое посредствующее лицо. Надеюсь, что, прочитав это письмо и узнав наш адрес и ключ, вы не замедлите ответом или же, что еще желательнее, приездом. Вообще вне Питера нам удалось установить только сношения с заграницей, с некоторыми провинциальными организациями второстепенного и специального характера — и еще напасть на след Василия Алексеевича, который был жив 17-го октября (написал от этого числа письмо) и которому также отправлено письмо. Вот все — так много времени, и так мало удалось сделать. А между тем вам не нужно, конечно, объяснять, что нам необходимо, как можно скорее, снова объединиться, столковаться и приступить к работе. Положение здешних дел следующее. (Способ шифровки и ключ вам должно сообщить лицо, доставившее письмо) *).

Жива типография, паспортный стол, и начато одно важное учреждение; много связей и специальных лиц, но руководителей нет. Это нужно прямо сказать — и в этом трагизм нашего положения. Теперь поймите, почему отсюда никто не может поехать на разведки.

С моим арестом многое может затеряться и погибнуть. Орудовать одному всем также немыслимо. Голова кругом идет, придите скорее на помощь.

Специальных сил, средств и связей много; в публике, в молодежи еще не остыло воодушевление, произведенное номером.

Обязательно нужно скорей соединиться и перейти в наступление. Вот два адреса для писем сюда (непременно солью):

1) Васильевский остров, шестая линия, дом 39, кв. 9, Иван Алексеевич Петровский.

2) Большая Дворянская, 36, квартира 9, Анне Александровне Накропиной.

Пожалуйста, не поленитесь все расшифровать в этом письме.

Отправляю вам 100 экземпляров 10-го №. Нельзя ли прислать нам с этим же человеком хоть несколько экземпляров 1, 2 и особенно 3-го № «Вестника», которого у вас, слышно, много?

Ради бога, скорее ответ. Возможно подробный и обстоятельный. У нас аресты прекратились. Каково положение ваших дел? Наши финансы очень, очень плохи, чтобы не сказать больше, но предвидится

---

*) Далее текст был, очевидно, зашифрован.

получить довольно крупные куши. Но за что можно ручаться в подлунном мире?..

В приписке зовите меня «Вячеславом Михайловичем». Общепринятую кличку мою вам назовет опять то же лицо, передающее это письмо. Последнее, пожалуйста, возможно скорее уничтожьте: перед глазами столько примеров гибели людей от сохранения писем и расшифровываемых полицией адресов, что страшно делается поневоле...

С этим же лицом пришлите ваши адреса.

В я ч е с л а в.

[На конверте надпись:]

Желательно, чтобы это письмо было прочитано человеком организации партии «Народной Воли» и чтобы он лично взял ключ от привезшего его лица.

16. Письмо И. И. Попову [70]).

Дорогой Иван Иванович!

К вам обращаюсь с настоящим письмом — вот почему. Я говорил уже с вами о том страшном положении, в котором грозит скоро очутиться русское революционное движение. Мне кажется, что дело быстрыми шагами клонится к тому, что это широкое движение, могучей волной разлившееся по всей нашей родине (и в этом его сила — умственная и нравственная), может остаться без достаточного количества опытных вождей... А без них, на что надеяться? Только на внутреннюю силу идеи. И нужно, да, нужно верить в то, что наши идеи, в конце концов, восторжествуют. В это и вы, и я, и мы все глубоко верим. Однако «в конце концов»... Странные это слова! Какое пространство времени, какая масса страданий и даже живой человеческой крови может еще предстоять до этого желанного конца! Ведь мы того-то и добиваемся, ведь русские революционеры д л я т о г о - т о и начали свою героическую, легендарно-героическую, борьбу, чтоб приблизить катастрофу, чтобы спасти от лишних, от этих жестоких бесчеловечных мук, быть может, много поколений народа и интеллигенции, отдав им (этим мукам) в жертву одно — два поколения, нас и братьев наших. Ведь таков смысл всей нашей борьбы, всей нашей программы, неправда ли? Но опытных вождей, необходимых для такой героической постановки социального вопроса, становится все меньше и меньше. Кто виной этого? Конечно, прежде всего несчастные стечения обстоятельств, случайности, предательства, измены и пр. и пр. Но только ли это? Если бы только внешние условия нас губили, то какую силу уже могла бы представлять из себя партия «Народной Воли», возродившаяся уже после казни Судейкина, после удаления Дегаева? Что могло бы уже быть сделано нами за этот п о ч т и г о д в р е м е н и? И что мы

сделали? — Мы подняли внутренний раздор, и я один из первых, совершивших это преступление (да, преступление!), — и сколько сил, сколько дорогих, светлых личностей погубила эта внутренняя братоубийственная война!.. Оглянитесь, посмотрите, какая вереница их, погибших в этом году, проходит перед вашими глазами. Один, другой, третий — и все люди, у которых теперешняя, выступающая в качестве «вождей», молодежь должна была еще многому учиться. Не говорите, что их погубили внешние условия. Нет, мы сами губили друг друга, мы своими раздорами устроили и, должно быть, еще устроим, ряд провалов и погромов. — Киевская организация, погибшая в марте, которая (будь в партии единство и тесная солидарность) представляла большую и практическую силу и тогда же могла бы не только выпустить 10 №, к которому и готовилась, но и несколько других важных практических предприятий осуществить, она, благодаря внутренней дезорганизации, борьбе личностей, из-за мелких расхождений в программе (тот же несчастный пункт о фабричном терроре, но тогда еще в самом зародышевом состоянии) должна была сидеть без дела, без денег, без паспортов и ждать, ждать без конца... Чего же они дождались? Их, в конце концов, арестовали, как баранов. А между тем, этот разгром, который, — будь наша нравственность на высоте взятого нами на себя долга, мог послужить сигналом к прекращению внутренней борьбы, к немедленному объединению всех и всего в одно дружное целое, в действительности был только прелюдией к новым, еще более печальным зрелищам. Несвоевременно были выдвинуты мелкие пункты расхождения в программе (о которых в былые времена даже и не подозревал никто...), и возгорелась с новой силой братоубийственная война. Я не хочу сказать, чтобы борющиеся (в числе которых я сам был) делали сознательную подлость, чтобы ими руководили личные цели и побуждения, нет... ими руководили *самые благородные намерения и планы в теории и самая детская, самая тупая близорукость на практике*...

К вам обращаюсь я потому, что вы, несмотря на вашу молодость, имеете сравнительно с нашими новыми товарищами по делу некоторое прошлое, некоторые традиции, — нам с вами необходимо больше чем кому-либо крепко держаться за знамя наших предшественников, учителей и друзей, нам с вами более чем кому-либо нужно дорожить его чистотой и святыней, — потому я к вам и обращаюсь с настоящим письмом. Разум, сердце, связи, кровная связь с прошлым подсказывали, чтобы, разделавшись с Дегаевым, мы все сплотились дружной стеной, подняли валявшееся в грязи знамя, возвратили голос и обаяние нашим поруганным и опошленным этим человеком идеалам, чтобы

мы перешли в наступление, вернули себе честь и могущество. Бояться того, чтобы при такой постановке дела оно замкнулось в мертвящие рамки, чтобы все наши силы *навсегда* ушли в один террор и террор без конца, чтоб этим был загублен дальнейший рост и развитие партии — бояться этого было нечего. Выйдя победителями из гнусного положения, в которое нас поставил Дегаев, мы наверное приступили бы к пересмотру программы и сделали бы это тихо, без шума и без вреда для дела, — *теперь*, в эту минуту, в ноябре 1884 года, пойди работа таким образом, этот пересмотр наверное был бы уже сделан. Сколько людей было бы спасено и насколько ближе стояли бы мы к развязке!.. Помните этот душный 1883 год? Казалось нам всем, что мы в каком-то заколдованном кругу стоим, что людей нет способных и энергичных... И что же? С начала нынешнего года точно каким-то волшебством спала с глаз пелена, прорвались все плотины и преграды, жизнь зашумела и закипела и сколько сил и людей хлынуло в битву, неведомо откуда явившихся, когда и где создавшихся!.. Но все они ухлопаны на внутреннюю грызню и борьбу. После соединения двух революционных центров, происшедшего в конце мая, — летом разразился в Москве и в других городах первый погром, несомненно, подготовленный предшествовавшей междоусобицей. Затем не прекращались аресты и погромы вплоть до октября. А работать нам, уже соединившимся, приходилось над тем, что могло бы быть давно уже сделано в потраченные на междоусобную войну полгода: над выпуском 10 № в двух типографиях [46]), над организацией границы [71]), над выработкой организационных программ [72]), над подготовкой террористических фактов [73]), над собиранием связей и пр. и пр. и пр. Вот какой *запоздалой* работой приходилось и приходится заниматься. А туча над нами все еще висела и теперь висит. *Октябрь унес такую массу сил, какой — мне кажется — не унес и весь нынешний год*... Совершенно задаром, обидно до боли, до ярости!..

Ну, так из-за чего мы грыземся и воюем? Должно быть, одни ведут нас на смерть и гибель, другие ведут к жизни, к расцвету, к могуществу... Ничуть не бывало!.. Эти «мы» и эти «вы» имеют под собой такую ничтожную подкладку! Вот она, как я ее понимаю.

1) Рабочая группа [74]) (*а в близком будущем она должна выступить, как новая «партия» с разветвлениями по всем городам России*) говорит, что необходимы факты фабричного характера — а) для того, чтоб сильнее популяризироваться нам в народе, б) для того, чтобы улучшить отношения фабрикантов к рабочим (посредством страха), в) для того, чтобы рабочие легче сознали свою солидарность, необходимость дружной

и организованной борьбы с своим врагом и таким образом чтобы быстрее пошел рост рабочих революционных групп.

При этом рабочая группа, программа которой [75]), конечно, есть повторение программы создавшегося, было, Центрального Комитета «молодой партии», добивается главным образом принципиального признания и санкционирования «Исполнительным Комитетом» фабричного террора, а на многочисленности фактов практикования его не настаивает.

Ответ Исполнительного комитета на этот 1-й пункт.

В принципе он ничего не имеет против фактов фабричного характера. Доказательством служит немало мест в прежних №№ «Народной Воли», а также и прежняя практика рабочих групп: наказания жестоких мастеров и пр. входили всегда в программу их деятельности. О статье в 10 № не стоит упоминать, так как она писана в пылу битвы и против фабричного террора, как чего-то совершенно нового, раньше неизвестного, чего-то спасающего, выводящего на какую-то новую дорогу, наконец, чего-то бессистемного, кровавого, преимущественно полезного перед политическим террором. Итак, повторяю, Исполнительный Комитет в принципе ничего не имеет против совершения от имени партии террористических фактов фабричного и даже аграрного характера в случаях выдающегося насилия и несомненной полезности для партии таких фактов. Но Исполнительный комитет возражает: а) во-первых, это вопрос второстепенный, не такой глубокий и коренной, чтоб об нем следовало так много и с такими жертвами толковать и спорить, б) среди рабочих он должен быть поднимаем с чрезвычайной осторожностью (которой до сих пор рабочая группа в Петербурге не следовала *)), так как, с одной стороны, несомненно, что проповедью борьбы с непосредственными врагами рабочего сословия, толками о готовности партии теперь же приступить не только к принципиальной борьбе за его интересы, а даже к непосредственной, реальной борьбе в самых реальных формах, — несомненно, что всем этим весьма легко, легче, чем другим чем либо, зажечь массы; но это ли наша задача? Разве в том, чтобы **) массы. Нет, в том главным образом, чтоб создать среди них руководящие группы, убежденные и сознательные, а не увлекшиеся игрой на

*) К великому сожалению. Примечание в подлиннике.
**) Пропуск в копии.

эгоистической, какой бы то ни было, струнке. Ввиду этого (и в этом смысле есть много глубокой правды в статье № 10. Исполнительный Комитет желает крайней осторожности и осмотрительности в пропаганде среди рабочих идеи фабричного террора. Он даже вовсе считает ее вредной. Он берет исключительно на себя (или что то же, на «рабочие группы», действующие в согласии с ним) совершение всех террористических фактов, какого бы то ни было характера, б е з п р е д в а р и т е л ь н ы х толков об них на площади. Когда нужно и полезно, он не против того, чтобы был совершен факт фабричного и даже аграрного характера и чтоб была выпущена прокламация. Но говорить рабочим о том, что вот-де Исполнительный Комитет вступает теперь в этом отношении в какую-то новую эру деятельности, он находит легкомысленным и вредным. Он умоляет рабочую группу серьезно об этом подумать, с решением этого вопроса не спешить. в) Мало не настаивать только на многочисленности таких террористических фактов — нужно сознать (зная общее положение дел), что теперь и не расчетлива была бы такая многочисленность их, ввиду недостаточности сил для более необходимого в э т у м и н у т у политического террора. Но по этому поводу см. еще ниже.

2) «Рабочая группа» думает, что рабочее дело не может расширяться и развиваться, что мы не создадим в народе солидных сил для поддержания нас в революционный момент, если лучшие рабочие силы постоянно будут выхватываться из рабочих групп, отрываться от дела пропаганды для политической борьбы. Это очень важный пункт. Но вы, должно быть, разумеете здесь отдельных узких народовольцев, в противовес которым и у вас всегда могут найтись такие же люди — если не узкие, так широкие до водяности, кабинетной туманности и прочих чисто народовольческих качеств. Вы должны брать в расчет не отдельных членов партии, а ее программу, взгляды ее истинных представителей: прочитайте ту же 2-ю передовую статью 10-го №, глядящую на дело достаточно широко и согласно с вашими воззрениями, вспомните взгляды на этот предмет нашего общего теоретического вождя Тихомирова, наконец тех же отдельных народовольцев, — не все же они узкие террористы. Сказать это — значило бы клеветать, а вы этого не сделаете. Но вот что нужно помнить. Никто из нас, кроме народников (я серьезно говорю это), не может претендовать на то, что у нас в е р н ы е, н а д е ж н ы е средства в руках, вполне гарантирующие, что, следуя им, мы добьемся вот именно того-то и того-то. У народников одних почва несомненно прочная и надежная — беда только в том, что они времени требуют очень немного, всего на всего десять тысяч лет. У нас, революционеров-террористов, дело не так стоит ясно. Мы знаем одно верно и в одно верим непоколебимо

твердо, что какие бы неудачи ни преследовали нас, мы не оставим своей деятельности, не сложим руки и снова пойдем вперед и вперед, в огонь битвы. Мы видим, мы чувствуем, знаем, что т а к жить невозможно ни нам, интеллигенции, ни народу, и эта несомненная очевидность, всеми так живо сознаваемая, и поддерживает нас в борьбе. И мы, разбитые однажды, снова ищем кругом себя наиболее активные и энергичные протестующие элементы (где бы то ни было), снова объединяем их и снова переходим к наступлению. В конце концов мы прорвем плотину, заграждающую русло русской жизни, мы одолеем это нелепое правительство, этот поддерживаемый им, столь же нелепый, социальный и политический строй, в это мы также глубоко верим. Но как это произойдет, в какой из нескольких возможных форм? Вот вопрос. От решения его зависит то или другое отношение к подготовительной работе партии. Русское революционное движение вначале было бесконечно идеалистичнее по целям и задачам, которыми оно задавалось, но вместе с тем, и непрактичнее в той же степени. Вспомните — хождение в народ, даже ближе возьмите: вспомните ту гордую самоуверенность Исполнительного Комитета в начале его деятельности, когда он так гордо ставил перед собой захват власти — не в том много-много измененном смысле, как понимает его теперь Тихомиров (его статья «Чего ждать от революции»), а в буквальном, самом прямом смысле этих слов: Исполнительный Комитет временно рассчитывает занять в России место и все функции настоящего императорского правительства. В таком смысле написана передовая статья даже 8—9 № «Народной Воли» [76]). Но уже значительно раньше, тотчас же после 1 марта, в письме к Александру III «Исполнительный Комитет» говорил совершенно другим языком, надеялся на совершенно другое, значительно, бесконечно меньшее — и потому, конечно, бесконечно более мыслимое и осуществимое... [77]) Так всегда бывает: чем мы практичнее и зрелее, тем наши требования минимальнее, ближе к наличным условиям действительности. И мне кажется, что единственная форма русской революции, в которую можно верить, как в неизбежный m i n i m u m, есть та форма, о которой говорит прекрасная статья 10-го № «Вместо внутреннего обозрения»: «призыв к народу с высоты трона, поколебленного ударами революционеров...» [78]) Эта форма осуществима и даже не в таком уж отдаленном от нас будущем. Успеем ли мы до этого момента подготовить хоть мало-мальски солидные революционно-рабочие силы, приняв в этом направлении какую бы то ни было программу деятельности? Ставя перед собой очень широкие задачи, широкие планы пропаганды в народе и пр., ради которых готовы даже жертвовать силой и яркостью политической борьбы, мы в свою очередь, не вредим ли делу? Желая разрастись в «ширину», не рискуем ли мы обратить

наши силы в мыльный пузырь, обессилить их бесплодным словесничеством и пр.?.. Да и в тот революционный момент, о котором говорит автор «Вместо внутреннего обозрения», что̀ будут в общем великом энтузиазме великой исторической минуты отдельные личности, несколько десятков, даже несколько сотен живых сбереженных нами рабочих сил?! — Нуль! Важны не живые лица, не материальные силы, а принципы, идеи, которые уж, конечно, будут несравненно живее, реальнее, сильнее, распространеннее, если будут провозглашаться не устами отдельных словесничающих лиц, а громом героических фактов, поражающих ум и фантазию жертв яркостью, именно яркостью борьбы и напряженностью веры в правоту дела. Да, подобно автору этой статьи, я верю, что т о г д а явятся и люди и силы, лишь бы т е п е р ь мы высоко держали наше знамя. Вы спросите, отчего же теперь так мало сил? Я вам отвечу стихами Некрасова: «... Гремел, когда они родились, дикий гром, ручьями кровь лила. Эти души робкие смутились, как птицы в бурю, притаились в ожиданьи света и тепла...»

Ну, так завоюем же мы этот «свет» и это «тепло»! А для этого нужно итти рука с рукой.

Умоляю вас: прекратите раздор, пойдите на уступки, мы также пойдем. Письмо это можете показать товарищам — даже прошу вас сделать это, — и вы простите, конечно, меня за его спешность и чисто внешнюю небрежность. Но я прошу вас сохранить его и непременно вернуть мне: лишний раз говорить и писать об одном и том же так мучительно, да не всегда и удастся сказать то, что хочешь и можешь сказать. Здесь я почти все, кажется, сказал.

Об организации не говорю, так как это уж последнее дело. Ведь и вы стоите за централизацию. А мы не прочь от специализации революционных функций. Следовательно, тут мы сойдемся.

14 н о я б р я 1884 г.

(Продолжение следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Овчинников, Михаил Павлович («Иван Александрович»), привлекался по делу 50-ти и был сослан на житье в Енисейскую губ., сроком на 16 лет (первые четыре года без права отлучки), откуда в 1881 г. бежал. По показаниям самого Овчинникова, он, явившись в Россию, вначале не примкнул ни к «Черному Переделу», ни к «Народной Воле», а выполнял лишь отдельные поручения «в интересах общего дела». В конце концов он оказался в рядах «Народной Воли» и в 1882—1883 гг. занят был преимущественно организационными делами и устройством связи, а также принимал некоторое участие в пропаганде среди рабочих. Районом разъездной, по преимуществу, деятельности Овчинникова был Северс-

Западный и Прибалтийский край (он бывал в Риге, Минске, Гродно, Вильно, Орше, Бобруйске, Гомеле). В начале 1884 г., по словам Овчинникова, он был вызван Якубовичем в Петербург и здесь явился самым ожесточенным и резким противником представителей старого направления и особенно лично Г. Лопатина, так что, напр., В. И. Сухомлин аресту Овчинникова приписывает последовавшее смягчение борьбы. Овчинников был арестован 28 апреля 1884 г., и, по высоч. повелению от 22 января 1886 г., сослан в Якутскую область на 5 лет. Впоследствии проявил себя в Сибири как археолог и местный деятель. Умер в 1921 г.

[2]) Пятеро представителей: несомненно, сам Якубович, М. П. Овчинников, Н. М. Флеров, П. Н. Мануйлов; что же касается до пятого «представителя», то приходится гадать: им мог быть и В. А. Бодаев, и Ф. В. Олесинов, и В. П. Моисеев.

[3]) «Господами приезжими» здесь названа Распорядительная комиссия, избранная на Парижском народовольческом съезде в январе 1884 г. и постепенно съезжавшаяся в течение марта в Петербург. Как известно, в состав комиссии входили: В. И. Сухомлин, Н. М. Салова и приехавший в Петербург последним Герман Лопатин.

[4]) На самом деле Дегаев «истинную» свою роль раскрыл Тихомирову гораздо ранее, еще во время своей первой, майской (1883 г.), поездки, повидимому, оставшейся неизвестною местным деятелям. Августовская поездка Дегаева была вызвана необходимостью объяснить свою медлительность в деле убийства Судейкина.

[5]) «Показания» Дегаева — та тетрадь его признаний, которая была им написана после убийства Судейкина, когда Дегаев явился в Париж, и здесь был организован суд над ним. Тетрадь эта сохранилась до наших дней. Уничтожая свой парижский архив перед отъездом в Россию, Тихомиров ее захватил однако с собою. В 1906 г. он передал ее В. Бурцеву, который опубликовал из нее лишь некоторые отрывки.

[6]) Куницкий, Станислав Чеславович (1861—1886). Будучи студентом института путей сообщения, входил в 1881 г. в организованный Дегаевым (тогда тоже учившимся в институте) студенческий кружок. Наряду с этими народовольческими связями, Куницкий вошел тогда же в состав польской петербургской социально-революционной группы, которая в начале 1883 г. вступила в организационную связь с «Пролетариатом». Он принимает участие в октябрьском народовольческом съезде в Петербурге, увозит Дегаева после убийства Судейкина из Петербурга, участвует в Парижском народовольческом съезде, где является, вопреки польским эмигрантам (Мендельсону и др.), сторонником соглашения с «Народной Волей», которое доводит до конца уже по возвращении в Россию. Последний период деятельности Куницкого связан с работой в «Пролетариате», в котором, после ареста Варынского, ему принадлежала руководящая роль. Арестованный 28 июня 1884 г. в квартире Бардовского в Варшаве, он судился Варшавским военно-окружным судом, был приговорен к смертной казни и повешен 16 (28) января 1886 г. Что Куницкий знал о предательской роли Дегаева, это подтверждает в своих воспоминаниях И. И. Попов.

[7]) Первые инициалы: «Нат. Гр.», очевидно, неправильно прочтены в рукописи Якубовича, и трудно сказать, кто был помечен в книжке. Причина возбуждения против Тихомирова ясна из прим. 4.

[8]) Организации, которые вошли в это соглашение: Петербургская рабочая группа (см. прим. 74), Союз молодежи партии «Народной Воли», а также, повидимому, организовавшаяся центральная петербургская группа (Якубович, Мануйлов и др.).

[9]) О решениях октябрьского съезда см. во вступительной статье. Что касается до состава съезда, то на нем присутствовали: петербуржцы — Степурин, Шебалин, Дегаев, Якубович и др., поляки — Рехневский, Дембский, Куницкий, и один лишь провинциал — киевлянин Росси. О внезапности созыва этого съезда говорят и другие источники, как, напр., воспоминания М. П. Шебалина. Третий момент, особенно обострившийся все дальнейшие отношения, — это именно выбор комиссии и президента ее — К. Степурина, с которым особенно резко сложились все последующие отношения «молодых» (см. прим. 14).

[10]) Шебалин, Михаил Петрович, род. в 1857 г. По окончании каменец-подольской гимназии, в которой создался кружок, вскоре давший несколько народовольцев, Шебалин поступил в Петербургский университет и работал среди народовольческой периферии вплоть до окончания его в 1882 г. Войдя в этом году в состав петербургской группы, Шебалин в следующем году принял на себя задачу организации типографии. Типография эта (под названием «Летучая типография Народной Воли»), созданная им, работала очень продуктивно, выпустив два номера «Листка Народной Воли», брошюры и листовки. В ноябре 1883 г. Шебалин участвовал в народовольческом съезде, а затем, в связи с подготовкою убийства Судейкина, типографию решено было свернуть и устроить новую сперва в Москве, а затем в Киеве, куда Шебалин и поехал. Киевская типография должна была выпускать местный орган «Социалист», но Шебалину, вместе с тем, пришлось вести не только типографские, но и все киевские дела. Во фракционной борьбе Шебалин не сразу определился на стороне оппозиции, и до нас дошли также письма, адресованные ему петербургским официальным главою К. Степуриным. Однако после переговоров с Якубовичем Шебалин примкнул, очевидно, определенно к оппозиционной группе. 4 марта 1884 г. Шебалин был арестован, судился в том же году Киевским военно-окружным судом и был приговорен к 12 годам каторжных работ. Тогда же был заключен в Шлиссельбург, из которого вышел в 1896 г. В настоящее время живет в Москве.

[11]) Эртель, Александр Иванович, известный писатель, был арестован 3 апреля 1884 г. Народовольцем никогда не был и в показаниях объяснил, что адрес дал по просьбе Дмитрия Перелешина (привлечен по этому же дознанию). Пробыл под арестом до 28 июля 1884 г. По высочайшему повелению 22 января 1886 г. ему было вменено тюремное заключение, и он был подчинен гласному надзору полиции на 2 года. Ср. его рассказ в «Письмах А. И. Эртеля», М., 1909, стр. 32 (автобиографическое письмо В. Г. Черткову от 13 июля 1888 г.).

[12]) Шебалина, Прасковья Федоровна (1868—1885), рожд. Богораз (сестра писателя В. Г. Богораза-Тана), в 1879 г. поступила на Бестужевские курсы, участвовала в Красном Кресте, а в 1883 г. вместе с М. П. Шебалиным работала в петербургской типографии, а затем в Киеве. Арестована 4 марта 1884 г.; судилась Киевским военно-окружным судом и приговорена была к ссылке на поселение. Умерла по дороге в Тобольскую губ. в Московской тюремной больнице 11 ноября 1885 г.

[13]) Васильев, Макар Николаевич (1867—1928), поступив в 1878 г. в медико-хирургическую академию, принял участие в беспорядках в ней в том же году. В 1881 г., перейдя в университет, сблизился особенно с Якубовичем, а также с Шебалиным. Когда, после переезда Васильева в 1883 г. в Киев, решено было здесь издавать «Социалист», Васильев должен был редактировать орган и ему принадлежит сохранившийся в корректуре текст объявления об издании его (напечатан в «Красном Архиве», т. XXXIII). Арестованный 4 марта, судился Киевским

военно-окружным судом, был присужден к ссылке на поселение, которое отбывал в Тунке.

[14]) Степурин, Константин Алексеевич, штабс-капитан, один из тех деятелей «Народной Воли», о которых мы имеем все еще слишком мало сведений. Вас. Папин, член военной организации, в своих показаниях 10 марта 1884 г. сообщает, что Степурин, прибывший в Кронштадтскую крепостную артиллерию в 1879 г., сперва придерживался «строго легального направления» и «преследовал малейшее отклонение от закона, с чьей бы стороны оно ни исходило». В 1880 г., который был критическим годом для многих офицеров, Степурин начал бывать на собраниях народовольцев-офицеров, признал цели «Народной Воли» «справедливыми», а средства — допустимыми. Сближение пошло, очевидно, еще далее, когда Степурин был переведен в петербургскую крепостную артиллерию. Его несколько раз навещал Н. Н. Колоткевич, он познакомился и с Дегаевым. Связи Степурина с народовольцами оборвались, когда он был переведен в Новогеоргиевск. Но несомненно его влияние на офицеров Новогеоргиевской крепости, впоследствии привлеченных по делу «Пролетариата». Весною 1883 г. Степурин вышел в отставку, вернулся в Петербург и просил у Папина вновь ввести его в революционную среду. Папин указал ему на И. П. Ювачева и М. Ю. Ашенбреннера, но Степурин вошел всецело в дела, повидимому, лишь после новой встречи с Дегаевым, который ввел его в центральный петербургский кружок, сделал участником петербургского октябрьского съезда и тем членом созданного тогда органа, в руках которого сосредоточены были все организационные связи. Так смотрел на Степурина и Лопатин, передавший перед отъездом в Париж в декабре 1883 г. Степурину также свои связи. Это положение Степурина и явилось причиною того, что все ожесточение оппозиции было направлено именно на него. Степурин был арестован 9 марта (в связи с арестом Ф. К. Грекова, произведенным в ночь на 4 марта), почти не давал показаний и 20 февраля 1886 г. покончил с собою в доме предварительного заключения перерезав горло ножом, данным ему для разрезки пищи к ужину.

[15]) Якубович имеет в виду прокламацию центрального кружка «Союза молодежи партии «Народной Воли» (перепечатана Богучарским: Литература партии «Народной Воли», Париж, 1905, стр. 954—960), более подробные сведения о происхождении которой он дает в своих показаниях.

[16]) 13, 12 = М. А. (как определяется из остального дешифранта), т. е. Михаил Александрович Протопопов, довольно известный в то время литературный критик радикального лагеря, который в эти годы был близок к народовольцам. У него на квартире жил Дегаев летом 1883 г., и на этой же квартире печатались нелегальные издания. В начале 1884 г. Протопопов примкнул к оппозиционной группе Якубовича, и понятно поэтому, что Якубович мог рассчитывать на его участие в предполагаемом издании. Когда Протопопов был арестован, и было установлено его знакомство с Сергеем Ивановым и М. Овчинниковым, он рассказал о своем знакомстве с Дегаевым и о том, что тот предлагал ему писать в «Вестнике Народной Воли»; но, писал Протопопов, «ни одной моей строчки в нелегальных изданиях здешних и заграничных не было» (об его участии в нелегальной печати имеются положительные сообщения М. П. Шебалина, но, что писал Протопопов, пока не установлено). В своем показании от 29 марта 1884 г. Протопопов занял позицию, аналогичную другому легальному литератору — Кривенке (см. прим. 31), заявляя, что он — конституционалист, но не революционер: «Я не только не желаю, не призываю революцию, — я прямо страшусь ее. Я страшусь той бури слепых и нечистых страстей, которая будет неминуемо вызвана революю-

цией, тех жестокостей, той крови, тех казней, которые всегда идут за революцией» и т. д.: в общем Протопопов видит в революции «тормоз» прогресса. Протопопов всячески обелял себя, и эта тактика обоих легальных сотрудников народовольчества очень показательна для характеристики их возможного содействия революционной партии.

[17]) Т. е. к печатанию «Народной Воли», № 10.

[18]) Лаговский, Михаил Федорович (1856—1903), привлекался к дознанию в 1881 г. и был сослан в Сибирь, бежал из Мариинска в сентябре 1883 г., вследствие отсутствия денег прошел часть дороги в Москву пешком и прибыл туда только в декабре 1883 г. В феврале 1884 г. поехал в Петербург и примкнул к оппозиционерам, но уже 4 апреля 1884 г. был арестован, причем у него был найден чертеж, значения которого он не пожелал объяснить. Был административным путем заключен в Шлиссельбургскую крепость сперва на 5 лет, а потом срок заключения был ему продлен еще на 5 лет. Лаговский был единственным административно заключенным в Шлиссельбурге.

[19]) Иванов, Сергей Андреевич (1859—1927). Будучи студентом медико-хирургической академии, принимал участие в студенческом движении, в 1879 г. был выслан в Архангельскую губернию и уволен из академии. В 1880 г. он был возвращен, но в 1881 г. вновь арестован и за хранение революционных прокламаций сослан на 5 лет в Западную Сибирь. Бежав оттуда в конце 1882 г., Иванов принял ближайшее участие в делах народовольческой организации, служа посредником между Петербургом и южными группами «Народной Воли», главным образом Харьковской, которая в то время играла роль южного центра. В своих показаниях Иванов говорит о том, что «охотно брал на себя всякие поездки» в это время, и благодаря этим поездкам его имя «совершенно незаслуженно популяризировалось». В начале 1884 г. Иванова вызвали в Киев для переговоров о положении дел, где ждали Якубовича, но Иванов не застал Якубовича, виделся только с Шебалиным и с ним вел переговоры о своем отношении к возникшему кризису. Из Петербурга в Харьков, куда вновь поехал Иванов из Киева, «получались, по его словам, приглашения приехать всем, кому можно, в Петербург для того, чтобы выяснить, наконец, разногласия и определить общее положение революционных дел» (этот момент — в данном письме Якубовича). Иванов занял примирительную позицию, но, в общем, оказался на стороне противников Якубовича. После энергичной работы на юге, в деле организации ростовской типографии, а также и приготовления снарядов на Луганском заводе, Иванов, видя крушение лопатинской организации, уехал за границу в начале 1885 г. и вернулся в октябре того же года. Но едва начав работать, Иванов в январе 1886 г. был арестован, судился по делу Лопатина, был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, и заключен в Шлиссельбург, оттуда вышел только в 1905 году.

[20]) Стародворский, Николай Петрович (1863—1925), был впервые привлечен к дознанию в 1882 г. в Каменец-Подольске, и киевским генерал-губернатором, в феврале 1882 г., ему было воспрещено жительство в Каменце. Вследствие самовольного появления его в Каменце с подложными документами, Стародворский был постановлением особого совещания от 30 ноября 1882 г. водворен на 3 года в Подольской губ., на месте жительства его отца — священника. В августе 1883 г. способствовал побегу Никона Волянского при отправке последнего из Бара, близ м. Верховки. В октябре 1883 г. Стародворский был вызван в Петербург и привлечен к делу убийства Судейкина, которое было им выполнено совместно с Конашевичем. После этого факта он уехал, было, в Киев и, как видим, вновь вернулся в Петербург, где примкнул к оппозиции. По всей видимости, Стародвор-

ский должен был явиться агентом оппозиции в других городах, и, по его словам, он направлялся на юг. При аресте Стародворского в Москве, 14 марта 1884 г., у него была найдена записка М. В. Сабунаева, в которой тот писал, что «податель сей записки» сообщит «все, что делается в Питере», и просил дать ему «средства». По делу Лопатина Стародворский был присужден к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Заключенный в Шлиссельбург, Стародворский уже в 1889 г. подает первое прошение на имя директора департамента полиции, в котором заявляет, что он — «монархист», а затем и ряд других, пока после подачи всеподданнейшего прошения о помиловании 24 августа 1905 г. он не был переведен в Петропавловскую крепость, а затем освобожден по амнистии. Шаги, сделанные Стародворским в крепости, привели его к сближению с полицией, и освобожденный шлиссельбуржец стал ее платным агентом, что было разоблачено Бурцевым.

[21]) Текст этой телеграммы: «Киев, Лютеранская, дом Левковича, Макару Васильеву, передать Михаилу. Наш долг требует немедленной уплаты. Мария Павлова». Телеграмма эта, таким образом, иносказательно (долг — совет об отъезде) говорила о том же, о чем и письмо, именно, о скорейшем отъезде Шебалиных из Киева.

[22]) Караулов, Василий Андреевич, в 1881 г. примкнул к организации Красного Креста в Петербурге, а когда в 1883 г. разгром народовольческого центра привел к созданию в Петербурге временного центра (того, что Лопатин называл «соломенным Исполнительным Комитетом»), Караулов вошел в его состав. Уезжая осенью 1883 г. за границу, Караулов чувствовал себя уже тесно связанным с «Народной Волей», участвовал в начале 1884 г. в Парижском съезде народовольцев и вошел в состав вновь образованного в Париже народовольческого центра. Приехав в конце февраля с некоторыми составленными в Париже программными документами в Киев, где он должен был принять на себя, по парижским предположениям, ведение всех местных киевских дел, Караулов явился первым вестником восстановления авторитета традиционного центра. Караулов был арестован 4 марта 1884 г., судился Киевским военно-окружным судом, был осужден на 4 года каторжных работ, которые отбывал в Шлиссельбурге. Выйдя из крепости, Караулов резко порвал с революционным элементом, и когда наступила революция 1905 г., то он казался правительству фигурою, подходящей для борьбы с революционным движением. По докладу Витте, который после ноябрьского земского съезда вызвал к себе выступавшего на съезде Караулова и считал «весьма полезным отменить лежащие еще на Караулове ограничения, дабы тем дать ему возможность более широкого служения здраво им понимаемому патриотическому долгу», Караулову было даровано 2 февраля 1906 г. полное помилование. Последнее открыло Караулову путь к новой политической карьере, и в 1907 г. он по кадетскому списку прошел в состав третьей Государственной Думы, членом которой он умер в 1910 г.

[23]) «8 господ» — цифра совершенно случайная. Как известно, в Киев приехал Караулов, в Одессу А. Н. Кашинцев, в Петербург — Г. Лопатин, В. И. Сухомлин и Н. М. Салова. Должна была приехать еще Г. Ф. Чернявская, но сперва задержалась из-за отсутствия паспорта, а затем из-за разгромов. Кроме этих деятелей центра приехали Гр. Федершер и позднее Ф. В. Крылов.

[24]) Якубович говорит о передовой, написанной Тихомировым и доставленной в Россию в нескольких экземплярах, один из которых привез В. А. Караулов. Передовая эта впоследствии была напечатана в качестве первой передовой в № 10 «Народной Воли» («Петербург, 1 января 1884 г. Ошибки революционера

и преступления предателя»). От сохранившейся копии взятого у Караулова оригинала напечатанный в номере текст отличается лишь синтаксическими исправлениями.

[25]) Передовая статья, которою восторгается в письме Якубович, как это ни парадоксально, была написана его идейным в этот момент противником. В своих показаниях Якубович, отрицая свое авторство, говорит, что она написана членом «временного центра партии», а на суде Стародворский прямо назвал автора, тогда уже покойного К. Степурина, который и был в действительности членом и главою этого «временного центра»; прокурор тоже согласился с этим определением. Неожиданно, при этих условиях, признание М. Овчинникова, что именно он был автором этой передовой; однако все, что мы знаем об Овчинникове, в том числе и характеристика его способностей в показаниях Якубовича, говорит против его признания. Существует еще литературное указание, М. Р. Гоца, на одну «писательницу», как автора этой статьи. Напечатавшая это указание М. Р. Гоца редакция кружка народовольцев расшифровала это указание, как указание на Е. И. Конради. Однако совпадение указаний Якубовича и Стародворского (у Якубовича не было особого интереса указывать именно на «временный центр») заставляет нас предпочесть эту версию.

Степурин писал свою передовую в духе той позиции, которую занял октябрьский съезд, на котором он присутствовал, и это в качестве компромисса делало ее приемлемою для оппозиции (так смотрел на дело Якубович). Передовая эта полагала, что в прошлом «борьба с императорством Александра II до 1 марта оставляла народную массу вне сферы нашего воздействия». В то же время «мы глубоко убеждены, что дело политического и социального возрождения России будет тогда прочно, когда масса явится сознательною участницею нашего дела», а для этого революционная партия должна выяснить народной массе «ту связь, которая существует между делом политического освобождения и собственным ее освобождением от угнетающих ее социальных зол». Точно так же в этой передовой шла речь о новой постановке террористического дела, так, чтобы «отныне дать почувствовать силу террора и тем союзникам русского самодержавия, которые непосредственно соприкасаются с народом и высасывают народную кровь, пользуясь общим политическим бесправием на почве аграрных и фабричных отношений».

[26]) Типография, о которой есть еще и другие указания в дальнейших показаниях Якубовича, организована была П. Н. Мануйловым (как он сам об этом говорит в своих показаниях), а хозяйкою типографии была Софья Александровна Сладкова. Сладкова 4 февраля 1884 г. поселилась в квартире, снятой под типографию на Лиговке, д. 42, кв. 47, и оставила неожиданно квартиру дней за пять до 31 марта, заподозрив за собою наблюдение. 31 марта типография была обнаружена со всем оставленным Сладковою имуществом, в том числе и рукописями, среди которых был автограф Якубовича. Шрифт в типографию был перевезен тот, который помещался на квартире Раисы Кранцфельд, где была отпечатана прокламация об убийстве Судейкина. Небольшое количество шрифта (1 п. 12 ф.) в типографии Мануйлов объяснял тем, что типография предназначалась для печатания, набор же должен был производиться в других местах и доставляться в типографию в готовом виде. Мануйлов считал, что к моменту ареста типографии ее устройство не было закончено. В типографии было отпечатано воззвание «Союза молодежи» (см. прим. 15) и объявление о Дегаеве (см. прим. 36; указание С. Лифшица, «Каторга и ссылка», 1929 г., № 2, стр. 63, на третью прокламацию основано на смешении литературных указаний: указываемое им объявление Исполнительного

Комитета никогда отдельно отпечатано не было и было помещено лишь в «Народной Воле», № 10).

Хозяйке типографии, С. Сладковой, удалось бежать за границу, и она умерла в Париже, от чахотки, 25 марта 1888 г.

Петр Николаевич Мануйлов, студент Петербургского университета, по сведениям секретной полиции (шедшим от Дегаева, как это в одном месте прямо указано), состоявший в Красном Кресте и университетской народовольческой группе, в начале лета 1883 г. привез из Воронежа для народовольческой типографии пуд шрифта; по показаниям самого Мануйлова он стал в более близкие отношения к революционному делу после убийства Судейкина, когда оказался ощутительный недостаток в активных деятелях, и тогда-то принял на себя задачу организации типографии. Арестован был Мануйлов 11 июня 1884 г. в Москве и, по высочайшему повелению от 22 января 1886 г., сослан на 5 лет в Западную Сибирь. Ссылку отбывал в Тобольской губернии.

В типографии жил с 5 февраля по 15 марта студент Александр Андреевич Булыгин, который никакого отношения к типографии не имел (см. показание Якубовича; то же в показаниях Мануйлова и самого Булыгина). Булыгин тоже поплатился ссылкой.

[27]) «Объявление о Сергее Петровиче» — «Объявление Исполнительного Комитета», впоследствии напечатанное в «Народной Воле», № 10. Оно было привезено из-за границы Карауловым, и 16 апреля этот экземпляр его был взят в народовольческом складе в здании Киевской духовной академии. Как и о привезенной передовой, так и об объявлении Шебалин, очевидно, сообщил ранее Якубовичу в недошедших до нас письмах.

[28]) 1 декабря 1883 г. было издано народовольческой типографией воззвание от русских коституционалистов (оно не дошло до нас, повидимому, в подлиннике; текст его в свое время был напечатан в «Общем Деле», 1884 г., № 57). В этой листовке устанавливались отношения «группы русских конституционалистов» к террористам («преступлениям» террористов они не сочувствуют, но не могут их порицать при существующем строе) и к правительству. Программа «конституционалистов» здесь исчерпывалась тремя пунктами: совещательным представительством, свободой вероисповедания и печати и амнистией по всем политическим преступлениям. Из показаний Николая Караулова, который, очевидно, был посредником в сношениях конституционалистов и народовольцев, узнаем о прикосновенности к этому документу тогдашнего лидера конституционалистов — В. А. Гольцева. Предварительные проекты народовольческого ответа до нас не дошли. Окончательная же редакция ответа помещена в «Народной Воле», № 10.

[29]) Неустроев, Константин Гаврилович, учитель иркутской гимназии, был арестован в октябре 1882 г., в связи с делом о побеге Е. Ковальской и С. Богомолец из иркутского тюремного замка. В замке же при посещении камеры генерал-губернатором Анучиным дал ему пощечину, судился военно-полевым судом и был расстрелян 9 ноября 1883 г. Некролог и предсмертное письмо Неустроева вошло в № 10 «Народной Воли».

[30]) Т. е. «Вестнике Народной Воли», номер первый которого тогда был литературною новинкою.

[31]) Кривенко, Сергей Николаевич (1847—1906), известный публицист-народник, вначале, повидимому, принял участие в «Красном Кресте Народной Воли» (сведения, несомненно шедшие от Дегаева, называли его и С. Е. Усову «организаторами» Красного Креста»). В 1883 г. Кривенко вошел, как пишет М. П. Шебалин, в состав петербургского центра и принял участие в литератур-

ных предприятиях народовольцев. Так, перу Кривенко, как показал об этом Куницкий, принадлежит несколько раз переиздававшаяся нелегальная брошюра: «От русских революционеров к русскому обществу»; его же перу, как сообщил в некрологе его Якубович, принадлежит вторая печатная брошюра: «Чего ожидать от коронации». Кривенко принимал, несомненно, также редакционно-литературное участие в «Листке Народной Воли», и здесь посредником служил Дегаев (у Кривенко, напр., так и остались до обыска две рукописи, переданные ему Дегаевым). Однако, при всем этом, Кривенко, конечно, народовольцем не был. В своих показаниях, которыми, напр., Лопатин чрезвычайно возмущался, он отчетливо отмежевался от «Народной Воли», заявив, что само название партии он считает узурпацией, что он сторонник монархического образа правления и против ниспровержения существующего строя. Однако, при всем этом, он заявил, что «некоторые стороны в социально-революционной деятельности мне симпатичны: я сочувствую, напр., свободе печати, защите народных интересов, сочувствую чисто идеальной вере в жизнь и добро и стремление к лучшему мирным путем (насколько это входит в программу социально-революционной деятельности), сочувствую бедственному положению ссыльных и их семейств». Кривенко был арестован 3 января 1884 г., еще по указаниям, данным Дегаевым (ему были предложены вопросы со слов Дегаева), и по высочайшему повелению от 3 июля 1885 г. сослан в Вятскую губернию на 3 года.

[32]) Местная киевская группа, преимущественно из студентов Киевской духовной академии и университета, во главе которой стоял П. Г. Дашкевич. Наиболее видные члены этой группы судились по делу Шебалина (П. Г. Дашкевич, Я. М. Затворницкий и др.).

[33]) Бах, Алексей Николаевич, род. в 1857 г. Впервые участвовал в студенческих беспорядках в 1878 г., будучи студентом Киевского университета. Когда, после белозерской ссылки, Бах вернулся обратно в Киев в начале 1882 г., он примкнул к народовольческой организации, действовал среди рабочих, писал листовки, вел сношения с организациями других городов, пока не был вынужден, после ареста весною 1883 г., перейти на нелегальное положение и уехать из Киева. Вот этот-то отъезд и повел к тому, что начавшиеся странствования Баха по разным городам сделали из него одну из осведомленнейших и центральных фигур народовольчества в этот период. Когда в Петербурге обозначились реформы, Бах был вызван туда. В воспоминаниях Баха (теперь вышедших со многими восстановленными, по сравнению с известным ранее текстом, местами) его позиция ясно очерчена, хотя и с сильными личными симпатиями и антипатиями; она была в пользу старого течения и решительной борьбы с оппозицией. В этом отношении он вполне сошелся с приехавшим из-за границы Лопатиным, и последний в своих письмах к заграничным народовольцам писал, что Бах «говорил так, как будто бы заранее спелся с нами в Париже», и «сильно поддержал» Лопатина «в стычке с Поэтом» (т. е. Якубовичем); Лопатин в этом же письме не только настаивал на принятии Баха в центре, но и требовал, чтобы об этом «ответили живее». После почти года энергичной деятельности (об этом см. в его воспоминаниях) Бах эмигрировал и занялся преимущественно научной работой. Теперь — академик и видный деятель ВСНХ.

[34]) «Литераторов» на стороне оппозиции, насколько известно, было два: М. А. Протопопов (см. прим. 16) и Евгения Ивановна Конради (см. прим. 25).

[35]) Первым киевским опытом была изданная в Киеве коротенькая прокламация — извещение об убийстве в Харькове 8 января 1884 г. предателя Федора Шкрябы (прокламация помечена: «Летучая типография Народной Воли,

9 января 1884 г.»). Впоследствии четыре пробных оттиска этой прокламации были обнаружены при аресте в Киеве 4 марта 1884 г. Варвары Васильевны Щулепниковой, которая предназначалась на роль хозяйки киевской типографии.

[36]) Прокламация Исполнительного Комитета, полностью приведенная в письме от 5 марта (см. № 7). Трудность ее выпуска и переговоры с рядом лиц были обусловлены тем, что петербуржцы ее хотели издать за подписью Исполнительного Комитета, а не от имени местной группы. Однако приехавший впоследствии Лопатин возмущался этой прокламацией и в «Народной Воле» № 10 напечатал ее со специальным примечанием, что Исполнительный Комитет отнюдь не имел в виду брать под свою защиту Дегаева.

[37]) Станок Шебалиных оказался в Москве, так как первоначально, после ликвидации петербургской типографии, открытие новой типографии предполагалось в Москве, и здесь уже были предприняты подготовительные шаги к ее устройству, прерванные по настояниям Дегаева.

[38]) Хворостанская, Апполинария Андреевна, род. в 1864 г. (?) слуш. высших женских курсов. Адрес ее был найден также у Стародворского с пометкою: «Для заказных писем». По ее словам, адрес для переписки у нее просил Д. Перелешин (Перелешин подтвердил это), но писем она не получила ни одного. Была арестована 3 апреля, освобождена 16 августа, по высоч. повелению от 22 января 1886 г., подчинена гласному надзору полиции на два года в Воронежской губернии.

[39]) В момент написания этого письма уже были арестованы все киевляне, как Васильев и Шебалины, так и другие.

[40]) Никонова, Мария Дмитриевна, род. в 1866 г. (?), слушательница высших женских курсов, арестована 9 апреля 1884 г. Показала, что адрес дан был ею по просьбе Эсфири Цейтлин (Цейтлин это подтвердила), заявив, впрочем, что писем по этому адресу не получала. По высоч. повелению от 22 января 1886 г., ей вменено было тюремное заключение (по 2 октября 1884 г.), и она была подчинена гласному надзору полиции на 3 года в Николаеве, где жили ее родители.

[41]) Салова, Неонила Михайловна, «Евгения Александровна», «Александра Ивановна», по паспорту Лобойко, род. в 1860 г., со времени прибытия в Петербург в 1877 г. (на фельдшерские курсы) становится в близкие отношения к революционным кругам, а в 1880 г. примыкает к «Народной Воле» и принимает участие в деятельности среди рабочих, а затем входит в центральную группу по сношениям с учащеюся молодежью. После первого марта Салова деятельно участвовала в 1882 г. в одесских делах, пока не была послана за границу В. Н. Фигнер в связи с известными предложениями правительства Исполнительному Комитету, переданными через Николадзе Н. К. Михайловскому. Оставшись временно за границей, приняла участие в Парижском народовольческом съезде 1884 г. и вернулась в марте в Петербург в качестве одного из трех членов Распорядительной комиссии. На долю Саловой в разгоревшейся борьбе пришлось, конечно, отстаивание традиционных позиций против Якубовича и его сторонников. Дальнейшая деятельность Саловой протекала в Петербурге, где она оставалась во главе дел (Лопатин был в разъездах, а Сухомлин, третий член комиссии, уехал уже в апреле и был вскоре арестован) вплоть до своего ареста 6 октября. Петербургским военно-окружным судом была присуждена к смертной казни, замененной 20 годами каторги, которую отбывала на Каре. В настоящее время живет в Полтаве.

[42]) Клише заголовка десятого номера «Народной Воли».

[43]) Лопатин, Герман Александрович (1845—1918), «Григорий Петрович», одна из виднейших фигур русского революционного движения и несомненно,

центральная фигура в событиях 1884 г. С 1866 г., когда Лопатин был впервые привлечен к политическому, каракозовскому, делу, он всецело отдался революционной деятельности, но всегда держался самостоятельно, большею частью действуя по своему личному усмотрению. В 1868 г. привлекался с Феликсом Волховским по делу рублевого общества и был выслан в Ставрополь. В 1870 г., убежав «очень дерзким способом» (его же слова) со ставропольской гауптвахты, он увез из Кадникова сосланного туда П. Л. Лаврова, уехал за границу и стал в этом же году членом Генерального Совета Первого Интернационала и еще в этом же году уехал обратно в Россию, в Иркутск, устраивать побег Чернышевскому, но неожиданно был арестован. После ареста он бежал (1871), был вновь арестован, вновь бежал (1873) и 1874—1879 гг. прожил за границей, наезжая в Россию. В 1879 г., решивши примкнуть к активному движению, приехал в Россию, но тотчас был арестован, сослан в Ташкент, а в 1882 г. переведен в Вологду, откуда в феврале 1882 г. бежал, написав предварительно в департамент полиции любопытное иронически-обвинительное письмо, рассчитанное на чтение его властями уже после побега. Когда Лопатин предложил «Народной Воле» свое содействие, Тихомиров и Ошанина, не раскрывая Лопатину предательства Дегаева и его двойной роли, пытались, было, отговорить Лопатина от участия в теперешних делах. Лопатин самостоятельно поехал в Петербург, здесь от самого Дегаева узнал об его роли и об его обязательстве покончить с Судейкиным. Лопатин активно вмешался в это дело, стал на ту же точку зрения, что и парижане, и настоял на скорейшей развязке. Уже тогда Лопатин приобрел виднейшее значение в петербургском революционном мире, действуя как член партии, и, уезжая, свои связи передал Степурину. Когда, после Парижского съезда, Лопатин вернулся признанным главою организации, он повел решительную борьбу с оппозицией. Этому причиною была, прежде всего, общая установка деятельности Лопатина, который не верил в деятельность среди русского рабочего класса и в народе, а думал фактами политического террора (как подготовлявшиеся им к концу его деятельности факты против московского прокурора Муравьева и против мин. вн. дел гр. Толстого) привлечь сочувствие «общества». Лопатин и повел борьбу, убеждая, по его словам, оппозиционеров в том, что «общество они раздражают», что они «не сделают ровно ничего, только нашумят мерзких слов, а не сделают даже мерзких дел» и т. п. Был момент, когда, видя, что среди молодежи господствует «п о в а л ь н о е [подчеркнуто Лопатиным] стремление» к деятельности в народе, он предлагал Тихомирову найти выход из положения в том, чтобы «выбросить настроению минуты то, что мы можем ему выбросить» и пригласить к усилению деятельности в народе в виде развития соответствующего раздела программы Исполнительного Комитета. Энергичная деятельность Лопатина привлекла к нему значительные кадры оппозиционной молодежи, и эти планы оказались излишними. Весь этот период вплоть до своего ареста он провел, исполняя, по его же словам, «самолично поочередно и даже одновременно, все роли от старшего офицера партии до носильщика». Действительно, все функции, и организационные связи, и печатание номера «Народной Воли» в двух типографиях, и транспорт, и террор — нити всех этих дел были в руках Лопатина, разъезжавшего большую часть этого времени по всей России. 6 октября 1884 г. Лопатин был арестован, Петербургским военно-окружным судом осужден к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Лопатин провел в Шлиссельбурге 1887—1905 гг.

[44]) Шансон=франц. chanson (песня); возможно, что это — ошибочно прочитанное копиистом «гарсон»-франц. garçon; кто здесь разумеется, неизвестно.

[45]) Ключ шифра нам неизвестен. Далее в письме идет речь о разногласиях, бывших в начале весною 1884 г.

[46]) «Народная Воля», № 10, печаталась одновременно в двух типографиях: дерптской и ростовской. О работе дерптской см. показания Якубовича. Ростовскую типографию решено было устроить на петербургском совещании Лопатина с южанами, Бахом и Ивановым. Первоначальные шаги к устройству были сделаны Бахом. Хозяевами типографии приглашены были Раиса Кранцфельд и Захар Васильев. Участвовали в работах также Петр Антонов и приехавший в конце июня или в начале июля С. Иванов. Работа здесь подвигалась медленно: по показаниям Иванова, в середине августа не был закончен еще первый лист, который был по настоянию Г. Лопатина уничтожен, так как «несколько разнился от другого, печатающегося на севере издания». Как известно, в Ростове хотели было в номере поместить некролог Як. Бердичевского, убитого при нападении на почту под Харьковым, против чего возражал Лопатин. Номер не был закончен в Ростове ни ко времени выхода дерптского, ни ко времени октябрьских арестов по записям, захваченным у Лопатина. Аресты вынудили поспешно ликвидировать типографию, и ростовский номер вышел без иностранного обозрения, без хроники арестов, отчета и некоторых заметок. Он помечен как «2-е издание».

[47]) «Договор» — два документа, напечатанные в № 10 «Народной Воли» («Общие основания программы и организационной деятельности Центрального Комитета соц.-рев. партии «Пролетариат» и «Ответ Исполнительного Комитета партии Народной Воли»), явившиеся результатом соглашения, достигнутого на Парижском народовольческом съезде между «Народной Волей» и «Пролетариатом». Первый из этих документов сохранился также в копии с подлинника, хранившегося в составе архива «Пролетариата», на квартире П. В. Бардовского. Сравнение напечатанного в «Народной Воле» текста с текстом, найденным в архиве «Пролетариата», обнаруживает, что различия текстов в значительной мере могут быть объяснены позднейшим редакционным исправлением документа. Так, текст архива страдает полонизмами, которые исправлены в печатном тексте, как, напр.: «агитация масс» (в «Н. В.»: «агитация среди масс»), «может выбить власть» (в «Н. В.»: «возможно вырвать власть») и др. Наряду с этим имеются и некоторые более существенные редакционные же исправления, как, напр., конец, где отдел V не фигурирует в виде последнего отдела, а представляет собою вводную часть к заключительному абзацу (он помещен вслед за словами: «На основании предыдущего...» и перед отделом I). Оттенок не только редакционный носит в печатном тексте вставка: «лишь» в мотивировочном перечне пунктов сближения с «Народной Волей» в п. 4, где читаем: «Центральный комитет участвует в ней лишь по полному соглашению с Исполнительным Комитетом».

[48]) «Барышни» — Франк, Роза Федоровна, тогда невеста Якубовича, и Рыковская, Юлия, подруга Франк (Рыковская с Якубовичем знакома не была, и к ней только и может относиться замечание Якубовича, что она не знает почерка Якубовича). Р. Ф. Франк (1861—1922) после поступления в Петербурге на врачебные курсы примкнула к революционным кружкам и вела занятия с рабочими. В 1882 г. вокруг Франк уже группируется целый кружок медичек (среди них и Рыковская), но активного участия Франк в движении не принимает. Франк была арестована 15 ноября 1884 г. в один день с Якубовичем и 19 апреля 1885 г. освобождена под залог в 500 р. Франк по высочайшему повелению 1 апреля 1887 г. подлежала высылке на 3 года в Восточную Сибирь и дорогою в Якутске стала участницею известного протеста 22 марта 1889 г., за который поплатилась четырьмя годами каторжных работ (по первоначальному приговору: 15 лет).

Отбыв их в Вилюйске, она была водворена в одном из наслегов Якутского округа (1892—1894), пока не добилась перевода в Горный Зерентуй, где тогда был Якубович и где она, наконец, с ним повенчалась.

[49]) Наддачин, Сергей Борисович, участник Южно-Российского Рабочего Союза, сосланный по делу о киевских рабочих кружках.

[50]) Число адресов, взятых у Лопатина, далеко превышало эту скромную цифру. Записки, которые были взяты у Лопатина, были частью повторены, а частью дополнены подобными же записками, взятыми в меньшем числе у Н. М. Саловой и ранее, еще в меньшем, в апреле у Стародворского. Аресты по этим запискам охватили 32 города, в том числе все крупные университетские центры, а затем и ряд провинциальных городов, где сохранялись связи народовольцев. В результате, помимо военно-судного дела, по которому был привлечен Лопатин, а вместе с ним более крупные деятели и те из рядовых, которые были причастны к террористическим подготовлениям, был возбужден ряд дознаний, закончившихся административным путем, в корне дезорганизовавших народовольческую периферию.

[51]) Н. М. Салова была арестована на улице, когда она направлялась, повидимому, на квартиру П. Булгаревича (см. прим. 60).

[52]) Эти сведения показывают значительную осведомленность революционных кругов: у Лопатина были взяты 49 номеров «Народной Воли», 2 готовых снаряда и множество разнообразных изданий и рукописей. Толстой Лопатина не посещал. Но в департаменте полиции с Лопатиным вели охотно разговоры, и в записке от 9 октября 1884 г. сообщалось, что сам Лопатин «весьма словоохотлив». Впрочем, чем была обусловлена эта «словоохотливость», мы узнаем из той же записки. Видимо, угнетенный захваченными у него адресами, Лопатин «заявил, что будет давать показания по вопросам, оправдывающим других обвиняемых».

[53]) Речь идет о процессе В. Н. Фигнер, который происходил 24—27 сентября. Слух о том, что М. Ю. Ашенбреннер, которому, как известно, смертная казнь была заменена бессрочными каторжными работами, расстрелян, был сильно распространен в то время и держался довольно продолжительное время в той же версии: в № 11—12 «Народной Воли», который вышел годом позже, в октябре 1885 г., находим сообщение о расстреле Ашенбреннера, будто бы вторично судившегося военно-окружным судом за пощечину, данную им одному из «генерал-тюремщиков».

[54]) Минаков, Егор Иванович (1854—1884), осужденный Одесским военно-окружным судом в 1879 г. и в 1880 г. из Кары переведенный в Шлиссельбург, в августе 1884 г. Через несколько дней после перевода, 24 августа, он ударил врача Заркевича, которого заподозрил в отравлении, и был 21 сентября расстрелян.

[55]) Сабунаев, Михаил Васильевич, б. студ. Московского университета, был привлечен к дознанию по Лопатинскому делу и по высочайшему повелению от 12 марта 1886 г., выслан в Восточную Сибирь на 5 лет. Впоследствии бежал из ссылки 26 октября 1888 г. и пытался создать новую революционную организацию в приволжских городах. 4 декабря 1890 г. был арестован в Костроме и, по высоч. повелению от 22 января 1892 г., подвергнут 1 году тюремного одиночного заключения и высылке в Восточную Сибирь на 10 лет.

[56]) Скворцов, Павел, был задержан в кв. С. Флоровского. По высоч. повелению от 8 октября 1886 г., подчинен гласному надзору полиции вне местностей усиленной охраны на 3 года.

[57]) Кирпищиков, Алексей Михайлович, род. в 1859 г. (?), студент Петербургского университета, впервые привлекался к дознанию за участие в сходке на квартире Сергея Иванова в 1879 г. и был выслан из Петербурга. Вернувшись в Петербург, он летом 1883 г. вновь сошелся с революционными кругами, и именно Дегаев познакомил его с Якубовичем, последствием чего было привлечение Кирпищикова в организацию «Союза молодежи партии Народной Воли», членом центрального кружка которого он, по его словам, стал. Арестованный 29 октября 1884 г., он уже в декабре 1884 г. дал ряд откровенных показаний о «Союзе молодежи». 28 августа 1885 г. он был освобожден, а по высочайшему повелению от 11 июня 1886 г. подчинен гласному надзору полиции на три года в Пермской губернии.

[58]) Губаревич-Радобыльский, А. Ф., подпоручик, привлекался по делу народовольческой военной организации.

[59]) Беляевский, Виктор Павлович, род. в 1864 г. (?), студент Петровской академии, был арестован 18 октября 1884 г., так как фамилия его была найдена в одной из записок Германа Лопатина. Беляевский умер до окончания дознания о нем, 1 мая 1886 г., в апреле отданный уже безнадежно больным под залог сестре своей Зое Борисенко.

[60]) Булгаревич, Порфирий Александрович, род. в 1858 г. (?), окончил Петербургский университет, чиновник министерства финансов, исп. должность столоначальника департамента окладных сборов, был арестован в ночь на 18 декабря 1884 г. При обыске у него было обнаружено письмо к нему Тихомирова от 27 октября 1884 г., в котором (письмо известно нам только в прокурорском пересказе) Тихомиров писал об условиях издания «Вестника Народной Воли», его недостатках и трудностях издания и просил сообщать сведения о деятельности государственного банка и министерства финансов. Письмо это было, как пишет в своем пересказе прокурор, ответным Булгаревичу, как лицу, «предлагавшему письменно автору письма свое сотрудничество». Булгаревич был знаком с Н. М. Саловой еще в 1879—1880 гг., и, приехав в Петербург в 1884 г., она возобновила знакомство (что признала в своем показании) и ввела его, повидимому, в курс дел. Секретные сведения говорили о связях Якубовича с Булгаревичем, возможно, на основании именно этого письма. Якубович в своих показаниях отрицал знакомство. Адрес Булгаревича оказался и в записной книжке Макара Васильева. По высоч. повелению от 19 февраля 1886 г., Булгаревич был выслан в Западную Сибирь на пять лет.

[61]) Семенов, Николай Иванович, студент Петербургского университета, привлечен был к дознанию по делу «Союза молодежи», по высоч. повелению от 22 января 1886 г., подчинен был гласному надзору полиции на 3 года в г. Петровске (Дагестан).

[62]) Иоффе, Абрам Овсеевич, студент горного института, арестован 17 декабря 1884 г.; по агентурным сведениям, Якубович предлагал ему стать во главе кружка (какого?), но тот отклонил это, мотивируя тем, что недостаточно опытен. Якубович отрицал свое знакомство с Иоффе. По высоч. повелению от 19 февраля 1886 г., Иоффе было вменено предварительное заключение, и он был подчинен гласному надзору полиции на 2 года вне местностей усиленной охраны.

[63]) Моисеев, Василий Павлович, род. в 1863 г., слушатель петербургского реального лицея Стокальского. В 1883 г. примкнул к рабочей группе и входил в ее центр. Осенью 1884 г. стал близким помощником Якубовича и должен был, повидимому, играть роль провинциального агента. Так, он поехал в провинцию с письмом Якубовича (см. в тексте № 15) и был арестован в Туле 15 ноября

1884 г., в тот же день, что и Якубович. Кроме письма у него было взято 76 экземпляров только что вышедшего номера «Народной Воли» и разные брошюры. Моисеев был выслан в Западную Сибирь на 3 года.

[64]) Федершер, Григорий Наумович, в 1881 г. был привлечен по делу Одесской народовольческой группы, бежал из-под ареста и эмигрировал. В начале 1884 г. был направлен в Россию для устройства транспорта в Риге (см. прим. 71). Во время этого пребывания едва не был арестован, попав в августе в Одессе на квартиру, которая подверглась обыску. Федершер попросил разрешения выйти, и ему удалось таким образом убежать.

[65]) Вопрос о террористическом акте против Толетого все время стоял на очереди с самого момента возобновления террористических планов после убийства Судейкина. Молодые народовольцы, как теперь выясняется из воспоминаний В. А. Бодаева, не только строили планы покушения, но настолько подготовили их, что предполагаемые исполнители явились даже на прием к Толстому. Но, как это выясняется теперь из официальных документов, власти были превосходно осведомлены об этом покушении, и если не арестовали тотчас Н. М. Флерова и Н. Богданова (рабочего), то, очевидно, только потому, что были уверены в бесплодности попыток при наличии прекрасной, повидимому, агентуры (это качество агентуры подтверждено всеподданнейшей запиской, где говорится и об акте против Толстого), которую не стоило рисковать проваливать этим арестом. Толстого же наметил Лопатин, и приготовления против Толстого были доведены до значительной степени подготовки. В Петербург были привезены снаряды, было, по сообщению И. И. Попова, снято помещение под портерную для облегчения наблюдения за Толстым и т. д. Естественно, что теперь первая мысль была о том же. Впрочем, Якубович не знал, что снарядов нечего было изготовлять, так как их запас остался в ростовской типографии.

[66]) Яков Павлович, повидимому, Мария Николаевна Емельянова (род. в 1863 г.), которая действительно вступила в переписку с Тихомировым непосредственно после ареста Якубовича и вела также переписку с дерптской типографией. В 1880 г. она вошла в состав Сибирского землячества, а в 1881 г. примкнула к «Народной Воле». После ареста Якубовича и вплоть до своего ареста 12 февраля 1885 г. Емельянова стояла во главе деятельности. По высочайшему повелению от 4 июня 1886 г., была сослана на пять лет в Восточную Сибирь. Впоследствии была в течение 18 лет редактором-издателем «Сибирского листка».

[67]) Повидимому, случайный арест, не связанный с революционным движением.

[68]) Позиция Тихомирова для этого момента, точнее для всего 1884 г., охарактеризована Якубовичем, на основании личной переписки с ним, совершенно правильно. В опубликованных теперь дневниках Тихомирова можно найти множество подтверждений того, что Тихомиров всячески уклонялся от практического руководства (которое ему никогда и ранее не принадлежало) деятельностью «Народной Воли», был сторонником вообще возможно более осторожного образа действий (напр., был против того, чтобы Лопатин выступал под фирмой Исполнительного Комитета), себя же самого считал только литературным выразителем партийных взглядов.

[69]) Речь идет о Сергее Иванове.

[70]) Попов, И. И., род. в 1862 г., один из деятелей петербургской народовольческой рабочей организации 1882—1884 гг. и автор посвященных ей воспоминаний. Был арестован 16 марта 1884 г. и вскоре освобожден; самый разгар раскола произошел, таким образом, во время его нахождения в заключении. Когда Попов вышел из тюрьмы, он не примкнул к воссоединенной орга-

низации, но в самой рабочей группе, не присоединившейся к старой организации (см. прим. 74), занимал, повидимому, примирительную позицию, и этим объясняется настоящее письмо Якубовича к нему. Впрочем, при адресовании письма именно Попову могло играть роль и то, что оба они были дружески связаны еще с 1881 г. Попов был вторично арестован 12 февраля 1885 г. и выслан в Восточную Сибирь на 4 года.

[71]) Организация границы в целях транспорта литературы в 1884 г. велась в двух пунктах, и оба они были портовые, в виду затруднений по сухопутной границе. В Риге транспорт удалось организовать при посредстве Карла Менцеля, корабельного плотника на английском пароходе «Кельсо», совершавшем рейсы Лондон — Рига. Первый транспорт был привезен Менцелем в марте 1884 г., и лежал до сентября у знакомого его Кирата, так как долженствовавшее быть посредником лицо (Лядов) уехало из Риги. Поэтому транспорт этот не был разыскан Г. Лопатиным (он жил в Риге с 8 июля по 10 августа), и его нашел только в сентябре Гр. Федершер. Вторично привезенный Менцелем на том же пароходе транспорт (среди них 50 экземпляров «Вестника Народной Воли») был обнаружен во время таможенного досмотра 29 сентября 1884 г. Указания на второй пункт морского транспорта были получены от Л. Квицинского (бывшего члена одесского народовольческого кружка, ставшего предателем, агентом и под конец дослужившегося до должности начальника туркестанского охранного отделения), который указал на прикосновенность к этому делу В. И. Сухомлина. В то же время, 14 мая 1884 г., на французском пароходе «Мендоза», прибывшем из Марселя, оказался тюк нелегальной литературы, который вез матрос Маттеи и за которым явился Иван Николаевич Телепнев. Телепнев при дознании заявил, что он теоретически вполне согласен с главнейшими положениями программы партии «Народной Воли», причем цели ее, «как ближайшие, так и более отдаленные, считает очень возвышенными и достойными заполнить деятельность всей жизни благородного человека». После провала этого пути были сделаны новые попытки наладить транспорт. Тихомиров писал Лопатину 2 сентября 1884 г., что «одна южная группа устраивает перевоз и просит книги. Мы опять согласились».

[72]) Что касается «организационных программ», то Якубович, повидимому, понимает под этим практический план действий. У Лопатина было взято довольно значительное количество различных организационных документов, из которых ни один (кроме того, что напечатано в IX «Обзоре важнейших дознаний») не дошел (или не найден) ни в подлиннике, ни в копии.

[73]) Лопатин подготовлял два акта: против гр. Толстого (см. прим. 65) и против прокурора московской судебной палаты Муравьева, обвинителя по делу первого марта (затем министра юстиции).

[74]) Петербургская рабочая группа организовалась после разгромов народовольческой рабочей организации 1881 г. (после — мартовского и декабрьского). Во главе ее стояли Н. М. Флеров и В. А. Бодаев, которые были участниками первых рабочих организаций, но теперь, во избежание провала, решили вести дело вне общей народовольческой организации. В 1883 г. группа вошла, наконец, вновь в состав петербургской народовольческой организации и явилась одним из главнейших ферментов в деле образования новых взглядов. В своих показаниях Якубович прямо говорит, что группа внесла «значительный вклад» в идеологию «Молодой партии Народной Воли». После приезда Распорядительной комиссии группа обратилась к ней с недошедшим до нас программным заявлением, а когда «Молодая партия» впоследствии прекратила свое существование компромиссным соглашением, петербургская группа не примкнула к этому соглашению, заявив,

что «не вступает ни в какие обязательные отношения к Исполнительному Комитету». Такое положение раздельного существования с попыткою программного оформления (см. прим. 75) не изменилось вплоть до ноября, чем и вызвано было настоящее письмо Якубовича.

[75]) Программа рабочей группы, о которой пишет Якубович, повидимому, до нас не дошла (по крайней мере, до сих пор не найдена). Однако экземпляр этой программы был взят в вещах Федора Васильевича Олесинова, рукою которого он был написан. Арестованный 20 ноября 1884 г. уже на пароходе при попытке уехать через Батум в Турцию, Олесинов признал себя автором этой программы и объяснил, что, когда рабочая группа окончательно разошлась с Исполнительным Комитетом, ему было поручено составление этой программы. К сожалению, даже в заключении прокурора нет обычного в аналогичных случаях пересказа этой программы.

[76]) Передовая «Народной Воли» № 8—9, принадлежащая, несомненно, перу Л. А. Тихомирова, была одним из самых ярких якобинских заявлений народовольческой литературы и постоянно служила и служит иллюстрацией бланкистских тенденций народовольчества. На нее же ссылалась, напр., и М. Н. Полонская, когда писала, что «под конец деятельности Комитета я не припомню ни одного человека, кто относился бы к захвату власти отрицательно», и указывала, что в этой статье «на этот счет высказались совсем недвусмысленно». В этой передовой, одной из самых обстоятельных передовых «Народной Воли», в качестве «непосредственной» (подчеркнуто в «Народной Воле») задачи указывалась «организация заговора с целью ниспровержения существующего государственного строя».

[77]) «Письмо Исполнительного Комитета Александру III», автором которого является тот же Тихомиров, подобно всем послепервомартовским документам «Народной Воли», в свою очередь также не раз служило аргументом, когда надо было указать на умеренность требований «Народной Воли». Так, напр., различными документами, вышедшими после первого марта, в том числе и этим письмом, воспользовался в защитительной речи Гр. Исаев для доказательства парадоксального для властей тезиса, что «Черный Передел» выставляет более крайние требования, чем «Народная Воля».

[78]) Автором этой статьи был Герман Лопатин.

Бездинское восстание 1861 г.

Печатаемые ниже документы являются дополнением к опубликованным в IV (35) томе «Красного Архива» [1]) материалам о кровавой расправе ген.-м. Апраксина с восставшими крестьянами в с. Бездне, Казанской губернии, в апреле 1861 г. Апраксин получил «высочайшее» одобрение своих действий и приказ судить Антона Петрова полевым судом. Из Казани был вызван аудитор, и военный суд из офицеров войск, стоявших в Бездне, 17 апреля 1861 г. приговорил Антона Петрова к расстрелу. Апраксин конфирмовал приговор. 19 апреля Антона Петрова казнили, вызвав по три человека от каждого села для выслушания приговора. Полевой уголовный суд снял показания с бездинских сотника, старосты и выборного и с самого Антона Петрова. Следственная комиссия, посланная губернатором, во главе с советником губернского правления Перцовым, приехала в Бездну 25 апреля, освободила многих крестьян, арестованных Апраксиным, и предала суду 16 человек по обвинению в распространении слухов о воле по другим деревням и в собирании народа в с. Бездну. Из них были наказаны розгами пять человек, а двое из последних были присуждены еще к арестантским работам на два и полтора года, двое к десятимесячному заключению в Казанском рабочем доме. 4 августа дело о беспорядках в с. Бездне по высочайшему повелению было закончено производством.

Печатаемые ниже документы — копии с показаний крестьян в полевом суде и в следственной комиссии — приложены к рапорту чиновника мин. внутр. дел И. Ф. Собещанского, расследовавшего дело об известной панихиде по убитым в с. Бездне крестьянам.

Текст публикуемых документов подготовила к печати В. Лейкина.

Отзывы срочно-обязанных крестьян Спасского уезда по предмету беспорядков в с. Бездне [2]).

Село Юркуль помещика Аристова.

По распространившемуся на базарах слуху, что 12 апреля в с. Бездне будут читать решение о воле, отказались от господских работ и поехали туда, потому что вполне поверили распространивше-

---

[1]) См. «Красный Архив», т. IV(35), стр. 176—208.

[2]) Заголовок подлинника. Ленинградское отделение Центр. Истор. Архива. Дело канцелярии министра внутренних дел, 1861 г. № 101: «О панихиде в Казани по убитым в Бездне и о преступных действиях бакалавра Щапова. Тут же о командировании в Казань для дознания по сему делу ст. сов. Собещанского».

муся о воле слуху, и что в справедливости этого их утвердило еще присланное о крестьянах Положение, так как находившимся в крепостной зависимости отцам их и дедам оно никогда присылаемо не было. Положение было им приказано читать; для этого они нанимали чтецов, платили им деньги и, полагая, что книги эти присланы не напрасно, думали одно, что чтецы их не умеют найти в Положении волю, а что в Бездне чтецы были лучше и потому волю нашли. Не пойти же в Бездну и не справиться, есть ли там воля или нет (по их словам) было бы не натурально, потому что в прежние времена за свободу платили деньги, а здесь она объявлялась им без всякого с их стороны ходатайства. Бывшие в Бездне Антона не видали и, окружал ли его кто, не знают. К 15 апреля в Бездну им приезжать никто не приказывал и о том, что к тому дню туда хотел собираться народ, они ни от кого не слыхали и с четверга, т. е. с 13 апреля, все господские работы отправлялись как следует.

Село Кокряты помещика Наумова.

Глядя на других, 12 апреля ходили в Бездну 25 человек, и когда пришли туда, то бездninские крестьяне сказали им, что они, как посторонние, должны стоять позади, потому, будто бы, что они не сумеют отвечать начальству, но всякому приходящему и имевшему в руках батажек (палочку) приказывали бросить. При расспросах, кто первый закричал: «За кольями», все крестьяне в один голос отвечали: «Грех даже сказать, чтобы кто-нибудь говорил о кольях, а что, напротив, все стояли в то время (по их выражению), как на молитве, держа шапки в руках». О том, чтобы еще когда-нибудь собираться в Бездну, не только им никто не говорил, но и слухов об этом не было никаких. После расспросов все крестьяне три раза становились на колени, почти со слезами просили прощенья и говорили, что вполне сознают свою вину, тем более, что до этого времени они пред помещиком никогда ни в чем не провинялись и что теперь происшедшие поступки всеми силами постараются загладить.

Деревни Болховской помещика Мусина-Пушкина.

2 апреля, получив Положение, один из них, Матвей Михайлов, учившийся немного грамоте у Антона в Бездне, предложил им для чтения Положения пригласить Антона. Поэтому с Матвеем отправились в Бездну еще Василий Семенов, Василий Федоров и Евдоким Николаев и просили управляющего Павла Родионова отпустить к ним Антона. Управляющий Антона отпустил, и он пробыл у них с понедельника 3 апреля по вторник до обеда; в это время читал он им Положение и говорил, что крестьяне на помещика должны работать

в год только сорок дней, о воле же ничего не говорил. Потом, пришедши к ним снова в середу вечером, сказал, чтобы они всем миром шли в Бездну, потому что он откроет им там волю, причем прибавил, что если он был бы житель Болховской, то он им открыл бы волю здесь. Тогда они всем миром пошли в Бездну; пришли сначала к дому сотника Андрея Матвеева, сказали ему о словах Антона. Видя их, начал собираться народ; когда собралось довольно, они пошли к священнику просить присяги, что им дана воля; священник им в том отказал и просил Антона прочесть ему, где он нашел волю. Антон в том ему отказал и сказал народу: «Лучше пойдемте ко мне в дом». После этого Антон начал им читать Положение и говорил, что все барские работы должны быть прекращены, караулы отменены, мельницы оставлены и т. п., но брать самим что-либо помещичьего запрещал. С того времени к Антону начал приходить народ со всех деревень, но все они в первый день возвращались домой, и после того до того дня, когда разогнали их солдатами, из их деревни ходили в Бездну каждый день человек десять, иногда пятнадцать и более; в тот же день, когда стреляли, они были все; не расходились они потому, что Антон уверял их, что их будут только стращать солдатами, что сделают по них три выстрела холостыми зарядами, а четвертый—пулями—будут стрелять взад. Того же, кто будет стоять сзади, пуля убьет; стоявших же спереди она не заденет, поэтому все безднинские и они стояли впереди всех и приходившим из других деревень приказывали становиться позади себя. После трех выстрелов, — Антон говорил, — будут бить в барабаны, тогда он выйдет к начальству, его закуют и повезут к государю, и он вышлет им милостивый манифест и даст волю. Дня, когда приходить в Бездну, Антон не назначал, но говорил только, чтобы приходить тогда, когда будут солдаты, причем всем им приказывал, чтобы в случае объяснения с начальством говорить тише, приходить в толпу только с шапками, но палок с собой не брать. Во время же увещаний был в толпе шум, потому что, как они выражались, мужики говорить тихо не умеют, особенно когда их сберется несколько тысяч, как было тогда в Бездне. Наконец, крестьяне говорили, что поверить Антону, что им дана воля, единственно заставила присылка Положения, так как до этого времени никаких книг в мир присылаемо не было.

Показания, отобранные в полевом уголовном суде, бывшем над крестьянином Антоном Петровым.

Сотника села Бездны Андрея Матвеева.

До объявления высочайше утвержденного Положения между крестьянами не было никаких смут; работы отправлялись безостано-

вочно. В начале апреля месяца, — которого числа, не упомню, — губернаторский чиновник привез к нам Положение о крестьянах и одну книгу передал в контору к управляющему, другую мне, а третью отдал бывшему у нас в селе старосте деревни Болховской (нашего же имения), причем чиновник сказал, чтобы мы избрали чтеца, который бы нам читал Положение; в тот же день мы просили читать управляющего, который, прочитав несколько страниц, отдал книгу назад; после обеда читал у меня Положение на дому отставной фельдшер, а потом старики отнесли книгу к бывшему конторщику Волкову, но никто из этих чтецов воли нам не вычитал, а говорили, что надо оставаться попрежнему два года. В тот же самый день, как читали Положение, болховские крестьяне просили Антона Петрова к себе читать. Антон Петров был в Болховском дня три, и когда возвратился вместе с болховскими мужиками, то стал говорить, что вычитал там волю; после взял у нас Положение и в нем также нашел волю. После того к нему начали сходиться мужики из разных деревень, и он всем объявлял, что крестьяне вольные, на барщину ходить и подводы давать не следует и что земля вся принадлежит не помещику, а крестьянам. Когда прорвет плотину или будет плыть господский лес, то помощи не давать, не препятствовать даже и тогда, когда кто будет воровать из амбаров барский хлеб, но чтобы сами мы ничего барского не трогали, а на господ не смотрели, угроз противу помещиков не говорил. Дней за пять до происшествия в наше селение начало собираться много жителей из других деревень, чтобы слушать Петрова; по этому случаю приехал исправник, стряпчий и становой, но крестьяне их не слушали, а Антон Петров к ним не выходил, только смотрел в окошко и разговаривал с исправником. 10 апреля, когда приехал в наше село граф, он посылал меня собрать в контору стариков, и хотя я ходил к ним и говорил, что послан от графа, который приехал от государя, но старики, спросившись Петрова, отвечали, что они не пойдут; когда же была приведена команда, я на площади не был и того, как стреляли в крестьян, не видал; говорил ли Антон Петров, что он послан от царя и от бога, я сам и ни от кого другого не слыхал, а только слышал я от стариков, что Петров рассказывал будто бы, что когда их будут наказывать розгами, то чтобы вместо одного разделись пять; говорил также, что придет команда, будет стрелять два раза назад [1]). Причем просил стариков, чтобы они не выдавали, а стояли бы на своем, что им дана полная воля.

[1]) Из отзыва мельника Тимофея Семенова при допросе в следств. комиссии, между прочим, видно, что Антон рассказывал: в Положении есть крест св. Анны, святые тайны и просвира господня. — Примечание в подлиннике.

Старосты Павла Михайлова,

который показал, что и сотский Андрей Матвеев, с тою разницею, что граф не посылал его собирать мужиков; а в то время он находился дома, и потому не знает, что отвечали старики сотскому; что в то время, когда пришла команда и стреляла в мужиков, он выходил на площадь, но стоял отдельно вдалеке, видел, что крестьяне действительно не слушались графа и не хотели выдать Антона Петрова, кричали: «Воля, воля! Умрем за царя!» Более же ничего не расслышал; дручков, а равно и никакого оружия в это время у них не было; к сему добавил, что крестьяне прибили его за то, что он не принимал участия в их деле, что избранные Антоном Петровым сотские ездили по деревне и запрещали крестьянам ходить в церковь.

Выборного Ивана Исаева.

Когда получили мы Положение о крестьянах, Антон Петров, спросившись у управляющего, пошел в село Болховское читать по просьбе стариков Положение; возвратившись оттуда, он стал смущать народ, говоря, что вычитал в Положении совершенную волю, и подъехал прямо к церкви, куда сбирался весь мир; туда вызвали и меня и стали сказывать о вычитанной Петровым воле, а когда я начал Антона Петрова усовещевать и говорить ему, что он делает худо, то крестьяне прибили меня, и я убежал к священнику, куда приходил Петров вместе с другими крестьянами и просили дать им присягу в том, что действительно в Положении объявлена воля; но священник, удивившись таким требованиям, прогнал их из дому [1]). Через два дня я ходил к Антону Петрову, что он читает и какую проповедует свободу, но Петров сказал, что этот секрет мне открыть нельзя, так как я начальник. Когда я сидел у Петрова, набралось много народу и стали кричать на меня, зачем я пришел, а когда я вышел на двор, то крестьяне меня прибили, называя меня предателем; об этом я объявлял священнику, который мне приказал не ходить к Петрову, после чего я сделался болен и пролежал до приезда генерал-майора графа Апраксина, которому рассказал все подробно. Свидетелем при том, как стреляли в мужиков, не был.

---

[1]) Священник объяснял следств. комиссии, что пришедшая к нему толпа, во главе которой был Антон, просила дать присягу им, что дана им воля; на вопрос же, на чем основывает Антон волю, он указал на образец уставной грамоты, а на замечание, что он ошибается и неправильно понимает, сказал, что есть в книге другие места, где прямо и ясно говорится о чистой воле. Затем на предложение Антону отпустить народ и остаться ему читать вместе Положение он сказал: «Ну, старики, пойдемте лучше домой, здесь нечего делать». — Примечание в подлиннике.

Крестьянина Антона Петрова.

По получении в селе Бездне Положения об освобождении крестьян от крепостной зависимости, в начале апреля месяца, меня пригласили старики в деревню Болховскую прочитать Положение. Читавши его, я, не зная хорошо грамоты, неправильно растолковал первую статью уставной грамоты, где сказано: «из них отпускаются после ревизии на волю О, О». Знаки эти я принял за изъяснения воли и потому стал говорить всем крестьянам, что вышла воля. Чрез два дня я почти со всеми крестьянами села Болховского, из которых припомню Ивана Николаева, Василия Федорова, Романа Кондратьева, воротился в село Бездну и явился с теми крестьянами к священнику, прося его дать присягу в том, что мы нашли в Положении волю, но священник не согласился на это; после того мы пошли домой, и я сказал крестьянам: «Давайте вместе выхлопатывать волю». С тех пор я всем приходящим ко мне стал объявлять, что крестьяне — вольные, говорил им, чтобы они не слушали помещиков и начальствующих властей, приказывал крестьянам не ходить на барщину, не платить оброков, не давать подвод, даже не препятствовать, когда крестьяне увидят, что другие будут брать из барских амбаров хлеб; если вода разломает мельницу, то не поправлять самим, от помещиков ничего не брать. Толковал, что вся земля принадлежит крестьянам, а помещику остается только одна треть. Все это я выдумал из своей головы для того, чтобы более привлечь на свою сторону крестьян, полагая, что чем более будет крестьян, тем скорее получу свободу. Многие крестьяне приходили ко мне, и я объявлял им свободу. Когда приезжали в наше селение предводитель дворянства, исправник и становой пристав, то я, по глупости своей, приказал крестьянам их не слушать и к ним не ходить, боясь, чтобы крестьян не сбили с толку. Чтобы больше привлечь крестьян к себе, я предложил миру избрать новых сотских и посылал их с другими крестьянами по разным деревням собирать крестьян слушать свободу. По прибытии в нашу деревню военной команды, я находился в избе и видел, как подъезжали верхами сначала два офицера, а потом священник и увещевали крестьян разойтись, но крестьяне отвечали: «Не хотим, умрем за царя». Когда сделали первый и второй залпы из ружей, я молился и ничего не говорил; после третьего залпа я сказал крестьянам: «Ребята, не сдавайтесь, еще не время, теперь стрелять уже не будут, а станут читать волю». Слова эти я говорил, чтобы отстоять волю. За четвертым залпом я хотел выйти, но пока меня родители благословляли, еще было сделано несколько залпов. Простившись с родными, я взял Положение и медный благословенный образ и, неся над головою Положение, вышел к

войску; это я сделал потому, что полагал, с царским указом на голове, в меня стрелять не будут; бежать же я не хотел, и лошади для меня никто не приготовлял, а она была разъездною, которая назначена была мною для безопасности, чтобы меня не подожгли и не поймали. Предсказателем и пророком я себя не выдавал и никому не говорил, что имею письмо от государя императора, а только накануне 12 апреля татарин деревни Тохталы Савелий [1]), придя ко мне в дом, сказал, что он чрез купца Юнусова сейчас отыщет свободу, при этом брался за 10 руб. серебром сходить к Юнусову и написать прошение; для этого я взял у отца 3 руб. и, — не помню, у кого, — 7 р., отдал их татарину Савелию, вместе с листом белой бумаги, на которой подписал фамилию; просил Савелия и поехавшего с ним моего однодеревенца Гаврилу Тарасова [2]) написать в Казани прошение к государю, в котором благодарить его за свободу крестьян; отправлено ли то прошение, я не знаю, и никакой особой цели в написании того прошения не имел, надеясь только, по заверению Савелия, получить свободу. Во время сборища в Бездне народа крестьяне собирали деньги по 1 коп. серебром с души и приносили их ко мне; для чего это было сделано, я не знаю, а полагаю, что для письменных дел. В произведенном мною волнении участвовали все почти крестьяне села Бездны и других селений; особых же приближенных к себе сообщников я не имел, сотские назначены были не самим мною, а миром, и потому имен всех их не упомню, знаю только Николая Иванова, Егора Леонтьева и Петра Пименова; они выбирались для того, чтобы собирать народ и не давать им расходиться. Народу я не наказывал делать грабежа, убийства, дерзости начальству и тому подобного, а напротив, говорил, чтобы никого не обижать, цели же на составление толпы я никакой не имел, кроме желания освободиться из крепостного состояния.

Все это показал справедливо и к оправданию своему прибавить ничего не могу, но сознаю себя виновным в смерти товарищей, убитых командою, и готов бы был пострадать за них.

---

[1]) Ерюшев ни в чем не сознался, показывая, что в то время в Бездне не был, а Тарасовым был нагнат [sic!] на дороге и довезен в Казань и обратно; но бытность его у Ант. Петрова удостоверили двое беспристрастных свидетелей. — Примечание в подлиннике.

[2]) Тарасов же сознался, что был послан миром в Казань к Юнусову узнать, «есть ли воля», но велено было заехать в Болховку и взять Ерюшева и передать какую-то бумагу. В Казани Юнусова не застал; почему, по совету Ерюшева, ходил к какому-то производителю, который сказал, что воли нет и в Бездну поехал чиновник с наказанием; услыхавши это, они воротились домой. — Примечание в подлиннике.

149 человек жителей села Бездны без присяги единогласно показазали:

Что Антон Петров увлекал их рассказами о совершенной воле, которую он вычитал будто бы из высочайше утвержденного Положения о крестьянах, возбуждал крестьян к неповиновению и ослушанию местным полицейским властям и помещикам, говорил, что кто в течение 3-х месяцев не разберет в присланной книге Положения о крестьянах воли, тот будет анафема — проклят, что покойный государь Николай Павлович принял смерть от помещиков, и что настоящий император Александр Николаевич тоже терпит от них. Кроме того, Антон Петров запрещал им ходить в церковь и принимать причастие, называя священника еретиком, и говорил, что он в причастие подмешивает яду; к сему крестьяне добавили, что Петров брал с них деньги по 1 коп. сер. с души.

При допросе следственной комиссии показали крестьяне с. Бездны.

Матвей Михайлов.

На пятой неделе великого поста в воскресенье для нашей деревни было привезено высочайше утвержденное Положение, которое, с согласия стариков, отдано мне, а я пригласил, с позволения управляющего села Бездны, читать эту книгу крестьянина Антона Петрова, который и читал тогда же у меня в доме, а после у Николая Андреянова, но сказал, что до сих пор он ничего хорошего не вычитал; а в четверток утром пришел сам в деревню и сказал: «Приходите в Бездну, я вам открою настоящую волю», почему я и весь народ из нашей деревни пошли в село Бездну слушать Антона, оставя ходить на господские работы. В Бездне Антон Петров рассказал, что мы все — вольные с 10-й ревизии, и как услыхали мы все это, то поверили и больше не слушались никого, так как он нам натолковал, что все, кроме его, объясняют Положение ложно. В Бездне я был до тех пор, покуда пришли солдаты и стреляли в нас, и я по третьему выстрелу убежал, узнав из того, что Антон Петров обманул нас ложным толкованием. Видно, бог от нас отступился, что мы дали обманщику читать Положение и поверили ему. Вотчинного старосту Никиту Михайлова и десятника Николая Михайлова я и никто из наших не сменял, а они сами оставили свои должности; по приказанию же Антона выбрали мы сотником Лаврентия Матвеева, а больше никого не выбирали. Сбор денег у нас хотя и был, но в это время я был в кузнице, и потому за меня заплатили миром 4 коп. сер. После того как народ усмирили, меня исправник посадил под караул в село Бездну 21 апреля, где я до настоящего времени и содержусь за караулом солдат, как аре-

стант. Причем дополнил, что он с Антоном Петровым познакомился назад тому с год, учился у него грамоте и потому предложил своим обывателям пригласить его в нашу деревню читать Положение.

Лаврентий Матвеев.

Когда в нашей деревне Антон Петров читал Положение, то я ходил слушать его один раз, но ничего не понял, а после не ходил. В пятницу, но которого именно числа — не упомню, но только после того, как Антон Петров открыл в Бездне волю, пришли к нам в деревню трое безднинских, Порфирий Кирилов, Осип Никифоров, Иван Ларионов Самулин, и велели всем нашим итти туда и слушать у Антона Петрова волю, почему весь мир и пошел, а я остался дома, так как меня выбрали всем миром для порядка по этому делу сотником, и кроме меня выбраны были еще стариками помощники Павел Трофимов, Дмитрий Дормидонтов и Кузьма Яфонов; в тот же день наши обыватели, Яков Яковлев, Василий Кунафьев, пришли из Бездны и велели по приказанию мира мне собрать по 1 коп. серебром с души, что я в тот же день исполнил, собрав всего 6 р. 50 коп. ассигнациями, и отдал их Кунафьеву, и он, получив деньги, пошел с товарищем в Бездну; для чего же был сбор, они не говорили, но сказали, что приказали так старики и что безднинские тоже собирают. Из наших Захар Яфонов ездил в деревню Горки, созывал народ в Бездну слушать волю, а сам я никого не возмущал, а поступил в сотники, послушавшись стариков. Староста наш Никита Михайлов ушел от нас после того, как узнали о воле от Антона Петрова, потому что ему много делали обид, о чем он сам лучше расскажет, и после его ухода и десятник Николай Михайлов отступил от должности, но я сам им никому препятствий в отправлении должности никогда не делал.

Из акта следственной комиссии месту [sic!], где было скопище народа, во время усмирения, видно, что, полагая средним числом на квадратную сажень до 10-ти человек, было на этом месте людей тысяч от трех с половиною до четырех.

Во время производства следствия свиты его императорского величества генерал-майор граф Апраксин предложил включить в опросы крестьян обстоятельства: 1) о неотлучно окружавших Ант. Петрова, не допускавших к нему: 2) для чего он старался собрать народа как можно более, к 15 апреля и 3) от кого слышали крестьяне, что Петров обещал священникам виселицу.

Опрошенные по сему показали:

Мельник Ларион Тимофеев.

Как зовут тех крестьян, которые неотлучно окружали Антона, и каких они селений, сказать не могу, так как к Антону приходило народу много, не только с ближайших селений, но и из дальних; постоянных же людей около него не было никого, исключая чтецов из села Юркуль Николая Михайлова и села Щербеть Николая. К Антону пускали всякого приходящего, и какая же была бы польза нам не пускать к нему никого, когда он всем говорил волю. Не ходил же Антон к начальству и не пускал их к себе, я думаю потому, что он боялся и оттого самого приказывал, чтобы было около него народу как можно более, говоря нам, что чем больше будет нас, тем скорее государь нам даст волю и прищлет милостивый манифест. Дня, когда собираться, ни Антон и никто не назначал, а народ шел сам по себе: сегодня приедут одни, побудут да уедут, а завтра приедут другие; и я думаю, что в понедельник, за день до расстрела, народу вряд ли было не более, чем было тогда, когда стреляли. В то время расходиться я никого не удерживал, как всякий шел в Бездну по своей воле, без принуждения, по одному слуху об воле, так и от нас мог уйти каждый кто хотел. Правда, что были у нас горланы: Александр Яковлев Титов, Иван Никитин, Алексей Андреев и Дмитрий Гаврилов, которые завсегда первые говорили с начальством и приходящим приказывали становиться сзади, говоря, что они не сумеют отвечать. А сказать по душе, как перед богом, что, кроме тех четверых, всего более смутил нас Щербатский Николай; он был грамотный, выйдет, бывало, к народу и говорит, что нам дана чистая воля. Антон же из избы никуда не выходил, и хотя Антон был у нас первый человек: тихий, скромный, бывало, все читает книжки и рассказывал так хорошо, что и заставило нас верить ему, но все-таки мы сумневались его словам, кричали же: «Чистая воля» и «Умрем за царя», слушая, что кричали впереди, и если бы в то время перевязали тех горланов, и, в особенности, Титова да Николая Щербатского, или хоть бы до полчаса до стрельбы вернулся из Казани Гаврила Тарасов и сказал, что нам нет правов, так, я полагаю, что весь народ разошелся бы, так как стоило бы только уйти нескольким, а глядя на них, пошли бы и другие. Этот же самый Николай удержал нас итти к графу, когда он присылал за нами, говоря, что это приехал не царский посланник, а переодетый его барин, и что он оттого и не едет к народу, чтобы его не узнали, а зовет нас к себе, а что приехавший от царя был уже в Никольском, но уехал. Послушавшись Николая, из нас никто к графу не пошел. Все мы стояли, держа в руках только шапки, а у многих и того не было; о том же, чтобы сделать кому-нибудь какой-либо вред или зло, у нас,

сохрани боже, и в мыслях не было. Да и Антон строго наказывал всем, чтобы в толпе никого не было с палками, и когда к толпе подъехал исправник и чиновники, то строго смотрели за тем, чтобы не подошел кто-нибудь разговаривать с ними с батажком в руках, и если он у кого бывал, то приказывали бросать. К графу просить прощения, в числе других, приходил и я, и мы о священниках ему рассказывали так: первое время мы сомневались, правду ли говорит Антон, спрашивали его, почему же священник говорит, что нам нет воли, а на это Антон отвечал: священникам верить нельзя; они скрыли бумагу, присланную от царя об воле, и если государь узнает об этом, так им за это будет большое наказание. О том же, что священников надо на виселицу, я не слыхал, чтобы говорил Антон, да и вряд ли он это сказал бы, потому что он был человек набожный. Я полагаю, что если бы в то время был в Бездне наш барин, Михаил Михайлович Пушкин, да растолковал бы мне да другому, третьему, какие нам даны права, то и сборов не было бы никаких. А то Антон нас сбил тем, что говорил, что книга прислана от царя, чтобы крестьяне в 3 месяца поняли, что им дана чистая воля; если же в этот срок не поймут, то дастся еще три месяца, а потом царь велит книги отобрать и станет заклинать нас, что мы не поняли его милости; а яснее того, как писано в книге, он царь сказать не мог потому, что из-за нашей воли он и покойный император, быть может, жизнь свою имели в опасности не один раз. Одножители мои, Гаврила Тарасов, Егор Леонтьев, Андреян Евдокимов, Матвей Платонов Макаров, Ефим Назаров, Степан Ефремов, Николай Иванов и Илья Кирилов, — люди все хорошие и ни в чем дурном замечаемы не были. Из них Илья Кирилов и у барина завсегда был первый человек, Ефим Назаров, на мои глаза, простоват и ни на хорошее, ни на дурное не способен. Степан Ефремов — парень молодой (лет 18) и еще неопытный. Николай Иванов — мужик смирный, с большим семейством, человек примерный и у мира всегда был на хорошем счету, поэтому-то его мир и выбрал для своих дел. Конечно, если бы Николай или мы знали, что Антон врал, то и Николаю не попасться бы в это дело, а теперь не за себя, а за мир он попал в беду. Братья Антона, Степан и Петр, — парни смирные и хорошие и, как мне известно, от себя толков об воле никаких не делали, и что, услыхавши, что к нам идет начальство с войском, мы толковали, как бы нам принять их получше, с честию, и поэтому, по совету Антона, послали за околицу встретить их с хлебом и солью двух стариков, Федора Максимова и Егора Лукоянова, но граф хлеба не принял; до этого же для встречи мужиков, приходивших в Бездну, у нас хлеба и соли не было, и их никто не встречал. Если, — как говорите вы, — посторонние мужики показывали, что будто бы из нас некоторые были

с палками и не давали им расходиться, то это сущая неправда, потому что с палкою не было ни одного мужика; быть может, у сотников были в руках батажки [sic!], так их было всего трое, и удержать народу более трех тысяч человек они не могли бы, если кто захотел бы уйти; а по моему разуму, посторонние так показывают теперь из боязни ответа и чтоб свою вину сложить на других, а на мои глаза, после Антона все мы виноваты одинаково, и всякий, кто был в толпе, как может сказать, кто виновен более, когда он и сам неправ, что послушался глупого мужика.

То же самое показали и еще 210 человек бездинских крестьян.

Из записной книжки архивиста.

Петербургское духовенство и 9 января.

Среди дел и документов архива бывш. «святейшего синода» имеются многочисленные и до сих пор совершенно неиспользованные в литературе ежегодные отчеты о состоянии отдельных епархий, представлявшиеся в синод местными митрополитом или епископом в конце следующего за отчетом года. Составлены они более или менее по одному плану, очевидно, предписанному синодом, и по своему содержанию представляют богатейший материал для характеристики столичного и провинциального духовенства и его настроений для ознакомления с умственными и религиозными направлениями «паствы» и т. п. В них дается обзор деятельности епархиального управления и его органов (консистории, попечительств, съездов духовенства), жизни благотворительных, учебных и просветительных учреждений (домов призрения, приютов, касс, братств, обществ распространения просвещения, обществ трезвости, библиотек, книжных складов, издательств), состояния церковно-школьного дела, течений в старообрядчестве и сектантстве и борьбы с ними, жизни духовенства и настроений «паствы». Так как церковь со своим хорошо поставленным аппаратом глубоко проникала в мельчайшие поры государства, то естественно, что в этих отчетах широко охвачены разные стороны жизни страны.

1905 год, год «давно не бывавшего лихолетья», по выражению отчета за данный год, поставил перед церковью ряд новых вопросов. Дыхание революции 1905 г. сказывается на всем отчете: неспокойное состояние учащихся на уроках «закона божия»; сетование на «дарование с высоты престола свободы совести и печати», благодаря чему усилилась «противоцерковная пропаганда», которою «особенно назойливо» занимаются социал-демократы, стремящиеся убедить читателей своих брошюр, «что религия держится на земле лишь вследствие суеверия людей и что по науке надобно им быть безбожными»; горькие жалобы на «большое число отпадений от православия, явившихся последствием обнародования указа от 17 апреля 1905 г. об укреплении начал веротерпимости» — все это показывает на степень напряженности атмосферы, в которой жило в 1905 г. духовенство. Но важнее всего, что в 1905 г. церковь была вынуждаема выявлять свое отношение к совершавшемуся, так как революционные события расшевелили даже ту наиболее отсталую и темную массу, которая группировалась вокруг церквей и своих «пастырей». Письменные и устные обращения с вопросами: «где церковь?», «почему она бездействует?» заставляли духовенство вырабатывать какую-то определенную линию своего поведения.

Не могло не быть затронутым в отчете по Петербургской епархии такое кровавое событие, как 9 января 1905 г., особенно потому, что во главе его стоял представитель петербургского духовенства — Георгий Гапон, и что оно про-

шло под некоторым налетом церковности (молебны, хоругви, иконы, крестный ход и т. п.). Отношение высшего духовенства в лице синода к событиям 9 января теперь достаточно известно: отрешение Гапона, как «недостойного священнослужителя, дерзновенно поправшего святые обеты», и синодское послание 14 января «возлюбленным чадам церкви» с указанием, что «происшедшие беспорядки вызваны подкупами со стороны врагов России» (намек на «японские миллионы») — вот как реагировала церковь в целом на происшедшие события. И в первые дни после 9 января, когда, по выражению митр. Антония, духовенство «ходило в потемках», особенно было необходимо ему, благодаря указанным настойчивым запросам, разобраться в происшедшем и предпринять какие-то практические шаги. Эту задачу и поставило перед собою петербургское духовенство в лице «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви», состоявшего под «покровительством» митр. Антония. Отчет о заседаниях этого общества, печатаемый ниже в извлечениях, находим в отчете по Петербургской епархии за 1905 г. [1]).

Указанное общество собирало, можно сказать, весь «цвет» петербургского духовенства. Во главе его стояли настоятели крупных петербургских церквей (Казанский, Смольный, Петропавловский соборы), церквей в то время особо модных (при главном управлении уделов, при экспедиции заготовления госуд. бумаг), редакторы петербургских духовных журналов, популярные в то время проповедники.

Четыре заседания посвятило это общество событиям 9 января, причем на втором из них, 14 января, присутствовал митр. Антоний, побеспокоивший себя для надлежащей информации своей паствы, очевидно боясь возможных с ее стороны оппозиционных настроений.

Задачею митр. Антония было отмежевание от Гапона и руководимого им «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга» и дискредитирование самого события 9 января. В выступлении митрополита есть любопытные указания на характер первоначально намечавшейся формы организации «Собрания» и на обстоятельства определения Гапона к «месту его последнего служения». «Вопросы социальные и экономические», поставленные наряду с другими в программу «Собрания», но не относящиеся, по мнению митрополита, к «области чисто пастырской деятельности», были причиною того, что митр. Антоний не дал своего «благословения» Гапону, вставшему потом во главе «обманувших народ лживых агитаторов и преступных вожаков». Митрополитом был дан основной тон для суждения о 9 января. Вслед за митрополитом, утверждавшим, что кресты и иконы были взяты из молитвенного дома силою и что «впереди шли переодетые в священническую одежду миряне», участники собраний «Общества для распространения религиозно-нравственного просвещения», конечно «со слов очевидцев», распространялись об ораторах, «плоховато говоривших по-русски», о том, что вторая часть петиции «пришита к первой белыми нитками» и что она заключает «пункты, пониманию рабочих недоступные». Отсюда вывод: рабочие — невольные жертвы, а 9 января было делом какой-то кучки, бывшей в меньшинстве, прятавшейся за спинами рабочих, хотя «активная роль» принадлежала именно ей.

После такой «характеристики» отношение духовенства к событиям определилось само собою: 9 января —

[1]) Ленингр. Отд. Центр. Истор. Архива. Дело св. синода 1906 г. № 12999: «Синодального члена Антония, митр. С.-Петербургского и Ладожского, представление о состоянии СПБ епархии за 1905 год».

«общественное несчастие», и «могущественным средством для низведения утерянной милости божией» является в первую очередь м о л и т в а. В этом были согласны все петербургские «пастыри», и только форма молитвы вызвала среди них разногласия. Отринув «молитву торжественную, публичную», ибо таковая могла явиться поводом к демонстрации, собрание рекомендовало «молитву пастырскую, возносимую за литургиею, по верованию церкви, наиболее действенную».

Давши такой первый «практический» ответ на запросы: «где церковь?», «почему она бездействует?», собрание, руководясь стремлением «угодить только истине и н и к о г о [разрядка моя.—*А. Ш.*] не раздражить», перешло к другим вопросам, к постановке религиозно-нравственного и просветительного дела на фабриках и к желательному направлению церковной проповеди. Для характеристики первого достаточно указать, что «горячие» голоса, стоявшие только за «личное авторитетное влияние священника на улучшение отношений между рабочими и мастерами», были отведены собранием; взамен этого, — очевидно из боязни «раздражить» даже мастеров, — рекомендовалось «обращение к совести и христианскому сознанию». Еще больше разногласий, естественно, вызвал второй вопрос — о желательном направлении церковной проповеди. Очевидно, что события русско-японской войны и надвинувшейся революции произвели известное впечатление на часть петербургского духовенства, которая требовала «всецелого проникновения интересами паствы, деятельного участия в ее жизни», проповеди, «близкой к жизни земной». Однако такого рода проповедь скорее всего вовлекла бы духовенство в непосредственную борьбу с правившими классами, и эта борьба, конечно, не была в интересах церкви. Естественно поэтому, что собрание встало на диаметрально противоположную — «нейтральную» — точку зрения: «пастыри должны стоять на чистом учении христовом и проповедывать только идеалы христианства». А это значило, по существу, что духовенство не хотело менять своего хозяина, отказаться от с л у ж б ы правившим классам.

Видя такое отношение к происходившему среди петербургского духовенства, невольно задаешься вопросом, не сыграло ли 9 января и в религиозном воспитании масс такую же крупную роль, какую оно сыграло в политическом?

А. Шилов.

...Пастырских собраний при Обществе распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви в отчетном году было значительно более, чем в предшествовавшие годы, причем они отличались разнообразием как предметов обсуждения, так и самой их постановки.

В январе месяце отчетного года, по случаю бывших в С.-Петербурге печальных событий 9—11 января, состоялся ряд пастырских собраний столичного духовенства. Была сделана попытка разобраться в происшедших событиях, выяснить участие в них одного из недавних сочленов столичного пастырства, Георгия Гапона, охарактеризовать по возможности самое происшествие, определить желательное ко всему этому отношение духовенства. Так как разбираемое явление принадлежало к разряду крупных, оно вызвало за собою постановку на очередь и некоторых принципиальных вопросов, в будущем могущих дать толчок к оживлению деятельности духовенства в том или другом направлении.

Всех собраний было четыре. На втором из них, 14 января, присутствовал высокопреосвященный митрополит Санкт-петербургский Антоний, который отметил, что предшествовавшие 9 января события не давали права опасаться той ужасной развязки, какая случилась.

Первые известия о начавшемся рабочем движении владыка почерпнул из газет накануне крещения. Прочитав сообщение о сходке рабочих Путиловского завода и участии в ней Гапона, владыка немедленно сделал через консисторию распоряжение потребовать у Гапона отчета в его действиях. В пятницу, 7 января, Гапону под расписку было сдано распоряжение владыки, но ответа не последовало. Новые меры к вызову Гапона к епархиальному начальству тоже не имели успеха. Однако доставленные о деятельности его сведения оказались успокоительными, и наблюдающими за порядком в столице, бывшими в курсе всего происходившего в союзе, она признавалась даже благотворною. Поэтому воскресенье, 9 января, было встречено владыкою спокойно. Однако произошло кровопролитие. Кто виноват в нем? Из всех имеющихся пока сведений нужно заключить, что настоящие рабочие действительно шли к царю говорить о своих нуждах. О петиции подавляющее большинство ничего не знало. О вопросах и требованиях ее массе рабочих и не снилось. Народ одевался по-праздничному, чтобы предстать пред царем. Только вожаки знали, что царя не будет в столице, что приема не будет. Но для большего доверия со стороны народа устроен был крестный ход, силою взяты из молитвенного дома кресты и иконы, понесли портрет государя, впереди шли переодетые в священническую одежду миряне, что открылось, когда их ранили.

Участие Гапона в происшедшем выясняется чрез ознакомление с рабочим союзом. Последний организован с год тому назад, в противовес революционной пропаганде среди рабочих. Проектировали устроить его под покровом церкви, предоставить право входить в суждение о вопросах не только религиозно-нравственных и просветительных, но и социальных и экономических. Было предложение поставить во главе союза даже епископа. Но такое расширение программы деятельности союза под руководством представителя церкви владыкой решительно отвергнуто. Разрешено иметь в союзе, если бы таковой образовался, священника, но только как представителя церкви, как учителя, носителя веры. Вопросы социальные и экономические не могут относиться к области чисто пастырской деятельности. Союз, помимо участия духовенства, все-таки образовался, и во главе его оказался Гапон. Этот иерей, служивший ранее в полтавской епархии, в селе, овдовев, поступил в Санктпетербургскую духовную академию, окончил курс и некоторое время, не имея места, очень бедствовал. Имея о нем ненадежные сведения, владыка не решался определять его на какое-либо место в столице и на жалобы о крайней бедности ответил предложением материальной помощи. Однако, когда об определении Гапона к месту последнего его служения поступило официальное ходатайство подлежащего начальства, определение состоялось. Став во главе рабочего союза, Гапон обращался к митрополиту за благословением и разрешением на новую деятельность, но такового ему не было дано. Теперь, накануне кровавых январских событий, он является впереди лживых агитаторов и преступных вожаков народа.

Свою речь владыка закончил сообщением, что к нему в последнее время адресуется целый ряд писем и обращений. Спрашивают: где церковь? почему она бездействует? Предлагается собранию ответить на этот вопрос, но трудно сказать что-нибудь, когда более половины недели мы ходим, как в потемках, ничего не знаем и питаемся одними случайными слухами. Но урок себе на будущее время извлечь нужно. Может быть, духовенству нужно стать предусмотрительнее; может быть, есть такие или иные средства предупредить подобные события. Об этом предстоит собранию рассудить.

Помимо данного в речи владыки-митрополита фактического материала, много интересного по делу было сообщено еще на первом собрании духовенства, 11 января.

В конце 1902 г. в санкт-петербургских газетах стали попадаться известия о появлении в столице группы рабочих, свободно устроявших собрания по трактирам и чайным и рассуждающих об организации в Санкт-Петербурге союза рабочих в целях улучшения их быта. Инициаторы дела были приняты не только редакторами некоторых периодических изданий, но и градоначальником, министром внутренних дел и являлись для испрошения благословения на свое дело и к владыке-митрополиту. Владыка благословил каждого из депутатов св. евангелием, сказав, что в этой книге они найдут нужное руководство к деятельности. На просьбу допустить к видному участию в деятельности союза столичное духовенство владыка заметил, что члены союза, поскольку им желательно иметь наставление в истинах веры, могут найти таковое в религиозно-нравственных беседах, ведущихся в столице во всех фабричных районах. Могут быть открываемы также чтения научно-популярные, исторические и т. п. Поданное рабочими прошение о принятии духовенством на себя организации союза владыка-митрополит сдал в совет Общества религиозно-нравственного просвещения. Совет Общества отнесся к идее союза в высшей степени сочувственно и сделал даже некоторые шаги к осуществлению проекта; представители рабочих собирались и богу помолиться пред началом доброго дела.

Но ввиду настойчивого желания вожаков дела, наряду с задачами просветительными, внести в программу союза также вопросы социальные и экономические, ввиду далее открывшихся уже вначале побочных целей учреждения союза — духовенство совершенно прекратило в нем свое участие. Движение было предоставлено собственным силам. Приблизительно через год союз рабочих оказался снабженным уставом, составленным, как говорится, на известное лицо, снабженное выходящими из ряда полномочиями. Во главе союза стал священник Гапон. Дела союза шли, повидимому, отлично. Союз имел в Петербурге 14 отделений, для коих нанимались обширные помещения; в них велись чтения, происходили собрания рабочих. Влияние Гапона в союзе было огромно. Понемногу в союз, под видом рабочих, стали проникать сторонние силы, и открылась внутренняя борьба, увлекшая, наконец, за собою и самого Гапона. Поданная Гапоном петиция явно носит на себе отпечаток двойственности. Первая, общая, часть ее понятна для всякого даже простолюдина и не заключает в себе чего-либо преступного; народ шел с нею к царю, правда, наивно, смело и открыто, как к отцу; вторая часть пришита к первой белыми нитками и из нее не вытекает: она заключает в себе пункты, пониманию рабочих недоступные. Последние дни рабочего союза пред кровавыми событиями 9 января, очевидно, имеют в себе много еще неизвестного.

При выяснении настроения рабочих в движении 9 января сообщено следующее. Один из священников беседовал с арестованными во время беспорядков (всего было 140 человек), и первое, что он обнаружил, — злобу на солдат, почему те стреляли: не за что было стрелять. На это было им объяснено, что солдаты исполняли только свой долг. Когда указано было на петицию и ее требования, подавляющее большинство взятых с места беспорядков оказалось в требованиях этих ничего не понимающими, а требованием окончить войну они возмутились. Впрочем, несколько заключенных, с виду едва ли рабочие, держались диаметрально-противоположного мнения, но толпа заставила их молчать. Другой из иереев

сообщил со слов очевидца, что шедшие ко дворцу впереди толпы были люди степенные, некоторые несли в руках св. иконы, пели на ходу молитвы, и они-то более других пострадали. Толпа чем глубже, тем более изменяла свой характер, делаясь вольнее и буйнее. С Васильевского острова батюшка сообщил виденное им самим, что с утра народ, настроенный обычно празднично, к полудню сделался буйным под влиянием более всего уличных ораторов, в большинстве говоривших не по-народному, а подчас даже и плоховато говоривших по-русски. Священник того же района засвидетельствовал о мирном настроении встречавшихся ему фабричных, в массе посещающих его беседы. О раздражении рабочих, но уже после 9-го, и все-таки не таком сильном, чтобы невозможно было его успокоить увещеваниями, сообщено и из пригородных мест. Только один из участников собрания, с Выборгской окраины, поведал об угрозах рабочих по адресу всех не рабочих, не исключая и самого говорившего.

Впечатление из выслушанного получилось такое, что 9 января среди рабочих было два течения: одно, совершенно мирное, идеально-настроенное, шедшее к царю поведать о своих горестях; другое — буйное, готовое, может быть, на насилия. Второе пряталось за первым, хотя активная роль принадлежала именно ему. Кровопролитие, если для вторых не было, может быть, неожиданностью, то первых поразило, как громом, и многих из них озлобило.

Как относиться духовенству к происшедших событиям? Вопрос этот властно становится на очередь не только по инициативе самих столичных пастырей, но и по запросам к ним как письменным, так и устным.

Усматривая в событиях 9 января общественное несчастие, собрание справедливо указало прежде всего на молитву как могущественное средство низведения на нас милости божией. Высокопреосвященным владыкой-митрополитом сообщено, что в святейшем синоде готовится распоряжение о введении общественной молитвы об умирении наших внутренних нестроений. Непритворную жалость к себе вызвали также погибшие 9 января, особенно шедшие впереди толпы — люди наивные, доверчивые; кроме того, многие пали случайно, есть среди убитых и малолетки. Необходимость молитвы за погибших не вызывала на собрании сомнения, было суждение только о форме молитвы. Несомненно, что ввиду остроты положения молитва эта должна совершаться так, чтобы не вызвать каких-либо перетолкований. Неудобна молитва торжественная, публичная; известны ведь попытки обратить служение панихид в средство к демонстрации. И если бы где пришлось помолиться публично за погибших в смятении 9 января, прилично предварить моление пастырским словом и самую формулу поминовения на эктении взять наиболее мягкую и деликатную, оставляющую в сознании мысль, что внезапно, без покаяния, отчасти по неведению, погибло столько христианских жизней. Но собственно рекомендована собранием молитва пастырская, тайная, возносимая за литургией и, по верованию церкви, наиболее действенная.

Особенно продолжительны были совещания пастырей о средствах воздействия на пасомых в настоящее смутное время. Здесь предметом речи были: проповедь, усиление религиозно-нравственного делания на фабриках и личное пасторское влияние на фабричных.

Рассуждения о проповеди касались сначала требований минуты. Для собрания с первого взгляда было ясно, что говорить по поводу событий дня чрезвычайно трудно. Одно лишь, кажется, можно говорить везде и всем, в надежде угодить только истине и никого не раздражить, — это предостерегать паству от увлечений минуты и возможно чаще сверяться с вечными

истинами слова божия и своею совестью. Хотя и трудно пастырям, как членам общества, охваченного ныне всюду волнением, удержаться от такого или иного субъективного отношения к текущим событиям, но в проповеди они должны быть служителями единственно только божественной истины.

Постановка религиозно-нравственного и просветительного дела на фабриках — вот один из коренных вопросов собрания. Из приведенных на собрании справок выяснилось, что собственники фабрик обязаны по закону делать для своих рабочих слишком мало. Во всяком случае, где молятся рабочие фабрики, где назидаются, учатся и учат своих детей — этим собственник фабрики может интересоваться только по своей доброй воле. На справку о Петербурге было выведено также, что при многих фабриках и заводах ведутся духовные беседы, но проповедники для слушателей являются, во всяком случае, пришельцами, не своими, а мимолетными гостями. Несомненно, гораздо было бы лучше, если бы при всех крупных фабриках, или на несколько фабрик вместе, были свои церкви, с своими пастырями, приходскими учреждениями и школами. Было доложено, что еще года два тому назад в высоких, прикосновенных к делу, сферах велись суждения о несомненной пользе такого проекта и обещаны решительные шаги в смысле улучшения религиозной жизни фабричных, но по сие время результатов еще не видно. Фабрики и фабричные предоставлены самим себе, молятся где угодно, одного религиозного центра у них нет, и умиротворяющее влияние духовенства парализовано. А оно может быть очень сильным, что и доказано несколько лет тому назад при волнениях, например, за Московской заставой, когда посредничеством местного священника, ныне уже легшего костьми в Манчжурии, предотвращена опасная забастовка. Будь при каждой большой фабрике или заводе, где народ работает тысячами, своя церковь и свой священник, будь всегда налицо нравственное, смягчающее нравы, влияние на рабочих, мастеров и администрацию фабрики, многое, вероятно, было бы не так, как сейчас. Раздавались также горячие голоса за личное, авторитетное влияние священника на улучшение отношений особенно между рабочими и мастерами. Обращение к совести и христианскому сознанию тут много помогло бы. Весьма полезною признана предложенная одним из священников мера — распределить все петербургские фабрики и заводы между священниками так, чтобы батюшка мог быть на фабрике своим, знакомым с ее внутреннею жизнью, и сильным оказывать свое нравственное влияние, где возможно и нужно. Вопрос об осуществлении этой меры перешел в комиссию, образованную из священников фабричных районов столицы.

Наряду и в связи с вышеизложенными совещаниями, преимущественно практического характера, затронуты и обсуждались некоторые вопросы чисто принципиальные. Сюда можно отнести речи — о союзе нравственной и юридической взаимопомощи столичного духовенства, о направлении церковной проповеди и улучшениях в постановке законоучительства.

Принципиальный вопрос о направлении церковной проповеди и поскольку должна она входить в мирские, внешние интересы пасомых — долго не сходил с очереди и дебатировался на нескольких собраниях. Намечались три направления. Первое требовало от духовенства всецелого проникновения интересами паствы и деятельного участия в ее жизни. Проповедь должна быть ближе к жизни земной.

Другое направление, диаметрально противоположное, требовало, чтобы пастыри стояли на чистом учении христовом и проповедывали только идеалы евангелия. Злободневные вопросы затрагивать в проповеди не следует, осо-

бенно в такое смутное время, как нынешнее, когда пастыри могут быть мало осведомлены о положении дела и есть опасность втянуться в партийность.

Высказывалось и среднее мнение между данными крайними. Можно, объясняли, говорить «о божественном» и вместе с тем получать громадные практические следствия. Еще заявлялось: нужно пастырю поставить свое воздействие на паству, а также проповедь, на такую почву, на коей он остается вне всякой конкуренции. Пастыри должны объяснять идеалы христианства, но с практическими выводами, притом не только на словах, но и на деле, ходатайствовать за страждущих и обездоленных, а если это будет безуспешно, завести широкую взаимопомощь.

Авторитетом преосвященного председателя собрания, епископа гдовского Кирилла, поддержано и особенно рекомендовано второе мнение. И в настоящем случае и во многих других духовенство оказалось не на высоте своего положения потому, что было не тем, чем должно быть, не являлось носителем христовых идеалов. Гоняясь за современностью, оно может внести в свою среду политиканство и оказаться в услугах у мира. Нужно стать во весь рост пастырского идеала и громко говорить об идеалах, о принципах христианской жизни всюду и везде. Добрая закваска сама собою скажется в жизни и упорядочении ее.

Новые материалы о Л. Н. Толстом.

В Центрархиве хранится дело канцелярии начальника Тульской губернии «по письму графа Толстого о воровстве и кражах, произведенных в его имении Крапивенского уезда» (нач. 23 апреля 1864 г.), в котором находится автограф неизвестного письма Л. Н. Толстого, характерного для его настроений в эпоху «освобождения крестьян». Вот текст письма Толстого тогдашнему начальнику Тульской губернии П. М. Дарагану:

«Ваше превосходительство, милостивый государь Петр Михайлович.

Воровство в нашей местности с каждым годом увеличивается. Дерзость воров, уведших у меня лошадей, коров, овец, укравших весы с амбара, дошла до того, что прошлой осенью почти перед домом выкопали молодые яблони и увезли. Садовник мой нашел яблони у соседнего мужика, представил явные доказательства срезки ветвей и прошлогодней, а не осенней пересадки по положению корней. Я объявил о пропаже и находке тогда же и волостному правлению и становому. Посредник мне отвечал бумагой, что яблони не мои и что я имею купить другие (что я и сделал), а становой ничего не сделал и не ответил на неоднократные мои просьбы. Мужик же, должно быть, сбирается пересадить весь мой сад на свой огород.

Ваше превосходительство, пожалуйста, защитите меня. Я стараюсь не беспокоить вас, но иногда становится невозможным.

Вашего превосходительства покорный и уважающий слуга

граф Лев Толстой.

23 апреля [1864 г.]»

Тут же положена резолюция, надо думать, Дарагана: «Исправнику немедленно дознать и мне донести подробно о краже у гр. Толстого и представить объяснения станового, почему им не было сделано никакого распоряжения о прекращении беспорядка».

На следующий день был послан запрос Крапивенскому исправнику по пунктам жалобы Л. Н., и 29 апреля пристав шлет рапортом свои объяснения Крапивенскому исправнику, ко-

торый препровождает их начальнику губернии.

Становой доносил, что «объявления о пропавших у графа Толстого двух лошадях подаваемо ему никем не было, а после этого происшествия месяца через два, в бытность мою у графа, между разговором, он [т. е. Толстой] сказал мне, что у него пропали две лошади, в чем подозревает двух казенных крестьян с. Мясоедова Якова Кузьмина и Егора Алексеева.

Об украденных из сада графа Толстого деревьях, хотя и подано мне объявление, но тогда получено из волостного правления донесение, что по этому предмету было уже сделано г-м мировым посредником распоряжение».

В 1863 году Толстой развел в Ясной Поляне огромный сад, с шестью с половиной тысячами корней на площади в 35 десятин. Яснополянский сад до последнего времени уцелел и представлял один из крупнейших яблоновых садов в Центральной России.

Толстой вырос в усадьбе, был крепко связан с ней. В неоконченной статье 1858 г. «Лето в деревне» он писал: «Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его».

Усадьба доставляла Л. Н. Толстому хлопоты и другого характера. За два года перед тем ему пришлось вести дело по уплате долга майору Ф. Н. Дохтурову, оставшегося после умершего брата, Дм. Ник. Толстого, и приостановить назначенную опись имения. В деле Тульского губернского правления (3 отд. 9 стола «по рапорту Чернского земского суда об описи имения графа Льва и Сергея Николаевых Толстых за иск майора Дохтурова». Нач. 14 июня 1862 г., оконч. 12 сент. 1862 г.) находим два «всеподданнейших» прошения, составленных Л. Н. Толстым по этому делу и адресованных на имя Александра II [1]).

Вот текст первого: «Просит артиллерии поручик граф Лев Николаев сын Толстой и по доверенности брата штабс-капитана Сергея Николаевича Толстова о нижеследующем: 1) В Тульском губернском правлении производится дело о взыскании майором Федором Николаевым Дохтуровым должных ему денег покойным братом нашим титулярным советником графом Дмитрием Николаевичем Толстым около трех тысяч рублей серебром. И по этому делу предписано губернским правлением Чернскому земскому суду описать к продаже имение, состоящее Чернского уезда в селе Никольском — Вяземское тож. 2) А так как я и брат мой граф Сергей Николаевич Толстой состоим наследниками того имения, в каковом наследстве утверждены Чернским уездным судом, и знаем достоверно, что означенное имение приносит в год доходу более трех тысяч рублей серебром, каковой доход превышает количество суммы, должной покойным братом нашим Дмитрием Николаевичем Толстым майору Дохтурову, следовательно, претензия г-на Дохтурова удобно может быть погашена доходом с описываемого имения, если не в год, то, во всяком случае, в два года. Да и в ст. 345, X т., кн. III, разд. II, между прочим, сказано: «Продажа описанных населенных имуществ не допускается, когда при составлении описи окажется, что претензия истца может быть погашена доходом с имущества в продолжении двух лет». А потому, представляя при сем копию с доверенности и на произ-

[1]) Оба прошения писаны на специальных бланках, установленных для всеподданнейших прошений, рукой названных в прошениях лиц, но подписи под прошениями сделаны Л. Толстым собственноручно. Текст подписей Л. Толстого печатается разрядкой.

водство дела три листа гербовой бумаги сорокакопеечного достоинства, всеподданнейше прошу:

Дабы повелено было на основании помянутой 345 ст. X т. до продажи описываемого нашего имения, села Никольского,— не допустить и о сем сделать на основании той же статьи зависящее распоряжение. Подлинная доверенность представлена сего числа в Тульскую казенную палату по делу о выдаче свидетельства на перезалог имения. Февраля... дня 1863 года. К поданию надлежит в Тульское губернское правление. Прошение сие со слов просителя начерно и набело писал коллежский секретарь Михаил Андреев Соколов.

К сему прошению поручик граф Лев Николаев сын Толстой руку приложил. Прошение сие верю подать коллежскому секретарю Михаилу Андреевичу Соколову».

Текст второго: «Просит артиллерии поручик граф Лев Николаев сын Толстой, а о чем, тому следуют пункты: 1) Тульское губернское правление предписало Чернскому земскому суду составить описи доставшемуся мне с братом штабс-капитаном Сергеем Николаевичем от умершего нашего брата графа Дмитрия Толстого недвижимому имению, состоящему Чернского уезда в сельце Никольском, Вяземское тож, на удовлетворение взыскания майора Дохтурова по заемному письму 4 500 р. сер. А как по этому письму прежде было уплочено 2 100 руб., а остальные 2 400 р. мною вместе с сим отосланы при прошении в Чернский земский суд, то, объяснив о сем, всеподданнейше прошу:

Дабы повелено было за уплатою всей должной по заемному письму Дохтурова суммы опись означенного имения моего с помянутым братом моим прекратить, о чем и предписать Чернскому земскому суду. К поданию надлежит в Тульское губернское правление. Прошение сие набело переписывал писец 2 разряда Василий Федоров Спасский.

Марта 14 дня 1863 года к сему прошению поручик граф Лев Николаев сын Толстой руку приложил».

В третьем прошении Л. Н. Толстой от себя и от имени брата просил губернское правление разрешить вопрос, законно ли взыскание с Толстых процентов в пользу Дохтурова, так как им было дано простое заемное письмо их умершему брату. Дело заканчивается постановлением Чернского суда о приостановлении описи над имуществом Толстых.

Н. Бельчиков.

Из истории крестьянских восстаний против «воли» 1861 г.

Волна крестьянского протеста против «воли» 1861 г. особенно высоко поднялась в Пензенской губернии, где повинности на помещика (особенно барщина и подводная повинность) были чрезвычайно тяжелы. Пензенская губерния стала районом одного из крупнейших крестьянских волнений — восстания в селе Кандеевке, близкого по типу к известной Бездненской трагедии. Изучение Кандеевского восстания (доселе тоже неизученного) [1]) наталкивает исследователя на интереснейшую и почти неисследованную проблему — внутреннюю организацию крестьянских восстаний 1861 г. Эта орга-

[1]) См. С. Худяков «Бунт в Кандеевке в 1861 г.» («Ист. в.» 1881, XII); А. Дренякин «Сказание о волнении крестьян в Кандеевке в 1861 г.» («Рус. ст.» 1885, т. 46; ср. «Рус. арх.» 1896, XI).

низация имеет много общих черт с Пугачевщиной. Для борьбы за «чистую волю» объединяется ряд сел и деревень, некоторые из них выделяются как организационные центры. Крестьянская масса имеет своих организаторов восстания, толкователей «Положений» 19 февраля. Бывает, что в этой роли оказывается крепостной рабочий, иногда отставной «бывалый» солдат. Организуется планомерная агитация: крестьяне Кандеевки развозят по окрестным деревням красное знамя, призывая итти на помещиков, «отбивать» барщину (так читалось в «Положениях» слово «отбывать»), брать себе всю землю. Чембарский уезд был одним из наиболее «непокорных». Печатаемое ниже обращение священника села Покровского (Чембарского у.) Ефимия Глебова исправнику рисует с большой яркостью и живостью картину волнений и, кроме того, дает интересный материал для изучения вопроса о внутренней организации восстания.

Село Покровское, принадлежавшее помещику Веригину, находилось на самой границе Пензенской и Тамбовской губерний. Восстание вспыхнуло 5 апреля, в день объявления манифеста. Управляющий вынужден был бежать. Крестьяне послали за ним в Моршанск погоню, разделили между собой господский скот, прибили бурмистра. Заподозрив деревенского попа, державшего сторону господ, в том, что он скрывает «чистую волю», они потребовали от него «скрытых» им бумаг — об этом и рассказывает документ. Упоминаемое село Высокое — один из организационных центров восстания. «Главный начальник бунта» и «усерднейший сотрудник сатаны» в Покровском — крестьянин Высокого Леонтий Егорцев (в документе он описан, но по фамилии не назван) — из молокан, крепостной помещика Волкова, пользовался огромным авторитетом среди восставших, руководил восстанием, переезжая из села в село. После кровавого усмирения волнений крестьяне организовали побег Егорцева, так и не доставшегося в руки усмирителей, — вскоре после восстания он скоропостижно умер в Тамбовской губернии.

Документ извлечен из II т. «всеподданнейших донесений флигель- и генерал-адъютантов об обнародовании и приведении в действие Положения 19 февраля 1861» (ЛОЦИА), где среди рапортов усмирявшего Пензенскую губ. ген. А. М. Дренякина сохранилась и копия письма священника Е. Глебова, посланная Александру II для характеристики состояния губернии.

М. Нечкина.

Г. исправнику Андрею Ивановичу Андрееву.

От священника Чембарского уезда села Покровского Ефимия Глебова.

Вашему высокоблагородию честь имею донести, что сего апреля 5 дня я был между жизнию и смертию, а более близок к смерти по следующему случаю: после литургии, часа в 2 пополудни, к моему дому приступила толпа разъяренной черни, человек сот пять или более, все г. Веригина крестьяне, села Покровского и деревень: Петровского, Ивановки и Екатериновки, кричат, бранятся, ревут, сквернословят, требуют волю, волю решительную, совершенную независимость от помещика и ни от кого, — подай, сейчас подай! Мои увещания и убеждения оказались бессильными, никуда не годились. «Погодите, подождите, что у людей будет, то и у нас будет».— «Нет, подай сейчас, подай, ныне же подай, а то к святой отошлется бумага, и мы опять на 20 лет останемся барскими!» Что ни говори, в ответ слышишь одно: «врешь», со всеми бранными выражениями и скверными ругательствами: «убьем, зарежем, задушим; мир — велик человек, ты с барина подарки взял, в людях пришла воля, а у нас нет, — врешь! Вот

в селе Высоком пришла воля, и они теперь вольны». Тут был один старик высокинский, главный начальник бунта, имя его я не знаю, но по всему видно, что он усерднейший сотрудник сатаны. Подходят ближе, приступают плотнее, разбивают двери, растворяют, кричат, бранят, сквернословят, входят в комнату в шапках, требуют настоятельно: «подай, сейчас подай! по клочку разорвем! мир — велик человек!» Иной кричит: «бей его!»; другой: «тащи его, сюда тащи!»; иной: «куй его, вяжи его, души его, а манифест твой нам не надо, подай волю, сейчас подай, она у тебя, врешь!», с ругательствами. Защиты мне не было ни от кого, за меня никто слова не сказал, все против меня. Наконец, кто-то сказал: «ну, когда у него нет, взять с него расписку, нет, так нет. А как после окажется, от наших рук не уйдет». И тогда сел, написал и отдал им в руки при всех их, за подписом всего причта, что в Покровской церкви приказа об увольнении крестьян от помещика ныне же решительно никакого нет, кроме одного высочайшего манифеста, данного в 19 день февраля 1861 года, который манифест и обнародован всему Покровскому приходу прочтением в церкви после божественной литургии, и отправлено господу богу молебствие благодарственное с коленопреклонением 15 числа минувшего марта. Расписка эта теперь у них.

Получивши от меня таковую расписку, бунтовщики отправились в вотчинную контору, избили там бурмистра и конторщика, а управляющего дома не было, — по клочку разорвали бы его. «Счастие его добро», — так сами говорят. Были у него в доме в шапках же, комоды, ящики, сундуки перерыли, волю искали. И в настоящее время везде расставлены караулы, — ожидают его, управляющего, приезда, конечно, хотят исполнить свое намерение.

Из конторы опять пришли ко мне, привели с собой бурмистра и конторщика, избитых жестоко, — злость их приметно еще более усилилась: подошли к моему дому, обступили вокруг, выходу из дому не дают никуда и ни чего не говорят, ожидают старика — начальника бунта. Подходит старик говорит: «Погодите ребята, схожу в шинок, выпью винца и тогда попа задушим!» Сходил, выпил, приходит, — и вот пьяный, разъяренный, точно сумасшедший, а за ним и все как безумные вызывают меня на улицу, кричат: «выдь сюда, выдь сюда, добром выдь!». С ругательством старик впереди стоит. Я, было, вышел, посмотрел на них; «нет, выдь сюда, подальше выдь, а то вытащим!» Дьячок мой что-то сказал старику, он ударил кулаком его по лицу, и у него потекла кровь. Видя такую беду, я воротился назад в комнату и обратился с молитвой божьей матери и в ожидании смерти читал акафист покрову божьей матери. Домашние мои все молились и плакали. Не видя моего выхода на улицу, бунтовщики растворяют двери, входят в комнату, все в шапках, с бранью, с криком. Старик пьяный, злой вырвал у меня книгу, бросил на пол, говоря: «ты пожалуй, всю ночь будешь молиться, нечего глядеть на тебя», рванул меня за рукав, перевернул и силою тащил на улицу, — ему двое помогали, один ивановский — Иван Маркин, а другой, говорят, кантонист екатериновский. Двери растворены, и один из села Покровского, Иван Живов, стоя на пороге, громко кричал: «тащи его, тащи сюда, мир — велик человек! подай, сейчас подай, по клочку разорвем, нечего глядеть, поскорей, поскорей!» При помощи царицы небесной, я сильно противился им, слов никаких не говорил, язык онемел, испугался, помертвел. Жена и дети плакали, кричали; при всех усилиях, они не вытащили меня, оставили пока и строго пригрозили: «вот мы завтра съездим в Высокое, возьмем с собою конторщика и бурмистра, привезем оттуда бумаги-волю, — и тогда уже не прогневайся —

попа задушим. Нам солдаты — не солдаты, пушка — не пушка, мы на то пошли», и отправились от меня в 8 часу вечера. С господского двора скот рогатый разобрали. 6-го числа только что отслужил обедню, иду из церкви домой, опять собираются к моему дому те же и верхом и пешком и с ними еще Аржуковские г. Жемчужникова крестьяне, и старик высокинский тут же. Из Высокого воротились, прочитали там манифест два раза, — один брали из церкви, другой из конторы, вытребовали и у меня тот же манифест, прочитали два раза. В первый раз читал конторщик Иван Бокаров, второй — дворовый человек Иван Ульянов с толкованиями. Вот еще беда: в Высоком к высочайшему манифесту подвязан указ, а у нас нет, там 5 листов, а у нас четыре. «Бей попа! Не то время, утаил!» Посыпались ругательства. Спрашиваю конторщика — как же там пять листов? Отвечает: там указ подвязан к манифесту и вышло 5 листов. Вынес указ: «да разве так-то, по лоскутку-то дают, врешь, не то», но конторщик и бурмистр растолковали им: «так это, так». «Разве в людях-то такая воля, что это за воля? Тут должны быть золотая цепь, георгиевский крест, царское знамя. Врешь, не то, листы выдраны, сговорились. Не то, подай нам указ 20 марта, — ни дня, ни минуты барину не будем работать, податей с нас царь не будет требовать 20 лет, земля вся нам, леса, луга, господские строения — все наше, а барину нет ничего. Господ, попов бей, души!» Крик, шум, буйство всеобщее, и безумию их конца нет, требуют еще таблицу: «подай таблицу!» Какую же именно, никто не объяснил, а требуют настоятельно, но у нас в церкви никакой таблицы нет. Конторщик приносил им из конторы таблицу и читал.

У меня теперь жена и дети от испуга больные, да и сам чувствую от такого бунта сильное кружение головы и лихорадку. К тому же и ныне все толкуют: «попа выгнать по шее — по лоскутку выносит, — за тем выгнать его, выгнать, попов много, еще дадут». При сем не излишним считаю объяснить вам, что я боюсь ездить по деревням с христианскими требами, особенно ночью, — убьют.

Во время бунта дьякон и дьячек находились у меня в доме и слышали и видели все вышеписанное. Дать знать о сем земской полиции в то же время было невозможно, — везде были расставлены караулы. Так, я 6 числа послал записку в село Высокое к священнику известить о своем положении. Посланного церковного старосту Козьму Андреева поймали в Высоком петровские крестьяне, расспросили: куда, зачем, нашли грамотного, отдали ему записку и велели распечатать и читать: «нет, — говорят, — это к нашему попу, пойдем туда», пришли и заставляли читать при всех, причем находились крестьяне петровские: Михаил Еремин и Андрей Юдин и покровский Василий Свадькин.

О чем донося вашему высокоблагородию, прошу вас сделать со стороны вашей подлежащее распоряжение.

Из отголосков восстания декабристов.

В составе основного фонда по истории декабристов (быв. «Государственный Архив», разряд I В, теперь фонд 1121 Особого Отдела Древлехранилища в Москве) имеется дело № 470, озаглавленное: «Письма преступников из крепости на высочайшее имя и письма, вскрытые почтамтом». Как видно из обзора самих документов, включенных в это дело, а равно и из пометы на его обложке: «Из секретного архива канцелярии военного министерства»,—здесь собраны некоторые из материалов, обильно поступавших в связи со следствием над декабристами «в канцелярию начальника главного

штаба е. и. в.». Документы, составившие это дело, за немногим исключением, не были в свое время переданы начальником главного штаба в комиссию, производившую следствие над декабристами, хотя иные из них и могли бы иметь для ее работ определенное значение. Лишь позднее эти материалы были переданы из военного министерства в Государственный Архив и присоединены к общему фонду о декабристах, как это имело место и с другими собраниями документов, касающихся тайного общества, передававшихся в разное время в Государственный Архив для присоединения к основному фонду (разряд I В).

Материалы, собранные под обложкой дела № 470, гораздо разнообразнее, чем можно было бы ожидать по его заглавию. Среди них находим известные записки на высочайшее имя Якубовича и Булатова, список устава «Союза Благоденствия», копии некоторых показаний Пестеля, несколько подлинных документов, относящихся к истории провокации Шервуда; но главную часть «дела» составляют выписки из частных писем, сделанные в большинстве случаев московским почтамтом. Часть этих писем и предлагается здесь вниманию читателей. Почтовое ведомство отбирало письма, в той или иной мере касавшиеся выступления декабристов, их арестов и дальнейшего хода их дела. Это — частью письма родных и близких декабристам лиц, частью совершенно посторонних для них людей. Не давая существенно нового материала для характеристики политических настроений в кругах, социально близких декабристам, письма эти представляют несомненный историко-бытовой интерес, рисуя переживания, настроения, суждения и оценки, вызванные в этой среде выступлением декабристов и дальнейшею их участью. Вполне естественно, что высказывания родных и близких декабристов носят печать тревоги, горя, сочувственной озабоченности за судьбу попавших в беду декабристов и отличаются своим тоном от холодных, иногда враждебных суждений чужих и далеких декабристам лиц. Однако в основном своем содержании обе группы писем могут быть сближены между собой: за единичным исключением в них напрасно было бы искать принципиального одобрения планов и целей декабристов и их выступления. Даже в письмах родственников и друзей декабристов, пусть в смягченной и сдержанной формулировке, все же находим осуждение их действий, как несвоевременных, легкомысленных, неосторожных, а то и нелепых. Разумеется, отсутствие сочувственных высказываний по адресу декабристов отчасти могло иметь причиной и осторожность авторов писем, хорошо знавших, что корреспонденция читается на почте. Но все же впечатление, оставляемое подбором выписок, настолько определенно, что дает основание сделать заключение, поддерживаемое и другими известными нам фактами и свидетельствами, что настроение дворянской среды, некоторых оттенков и нюансов, по существу, оказывалось однородными: к выступлению декабристов она относилась отрицательно.

К письмам из дела № 470 присоединены два близкие к ним по содержанию письма родных декабриста Ф. Ф. Вадковского, вызванные его арестом. Эти два письма входят в состав дела № 23 того же фонда (быв. Госархив I В), носящего название: «Дело о розысканиях, произведенных старшим адъютантом главного штаба I армии Сотниковым». В числе других почтовых выемок они были доставлены Сотникову во время его расследований на Украине в связи с делом тайного общества.

Для удобства обозрения письма при публикации даются в ином порядке,

чем тот, в каком размещены они в архивных делах. Они сведены в две группы: сначала приводятся письма родных и знакомых декабристов, затем даны письма лиц, не связанных личными отношениями с декабристами. В обеих группах письма подобраны по эпизодам, о которых в них идет речь. Письма, написанные в подлиннике по-французски, даются в переводе.

Б. Сыроечковский.

ПИСЬМА РОДНЫХ И ЗНАКОМЫХ ДЕКАБРИСТОВ.

Арест Ф. Ф. Вадковского в Курске [1]).

Письмо С. Ф. Безобразовой А. Ф. Вадковскому [2]).

Воронеж,
9 января 1826 г.

Желаю тебе, мой дорогой Сашечка, всего доброго в новом годе, но с праздниками не поздравляю, потому что, по правде сказать, не с чем поздравлять. Если я так долго не писала тебе, мой друг, то причиной — кончина государя и печаль, которую распространили повсюду эти обстоятельства. Мысли были в таком беспокойстве и так были заняты новостями, которых то ожидали, то получали из Таганрога, из Петербурга, из Москвы и из других мест, что голова совсем кругом шла. А теперь, душечка, берусь за перо, чтобы сообщить тебе новость, которую мы получили несколько дней назад и которую ты тоже, быть может, уже знаешь, — это что Федор переведен в полк в Архангельск. Не могу тебе сообщить больше об этом никаких подробностей, потому что мы только всего и знаем. Алексей Плещеев [1]), который был в отпуску у себя в имении, видел Федора во время проезда его через Орел. Он говорит, что Федор был довольно весел, хорошо защищен на случай холода и в хорошей кибитке, которую приобрел для него фельдъегерь. Это очень хороший человек, как говорит Федор. Говорят, что его перевели за повторение той же ошибки [2]). Вот все, мой добрый друг, что мы знаем, и, вероятно, мы долго не будем знать больше, потому что, бог знает, позволят ли ему в первое время писать. Как только мы получим его адрес или какие-нибудь сведения о нем, я не замедлю уведомить тебя, но не удивляйся, что он сам тебе не пишет. Алексей ему советовал даже и не просить у своего полкового командира разрешения на переписку. Но, быть может, все это не надолго. Авось, все опять поправится. Но я ничего не упущу,

---

[1]) Ф. Ф. Вадковский, прапорщик Нежинского конно-егерского полка, был, в результате доноса Шервуда, арестован в начале декабря 1825 г. в Курске и отправлен в Шлиссельбургскую крепость. При аресте ему было объявлено, что он направляется в ссылку на службу в Архангельск. Печатаемое здесь и следующее письма были задержаны на почте и до адресатов не дошли. Подлинники по-французски вперемежку с русскими фразами.

[2]) Софья Федоровна Безобразова — сестра Федора Федоровича Вадковского. «Сашечка» — их брат, Александр Федорович Вадковский, подпоручик 17 Егерского полка, арестованный в ночь на 31 декабря в Белой Церкви.

[1]) Алексей Александрович Плещеев, поручик л.-гв. Конного полка, член тайного общества. Был арестован в Орле в январе 1826 г.

[2]) Фед. Фед. Вадковский, служивший в 1822 г. корнетом в Кавалергардском полку, в 1824 г. «за неприличное поведение», выразившееся в вольных речах и в распространении непозволительных стихов об особе государя, был переведен прапорщиком в Нежинский конно-егерский полк.

чтобы привести в добрый порядок все наши семейные дела. Господь милосерд, и новый государь тоже будет милостив, и, быть может, скоро мы все опять соединимся вместе. Если ненароком вздумаешь написать ему несколько слов, конечно, совершенно незначащих, только о тебе самом и о твоем здоровье, ты можешь переслать свое письмо ко мне незапечатанным: быть может, мы найдем способ переслать через кого-нибудь весточку о себе и до того времени, когда переписка по почте вновь будет нам разрешена.

Милый Сашечка, мы скучаем. Весь город в глубоком трауре; тоска и печаль ужасные! Сергей Кривцов [1]) и Алексей Плещеев оба здесь и остаются еще на несколько дней. Уж мы им так рады! Кстати, душечка, необходимость заставила меня вчера в первый раз написать управляющему Пальны относительно тех двух тысяч рублей, которые я заняла для тебя. Так вот, я прошу тебя, душечка, уведомь его в двух словах, что я не вру, и скажи ему, чтобы он, когда в его распоряжении будут деньги, выслал мне эти 2 000 рублей. Я нахожусь в тесном положении: грошу нет; дела мои идут плохо: ни копейки не присылают из деревни, и я уже давно мучаюсь, но все не хотела прибегать к этому средству. Так что совестно было писать к Ивану Васильевичу [2]), но под конец мне пришло на ум, что все равно эти деньги, быть может, будут истрачены на фантазии П[авла] [3]). Очень прошу тебя, Саша, написать об этом управляющему.

До свидания, мой ангел. Целую тебя и люблю.

Твоя сестра и лучший друг

С. Безобразова.

Письмо П. Ф. Вадковского А. Ф. Вадковскому [1]).

10 января 1826 г.

Сообщаю тебе, дорогой Александр, печальную новость, которая меня очень поразила, потому что я меньше всего был готов получить ее: наш легкомысленный Федор опять доигрался со своим языком до того, что его уже нет в Курске. Фельдъегерь за ним приехал, чтобы отвезти его в Архангельск. Я узнал об этом из письма, которое написал мне Алексей Плещеев; он, возвращаясь из Черни проездом в Воронеж — повидаться с мамашей, в Орле встретил Федора уже с его спутником по путешествию. Федор имел время только сказать ему, что он направляется в Архангельск, и передать ему счет своих долгов. Сам я никаких подробностей не знаю, не знаю даже, куда я мог бы ему написать. Как только узнаю что-нибудь, я тотчас тебя извещу.

Признаюсь, я взбешен против него: как это, если уж оставить речь о нем самом, не подумал хотя бы о том, что своими глупостями он может вызвать нерасположение к бедному Иваш [2]).

Что касается твоих дел, то я еще ничего не предпринимал. Ты должен был получить мое письмо, и я ожидал твоего ответа, который я нахожу в полном согласии с моими мыслями. Впрочем, гр. Пален больше не командует дивизионом, который стоит в Ельце: он получил бессрочный отпуск.

---

[1]) Сергей Иванович Кривцов, подпоручик конной артиллерии, член тайного общества, был арестован в Воронеже 14 января 1826 г.

[2]) Т. е. к управляющему имения Вадковских Пальны.

[3]) Павел Федорович Вадковский, брат автора письма, камер-юнкер, бывший адъютант ген. Сипягина.

[1]) На письме помета другим почерком: «Почт. штемпель письма — из Задонска».

[2]) «...contre le pauvre Ivach», вероятно, разумеется Ивашев, Вас. Петр., ротмистр Кавалергардского полка, арестованный 23 января 1826 г. в Москве.

Счета, которые ты просишь, я пришлю; сегодня мне некогда это сделать. Что касается ломбарда, не беспокойся: будет уплачено во-время.

В заключение целую тебя, также и жена.

Арест Рылеева.

Письмо Н. А. Антропова [1] *К. Ф. Рылееву.*

3 генваря, 1826 г.
Бирючи.

Поздравляю тебя с новым годом.

Жду и не дождусь от тебя бумаг, обещанных тобою еще 18 октября. Не могу винить тебя, ведь каково же ныне время и дела в Петербурге?!

Жив ли ты, здоров ли ты, бесценнейший Кондратий Федорович?

Это беспокоит меня, и в голове моей вертятся только мрачные мысли.

Не смею писать о том, о чем бы хотелось. Худая обдуманность происшествий [2] петербургских удивляет меня. Вот до чего дожили, что Воейков, издатель «Инвалида», острится и проницает в какие-то бедствия безначалия (Листок «Инвалида» № 300) [3]. Понимает ли он, что говорит?

Все совокупившиеся обстоятельства нынешних времен столько опечалили меня, что я наложил на себя траур, который носить буду до радостного дня.

Напиши, любезнейший, ко мне, обрадуй своими русскими грамотками, исполненными истинного духа славянского.

Изъяви мое глубочайшее уважение несравненным и добрейшим ангелам Малютиным. Ты смеешься, но — c'est mon amour idéal, а без того, можно ли сохранить в нашем быту нравственность свою?

Утешаюсь надеждою, что ты обратишь ко мне свое внимание и обрадуешь письмом своим.

Твой друг Н. Антропов.

Еще за три экземпляра «Дум» и «Войнаровского» посылаю 45 руб. За мною — два экземпляра.

Аресты преподавателей училища колонновожатых.

Письма братьев Александра и Василья Кругликовых [1] *от 12 января 1826 г. из Петербурга к отцу их Н. А. Кругликову в Москву.*

1.

Вот уже близ трех недель, как мы не имеем от вас никакого известия, и при таковых обстоятельствах ваших, можете представить, каково должно быть наше беспокойство. Несколько строк руки вашей, стоивших вам минутных трудов, могли бы облегчить оное; теперь же сие самое смущает нас и заставляет недоумевать причину молчания вашего.

Желая только, чтоб сие не было следствием чего-нибудь худого, с нетер-

---

[1]) Печатается по копии из дела № 470. На полях пометы: «К арестанту». «Деньги и оригинал отданы в Комитет».

Автор письма — ротмистр Астраханского кирасирского полка Николай Александрович Антропов. Ознакомление Комиссии с настоящим письмом повело к аресту Антропова. Ему удалось доказать свою непричастность к заговору, но все же он просидел под арестом до 6 сентября 1826 г., когда был освобожден высочайшим приказом и переведен под строжайший присмотр в Нежинский конно-егерский полк.

[2]) В подлиннике подчеркнуто и на полях помета на французском языке: «Кажется, это член общества».

[3]) Имеется в виду первое правительственное сообщение о событиях 14 декабря, напечатанное в № 300 «Русского инвалида» за 1825 г.

[1]) Авторы писем — слушатели училища для колонновожатых, будущие офицеры свиты е. и. в. по квартирмейстерской части.

пением ожидаем мы ваших уведомлений.

Насчет себя же скажу вам, что праздники доставили мне простуду; теперь сидим все дома, взялись за занятия, но и они идут дурно. Чем ближе к экзамену, тем труднее, как способности остаются все те же, а прилежание утомляется. Главное же дело состоит в том, что все лекторы наши, кроме двух (Болотова и Искрицкого), схвачены как замешанные в последней истории. Вы помните нашего экзаменатора и после лектора Корниловича, гр. Коновницына, Палицына, Крюкова [1])? Первый из них, как вы, может быть, уже знаете, был из главных зачинщиков, и его, кажется, расстреляют; последние сидят в казематах. Крюков же, уехавший в Москву, в отпуск, был вырван из круга семейства, которое едва успел он обнять, надеясь спокойно провести время посреди них. Я вам считал одних экзаменаторов, но сколько других схвачено в свите! Дурное мнение, которое она приобрела этим у государя, много будет ей стоить. Теперь же вследствие сего всего более на нас обрушились, ибо, не имея лекторов, одним весьма трудно проходить и готовиться из частей неизвестных; экзамен же от сего никак не менее будет строг.

Вы, без сомнения, читали про бунт в Черниговской губернии и нашли там убитого Муравьева [2]) на стороне бунтовщиков. Это тот, который, помните, сиживал у Бол. Под сей наружностью скрывался отличнейший ум. Фамилия Муравьевых сильно потерпела. Сыновья прежнего свитского генерала, генералы же [1]), двое гвардейского штаба — капитан и полковник [2]), полковник Черниговского полка и многие другие, всех 9 или 10, попались и найдены главными заговорщиками [3]).

Вот наши новости; простите, что так нескладны, и не забывайте письмами вашими нетерпеливых читать их. Преданный и почитающий сын ваш... и проч.

2.

Последнее письмо ваше от 24 числа подвергло нас величайшему беспокойству насчет здоровья любезнейшей маменьки, а ваше молчание превратило это в совершенное отчаяние, которое, конечно, если продлится сия неизвестность, заставит догадываться причинам оной. В продолжение почти трех недель одна сия мысль занимает меня, и не знаю, что будет с нами, если наши догадки оправдаются.

Мы, слава богу, здоровы и живем спокойно посреди окружающих нас бурь. Почти никуда не выходим и принуждены более еще против обыкновенного заниматься, по причине неимения лекторов. В крещение мы были зрителями парадного шествия на

---

[1]) Речь идет об офицерах квартирмейстерской части П. П. Коновницыне, А. О. Корниловиче, Н. П. Крюкове, Д. А. Искрицком, Болотове, преподававших в училище для колонновожатых.

[2]) Имеется в виду восстание Черниговского полка и судьба Ипполита Ив. Муравьева-Апостола, только что выпущенного прапорщиком квартирмейстерской части и застрелившегося при разгроме Черниговского полка.

[1]) Александр Николаевич и Михаил Николаевич Муравьевы, дети учредителя училища для колонновожатых, ген.-майора Николая Николаевича Муравьева; но первый из них — отставной полковник, второй — отставной подполковник.

[2]) Гвардейского штаба капитан — Никита Михайлович Муравьев; отставным полковником гвардейского ген. штаба был Александр Николаевич.

[3]) В «Алфавите» декабристов, составленном для Николая I, значится 8 Муравьевых, замешанных в деле Тайного общества. Привлекался еще Александр Захарович Муравьев.

иорданъ, впрочем при сей церемонии не присутствовали войска, и мы в первый еще раз так близко видели государя и в. к. Михаила Павловича.— Здесь все еще находимся... [1]), ибо недавно получили известие из второй армии о бунте Черниговского полка; им предводительствовал полковник Муравьев-Апостол, брат прежде бывшего нашего. Первый ранен в сражении и привезен сюда, а наш убит. Они напали на местечко Белую Церковь, место дивизионной квартиры, разграбили и долго сопротивлялись высланным против них нескольким бригадам.

До сих пор освободили только одного нашего — Свечина, признанного невинным. Впрочем, крепости только что наполняются, и никто не знает, какая ожидает участь всех схваченных; говорят только, что главных шестерых назначено расстрелять. Для сего учреждена особая комиссия, коей президентом Татищев, а членами Михаил Павлович, Дибич, Депрерадович, Левашев, Киселев и многие др.

Вот наши нульные [2]) новости, взамен которых желал бы получить одно известие о вашем здоровьи. С каким нетерпением мы это ждем и с каким страхом представляем себе, что не получим оного! Целую ваши ручки. Вас многопочитающий и любящий сын... и проч.

Арест Александра и Артамона Муравьевых.

Письмо Н. А. Корфа [3]) из местечка Троянова от 21 января 1826 года Т. А. Гурко в Москву.

Ты читала, верно, в «Инвалиде» про возмущение гвардейцев и прочих гнусный заговор, как и про то, что у нас происходило в 3-м корпусе, но я хочу тебе описать о нашем всеобщем удивлении, узнав об оном, и о наших несчастиях, которые, слава богу, что так хорошо кончились. Слушай. Накануне нового года приехал в Троянов Артамон Захарович [1]) с женой, дабы встретить новый год с братом и наутро ехать с поздравлением к Роту [2]) в Житомир. Во время ужина в 12 часу вдруг подают Александру конверт, это был приказ генерала Ридигера [3]), дабы, с получением оного, весь полк тотчас вышел в поход против возмутившегося Черниговского пехотного полка, где полковник Муравьев-Апостол убил своего полкового командира, разбил полковой ящик и, освободив всех колодников, идет с полком к местечку Брусилову; две роты однако ж не пошли, но остальные с офицерами, и все пьяные, за ним следуют. Он солдат своих обманул, уверил, что их ведет к Константину Павловичу. Но в том же приказе велено было Артамону и Але-

---

[1]) Пропуск в подлиннике.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Автор письма — Николай Алексеевич Корф, офицер Александрийского гусарского полка, пишет сестре своей Татьяне Алексеевне Гурко, жене начальника штаба 5-го корпуса Влад. Иосиф. Гурко. Этот Гурко был в 1818 г. принят С. П. Трубецким в «Союз Благоденствия», но скоро отошел от него. В деле № 470 есть его письмо на имя Дибича, в котором, он, предупреждая события, по собственной инициативе, признается в мимолетной принадлежности своей к тайному обществу. По высоч. повелению принадлежность Гурко к обществу была оставлена без внимания.

[1]) Полковник Артамон Захарович Муравьев, командир Ахтырского гусарского полка. Брат его, полк. Александр Захарович Муравьев, командовал Александрийским гусарским полком, стоявшим в местечке Троянове, Житомирского уезда, Волынской губернии.

[2]) Рот 1-й, Логг. Осип, ген.-лейт., командир 3 пехотн. корпуса.

[3]) Ридигер 1-й, Фед. Вас., ген.-майор, начальник 3 гусарской дивизии.

ксандру прибыть тотчас к Ридигеру для получения дальнейших приказаний. Они и поехали, но, лишь приехали к нему, как Артамона арестовали по именному повелению и с офицером отправили в Петербург [1]), бумаги же его без него взяли и отправили вслед за ним.

1-го генваря весь наш полк собрался в 10 верстах от Троянова, куда и Александр прибыл, и дожидались повеления. В ночь на второе велели нам итти вперед. Мы шли три дня в жестокие морозы верст по 70. Надобно было видеть рвение наших гусар; они, кажется, хотели разорвать и подполковника Муравьева-Апостола и весь его Черниговский полк, но нам не удалось с ними помериться, ибо Гейсмар генерал с другим отрядом встретил его под местечком Хвостовым [2]) и с несколькими эскадронами гусар и с двумя орудиями их разбил и взял, ибо они почти не сопротивлялись. Но когда ж бывают храбры подлецы? Нам велели итти назад, ибо всё уже пришло в порядок.

Восьмого, когда мы пришли в Трояново и сидели у камина Александр, Елена [3]) и я, как вдруг входит адъютант Ридигера с офицером, унтер-офицером и рядовым, показывает повеление главнокомандующего, дабы взять Александра, захватить его бумаги и везти его, хотя и не арестованного, в Могилев. Признаюсь, эти минуты я никогда не забуду, знав его невинным, ибо он от роду ни в какие дела не вмешивался и ничем более не занимался, как службою и манежем. Больно было видеть эти жестокие меры, хотя и непременно нужные в столь смутных обстоятельствах. Все офицеры прибежали и плакали, как бы отца провожали. Мы были четыре дни в неизвестности на его счет; хотя знали его невинным, но боялись, что, может, нескоро рассмотрят его бумаги и долго продержат, что убило бы Елену, но к счастью, получили письмо от него из Могилева, а 13-го он сам приехал, ибо увидели его совершенную невинность.

Теперь, благодаря создателя, все опять тихо, спокойно, только легко может всякий из нас съездить в Петербург, ибо бездну тащат туда штаб-, обер-офицеров и даже генералов; то безвинно прогуляешься, хотя по справедливости — царя невинному бояться нечего, но все невесело с в и н н ы м и э т и м и т о в а р и щ а м и прогуляться. Вот краткое, но истинное описание всего, что случилось в местах наших. Не дай бог так иному проводить старый и встретить новый год, как мы!

А р е с т И. И. и М. И. П у щ и н ы х.

Копия с письма И. А. Набокову в Могилев от 19 февраля 1826 г. от А. И. Пущиной из Петербурга [1]).

19-го февраля 1826 г.

Не писала я к вам прошедшую почту, любезный Иван Александрович, от

[1]) Арт. Зах. Муравьев был арестован 31 декабря; в Петербург был доставлен 3 января 1826 г.

[2]) Фастовым. Гейсмар, Фед. Клим., ген.-м., командир 2 бригады 3 гус. дивизии.

[3]) Елена Алексеевна Муравьева — жена Александра Захаровича Муравьева, урожд. Корф, сестра автора письма и Т. А. Гурко.

[1]) Автор письма — Анна Ивановна Пущина, сестра декабристов Ивана Ивановича и Михаила Ивановича Пущиных. Адресат — ком. 3 пехотной дивизии ген.-майор Ив. Алекс. Набоков, председатель военно-судной комиссии при штабе 1 армии в Могилеве, наряженной для суда над офицерами, участниками восстания Черниговского полка. Он был женат на сестре Пущиных — Екатерине Ивановне. — На копии помета: «Письмо остановлено».

тоски, и полагая, что вас уже не застанет. Две недели, как нет ни слова от наших заключенных. Справлялись, где можно, — сказали, что на время остановлена переписка, но обещали в конце недели, может, и будет завтра, но Catherine бедной мне нечего писать!

Чего вы добиваетесь и что хотите узнать? Михайло, по моему, не виноват, но по суду осудят, первое — потому, что был знаком с людьми этого общества, второе — за два дня знал что-то о их заговоре, третье, — что не выехал с эскадроном, хотя физически не мог взлезть на лошадь, но все виноват потому, что утром еще присягал не щадить живота. Иван же был в несчастный день в quarré; что без оружия, я в этом уверена, но все-таки был, а, впрочем, я полагаю, что в заговоре против жизни некоторых особ он, конечно, не был, душа его мне слишком известна. Стало — он чего искал, и на что шел, так это желая какой лучшей перемены. По законам он будет осужден за одно 14-е число, но, кажется, государь столько оказывает снисхождения этим несчастным, что можно надеяться облегчения. Здесь говорят, что когда кончится следствие, то многие будут выпущены. Я надеюсь, бедный Михайла будет в числе, а прочие отдадутся под суд в Сенат, и для избежания личности и всякого пристрастия, не поименно, а под нумерами. Вот все, что по сие время узнали утешительного. За верное не выдаю, потому что кому нам что путное сказать?

Отдала бы половину, или даже все свои счастливые дни, если суждено их иметь, чтоб видеть Ивана десять минут. Пробыл он с нами целые сутки после 14, и я не имела духу ни о чем у него спросить. Говорят, что он отвечает умно, скромно и хорошо. По взятии каждого приводили к государю; многие его видели идущего туда и оттуда с весьма спокойным лицом. Бедный Иван, конечно, он не злодей. Могут его убить, но я о нем мыслей не переменю.

Калошина [1]) жена [чуть] совсем не сошла с ума. Ведь бог есть, не оставит несчастных. Петра привозили во дворец на два часа, но он совершенно оправдался. Видим его довольно часто с тех пор, как общая беда нас постигла. Потоскуем, погорюем и как будто легче.

Бухарин [2]) все тот же, повернется на минуту и пропадет. Чего он хочет, не знаю, а, конечно, за делом приехал. Долго ли останется только неизвестно.

Что вам — И. П.? И у меня об нем спрашивать! Чтоб нас утешить, скажу вам, что он назначен в церемонию нести корону казанскую в помощь Аракчееву. Не подъедете ли вы к этому времени? Так много будет сует, что наших бедных заключенных совсем забудут. Кончайте свое дело поскорее и помягче. Право, государь так милостив, что он этому будет рад, а судьи делают, как будто его не понимают, и потому всех убьют и нас тут же.

Будьте здоровы.

Annétte.

Арест Ал. и М. Н. Муравьевых.

Выписка из письма С. А. Волкова из Москвы от 18 февраля 1826 г. к А. Н. Муравьеву в Тульчин.

Мне нет надобности говорить вам, что я принимаю самое искреннее уча-

---

[1]) Калошин, Павел Иванович, советник Московского губ. правления, член Союза Благоденствия, друг И. И. Пущина, который в Москве жил у него в доме. Содержался в Петропавловской крепости со 2 января по 13 июля, когда был выпущен. Был уволен от службы с запрещением въезда в столицы. Петр — его старший брат; Петр Иванович служил в департаменте внешней торговли, член Союза Благоденствия, отошедший позднее от Тайного общества.

[2]) Бухарин, Ив. Як., двоюродный брат Пущиных.

стие в том страшном беспокойстве, какое вы испытываете с тех пор, как не получаете больше известий от вашего отца и братьев. У меня имеются все основания просить вас совершенно успокоиться на счет первого: о нем я получил очень хорошие сведения всего пять или шесть дней тому назад. Он очень страдал от подагры в январе месяце, но теперь совершенно поправился. Я бы этого не говорил вам, если бы не был в том уверен.

Мне бы очень хотелось оставить вас в неведении относительно ареста ваших братьев Александра и Михаила до их скорого освобождения, которое мне представляется очень близким, особенно в отношении Александра. Так как я не имею никакого понятия о связях и взглядах Михаила, то и не могу вам сказать, может ли он надеяться на оправдание или нет. Что касается Александра, то вся семья предполагает, что он был вызван в Петербург по поводу старых грехов, в которых он может себя упрекнуть наравне со многими горячими головами, в двадцать лет присвоившими себе смехотворное право создания новой формы правления. В этот век извращенного просвещения (de lumières ténébreuses), в котором мы живем, молодые люди считают себя настолько знающими и учеными, что почти все мнят себя способными издавать маленькие хорошие законцы и маленькую хорошенькую конституцию для такого милого и маленького государства, как Россия. Они, надо полагать, заключили союз с мудростью Соломона или же... с дьяволом. Последнее предположение кажется мне более правдоподобным, раз лучшая часть русского дворянства, которую в других странах назвали бы высшей аристократией, считает для себя достойным служить образцом для санкюлотов общественного спасения.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ СТОРОННИХ ДЕКАБРИСТАМ ЛИЦ.

I.

События 14 декабря.

Выписка из письма И. М. Евреинова из С. Петербурга от 7 января 1826 г. к Н. М. Евреинову в Москву [1]).

Письмо твое я получил, в котором просишь уведомить тебя о происшествии 14 декабря. Сего я не считаю нужным, ибо из газет ты можешь видеть ясное всего описание, но одно то только скажу тебе, что мы спасением нашим от взнесенного уже на главы наши меча безначалия и всеобщего губительства обязаны мудрым распоряжениям августейшего и возлюбленного нашего монарха, который, презирая умыслы гнусных мятежников, облеченный щитом своей невинности, в полной доверенности к народу и верным своим войскам, явился сам на дворцовой площади, приняв начальство войсками; сперва употреблял все средства, какие мог взыскать милосердный отец заблудших чад своих, но, когда сии злодеи, забывшие бога и долг верности, упорствовали в своем злодеянии, тогда картечные выстрелы посыпались из жерл орудий гвардейской артиллерии, и толпа разбежалась в разные стороны. Я был свидетелем сего зрелища, которое могло иметь весьма несчастные последствия; но, глядя на государя, невозможно было не восхищаться его истинно геройским духом. Ни малейшего смущения не приметно было на его лице; без всякой торопливости, точно как на обыкновенном ученьи, распоряжал он диспозициею войск, и только ежеминутные знаки милосердия его, даже и к самим пре-

[1]) Автор письма Иван Михайлович Евреинов; адресат его брат — Николай Михайлович. В конце письма идет речь о сыновьях Ивана Михайловича.

ступникам, восхищали верных его подданных. Боже! ниспошли ему все блага. Надежда наша несомненна, что его величество соделает Россию счастливою.

Ура! наши измайловцы! — они пребыли верными, хотя несколько офицеров и подстрекали солдат, но им не удалось: сии добрые воины, которые с самой колыбели видели на государе измайловский мундир, не захотели замарать его неверностью и неповиновением. Мои молодцы также не забыли обязанности своей, не сделали пятна фамилии. Они, как верные слуги и телохранители государя, провели целые сутки на биваках около Зимнего дворца. Михаила моего сам император приказал представить к переводу в Измайловский полк, и я надеюсь, что на этих днях будет в приказе, а мундир уже готов. Слава богу, я могу похвалиться детьми; хоть они и не в моде воспитаны, но правила их всегда стóят того, чтобы с уважением смотреть на стены почтенного кадетского корпуса.

Выписка из письма Н. М. Евреинова из Москвы от 13 января 1826 г. к И. М. Евреинову в С.-Петербург.

Более всего поздравляю тебя с тем, что большие дети тебя утешают и были во время смятения верными престолу и государю. О измайловцах я был всегда уверен, что не изменят, да и офицеришки, подговаривавшие их, как я из газет видел, были мальчишки, и, верно, из моих старых товарищей никто и не подумал быть изменником, привыкши повиноваться и любить покойного императора и с ним побеждать врагов отечества; верно, всякий и новому законному государю и, можно сказать еще более, отцу измайловцев, — остался преданным. Мне больно, что я не мог при сем случае быть и доказать всю преданность к великой его особе, но радуюсь, что в службе нашлись тысячи мне подобных. Помоги ему бог вырвать корень зла и примерно наказать злодеев. Сегодня читал с ужасом о поступках Муравьева Черниговского полка; это, думаю, тот сверчок, который служил одно время со мною, но в Семеновском полку. У него и физиономия змеиная. Вот благодарность за добродетель покойного государя! Изверги! Душа волнуется, писав имена их!

Восстание Черниговского полка.

Копия с письма к Е. А. Кутузовой из Могилева 3 февраля 1826 г. [1]).

Любезнейшая сестрица Катерина Алексеевна. До тебя дошли, я чаю, слухи об ужасном происшествии, последовавшем в Черниговском полку, в котором я, по несчастию, состою. Важность дела требовала строжайших розысканий, и я с прочими отдан под суд по подозрению. Знаю, сколь такая весть тебя опечалит, и, чтобы тебя успокоить, скажу, что нисколько непричастен к делу и, как ты меня знаешь, неспособен и несроден быть участником такового гнусного и безрассудного дела, что и самые последствия скажут, ибо я уверен, что невиновность моя обнаружится. Ты не можешь моему уверению не поверить и не поверишь, чтобы брат твой был так безрассуден, чтобы забыть обязанности свои к жене и к детям, пустился на преступление и еще столь важное.

Будь спокойна, ты не имеешь причины стыдиться именем твоего брата.

А. Лебедев.

---

[1]) Адресат — Екатерина Алексеевна Кутузова; автор — майор Александр Александрович Лебедев, младший штаб-офицер 2-го батальона Черниговского полка, был арестован по подозрению в участии в мятеже, но судной комиссией оправдан.— В конце письма помета карандашом: «Письмо отослано».

Солдаты Черниговского полка под арестом.

Выписка из письма Василия Веденского из Белой Церкви от 22 марта 1826 г. Якову Егоровичу Веденскому [1]).

Мы так отягощены караулом, что каждый день на службе государевой, и потому кое-как урывками залучаем время для досуга. Этому причиной — бунтовавшие роты Черниговского полка под предводительством подполковника Муравьева-Апостола. Он давно уже отвезен в Петербург закованным в тяжелых кандалах на руках и ногах. Над нижними чинами производится военный суд здесь, в местечке, с 4-го числа сего месяца. Уже 34 человека из них допрошены и размещены по одному по домам жидовским; при каждом два часовых и денно и нощно, несмотря на то, что также все почти в кандалах. Не позволено с ними никому говорить и даже самим часовым. Двое из таковых разжалованные из офицеров. Две роты 17-го егерского полка замешаны единственно потому только, что при содержании их под караулом часовые и унтер-офицеры разговаривали с ними насчет их, черниговцев, бунта; а поручик Полтавского полка по оговору оных двух на сих днях отвезен под строгим караулом в главную квартиру нашей армии. Вот как опасно содержать таковых арестантов! Чего и не думаешь, то случится.

[1]) К выписке на особом листке приложена резолюция: «Списать с сего письма копию и препроводить оную (по высочайшему повелению) к главнокомандующему 1-ю армиею с тем, не угодно ли ему будет поручить кому-либо из доверенных чиновников разведать секретным образом о справедливости или неосновательности тех обстоятельств, в письме сем содержащихся, кои заслуживают внимание. Оригинальную же выписку возвратить нач. гл. шт. — 20 а п р.».

II.

Отзывы о выступлении декабристов и суде над ними.

Копия с письма надв. советника Ф. Кристина из Москвы от 3-4 февраля 1826 г. графу Моркову в С.-Петербург [1]).

Среда. 3-го февраля. Полдень.

Начинаю письмо свое сегодня, но запечатаю его только завтра. Сильная боль в горле удерживает меня дома и мешает мне видеть церемонию, только что начавшуюся, хотя я еще и не слышу пушечных выстрелов, долженствующих оповестить о прибытии тела славной памяти усопшего государя. Вчера тело прибыло в Коломенское. Некто, приехавший оттуда, говорил мне, что гр. Орлов-Денисов [2]) не мог достаточно нахвалиться тем энтузиазмом, с которым встречали траурную процессию от Таганрога до Серпухова; с момента же вступления на территорию Московской губернии стала заметна большая перемена и гораздо меньше усердия, что можно приписать тому воздействию, которому в продол-

[1]) Автор письма — надворный советник Фердинанд Кристин, швейцарец по происхождению, бывший дипломатический агент известного дипломата гр. Аркадия Ивановича Моркова, доживавшего свои дни членом Госуд. Совета в Петербурге. Письмо написано в дни прибытия в Москву по пути в Петербург из Таганрога тела Александра I.

[2]) Ген.-адъютант гр. Вас. Вас. Орлов-Денисов распоряжался траурным кортежем. В Московской губернии администрация, напуганная донесениями агентов тайной полиции о толках и брожении в народе в связи с обстоятельствами смерти Александра I и воцарения Николая I, приняла исключительные меры к охранению спокойствия и порядка во время следования тела Александра через губернию.

жение недель подвергалось окрестное население, а также и страху каждого, как бы этот момент не явился толчком к революционной вспышке. Губернатор и власти были хорошо достаточно предупреждаемы и потому приняли меры предосторожности, но я не могу скрыть от вас, что состояние умов очень скверное. Статья «Инвалида» от 29 января заставила вытянуться немало лиц, так как она доказывает, что заговорщики, действительно неоспоримо, имели преступные намерения, и заставляет предугадывать наказание, ожидающие виновных. После освобождения Сомова [1]) стали, было, рассчитывать (я говорю о людях зломыслящих), что и других обвиняемых ждет та же участь; говорили, что газеты до сих пор печатали неосновательные сведения, которые окажутся ложными. Теперь же, после того, как напечатанное в «Инвалиде» подтверждает то, что печаталось раньше, все поднялись на Сомова, называя его изменником, купившим себе свободу выдачей тайны своих сотоварищей. Я совершенно не верю всему этому, но вижу, до чего дошли некоторые головы, и до чего необходимо применить к виновным закон со всею строгостью, чтобы их наказание устрашило негодяев. Людовик XVIII только и царствовал благодаря казни маршала Нея; эта энергичная мера сдержала толпу заговорщиков.

Слышу трезвон, возвещающий прибытие тела; вероятно, я слишком далеко, чтобы до меня донесся звук пушек.

Четверг, 4 февраля.

Вчерашняя церемония прошла совершенно спокойно; все трактиры и кабаки были закрыты, сборищ нигде не было, и благодаря этому всюду царило полное спокойствие. Теперь я вам скажу, граф, что здесь у нас имелись серьезные опасения, и что они, вероятно, были не без основания. По улицам ходят патрули; полиция явная и тайная на чеку; при таких предостережениях тело отбудет в субботу при том же спокойствии, как и прибыло.

Я не верю в смерть молодой графини Бобринской [1]), потому что в прошедшее воскресенье у ее матери, княгини Горчаковой [2]), справлялась пышная свадьба; она выдавала замуж свою воспитанницу Веру за князя Салтыкова [3]), сына слепца. Говорили, что муж Бобринской [4]) был вызван из Франции, как замешанный в заговоре, так же, как и Тургеневы и некий Корсаков, которые в Париже; я же считаю этот слух лишенным основания, по крайней мере, у князя Юрия [5]) об этом, повидимому, не подозревают: он весел и бодр для своих лет. Ваш бедный племянник, отец Марии Андреевны [6]) (которой я переслал ваше письмо), не так весел, как князь Юрий. Он снова впал в мрачное настроение; общие страхи подействовали ему на нервы: он всюду видит карбонариев. На-днях его жена скрестила на груди руки, а бедный князь говорит Обергу:

---

[1]) Сомов, Орест Михайлович, литератор из кружка Рылеева — его сослуживец по Российско-американской компании, был арестован 19 декабря по подозрению в участии в тайном обществе, но 8 января 1826 г. был освобожден с аттестатом.

[1]) Гр. Лидия Алексеевна Бобринская, урожд. Горчакова, умерла в 1826 г.

[2]) Кн. Варвара Юрьевна Горчакова, дочь кн. Юрия Влад. Долгорукова.

[3]) Кн. Петр Дмитриевич Салтыков был женат на Вере Фед. Стемпковской.

[4]) Гр. Василий Алексеевич Бобринский был заподозрен в принадлежности к тайному обществу. 13 июля 1826 г. высочайше повелено по нахождении его в чужих краях учредить за ним секретный надзор.

[5]) Кн. Юрий Владимирович Долгоруков, отец Варв. Юр. Горчаковой, дед умершей Бобринской.

[6]) Кн. Андрей Михайлович Оболенский, ген.-майор, вскоре умерший.

«Посмотрите, что делает жена, мой дорогой доктор, — ведь это знак карбонариев». Доктор над ним посмеялся, а он на это говорит: «Я никогда никому не делал зла, однако же боюсь всех» и, говоря это, он горько плакал.

Вы надеетесь приехать на коронацию; я в этом не сомневаюсь, и это мне будет большое удовольствие, от которого не хочу отказаться. Пока же берегите ваше здоровье; я боюсь, как вы перенесете похоронную церемонию, на которой захотите присутствовать. Но ваш возраст, надеюсь, избавит вас от нее. Вы не сможете пройти пешком от заставы до дворца, вернее до крепости, так как, я думаю, тело будет внесено прямо в церковь. Но вы бы могли бы быть при погребении и богослужении, как бы печальна и трогательна ни была эта церемония.

С большим удовлетворением вижу выбор лиц, приехавших приветствовать императора от монархов. Принц Прусский, принц Оранский, принц Фердинанд д'Есте — от императора австрийского; Веллингтон приедет от Георга IV; уверяют, что король шведский пришлет своего сына Оскара (меньшего он и не может сделать в данном случае). Мне бы хотелось, чтоб французский король прислал герцога Орлеанского. Для России это очень почетно и доказывает, насколько стремятся сохранить ее дружбу. Да поддержит господь нашего государя Николая! Это — мой постоянный припев!

Выписка из письма г. Жилле из Одессы от 17 февраля 1826 г. надв. советнику Ф. Кристину в Москву.

Большое спасибо вам, дорогой мой друг, за ваше письмо от 25 января; я не преминул сообщить жене и милому Весельчаку [1]), что в нем было дружеского и любезного по их адресу. Он все еще в горе, и мне его тем более жаль, что у меня нет веских причин к его утешению. Впрочем, медлительность с решением, классификация, производимая комиссией, еще оставляют кое-какие проблески надежды, и было бы жестокостью лишать несчастных этой последней опоры. У нас уже налицо несколько успокаивающих примеров. Не скажу, чтобы я одобрял систему снисхождения: она может оказать хорошее влияние разве на тех, кто был только увлечен, но окажется безрезультатной в отношении людей, совершенно развращенные нравы которых позволили им принять участие в ужасных планах, о которых нам сообщают. Эта трагическая сторона набрасывает на дело зловещую тень, заставляющую содрогаться и мешающую посмеяться над смехотворными идеями маленьких Солонов. Признайтесь, что это же ведь великие государственные деятели — те, кто мечтали о федеративной системе в России и хотели применить у обширной империи эту систему, расхваленную, как совершенную, несколькими философами, не умнее их самих, только потому, что она составила, да и по сей час еще составляет счастие ваших швейцарских кантонов! К этой первой глупости они ухитрились присоединить вторую, поистине великолепную, блестящую мысль об отделении областей, которые их стесняли, чтобы наградить ими соседние державы! Каким только образом хладнокровное, обдуманное злодейство могло сочетаться с таким ребячеством? Мы, казалось, постигли глупость людскую, но я вижу, что она представляет еще обширное поле для нашего изучения.

Вы совершенно правы: время для послабления еще не настало. Государь

---

[1]) «Au bon Joyeux», видимо чье-то прозвище, а быть может, и фамилия.

должен воспринять всю свою власть, он должен использовать ее во всей полноте, и только, когда все придет в порядок, его воля будет — внести те изменения, какие он найдет подходящими; и то я считаю, что время для перемены правления еще очень далеко, потому что я достаточно знаю страну, чтобы сказать, что в ней слишком мало людей, подготовленных к активному участию в управлении.

В том уголке земного шара, где я живу, в городе, представляющем самую разнообразную смесь туземцев и иностранцев, собравшихся со всех стран света, мы наслаждаемся относительно полным спокойствием и положительно опровергаем ту репутацию якобинцев и карбонариев, которую нам вздумали приписать. Впрочем, у нас нет никакого права хвалиться нашим благоразумием: оно необходимое последствие наших привычек — здесь все так заняты своими личными делами, возможностью дешево купить и дорого продать, что не остается времени заняться идеями, проникающими только в пустые головы молодых бездельников.

Ответственная редакция: { В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Из переписки В. А. Маклакова с Национальным Центром. С предисловием *М. Покровского*	3—30
Временное Правительство Автономной Сибири. *(Окончание.)*	31—60
Из истории национальной политики царизма. *(Окончание.)*	61—83
«Союз 17 октября» в 1906 г. *(Окончание.)*	84—121
К истории процесса 21. С предисловием *С. Валка*	122—179
Бездинское восстание 1861 г.	180—191

Из записной книжки архивиста.

Петербургское духовенство и 9 января. Сообщил *А. Шилов*	192—199
Новые материалы о Л. Н. Толстом. Сообщил *Н. Бельчиков*	199—201
Из истории крестьянских восстаний против «воли» 1861 г. Сообщила *М. Нечкина*	201—204
Из отголосков восстания декабристов. Сообщил *Б. Сыроечковский*	204—218